

Исторические мечети КАЗАНИ

Р.Р.САЛИХОВ
Р.Р.ХАЙРУТДИНОВ

Исторические мечети КАЗАНИ

Р.Р.САЛИХОВ
Р.Р.ХАЙРУТДИНОВ

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2005

УДК 947.0
ББК 633(2Рос=Тат) + я6
С 16

*Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани
АНО «Институт культурного наследия»*

Научный редактор: *Р.С.Хакимов*
Редакционная коллегия: *Р.М.Валеев, Ф.М.Забирова, В.М.Якупов*

Художник
Рушан Шамсутдинов

Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.

С 16 Исторические мечети Казани. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. — 191 с.

Данная работа посвящена истории мечетей и мусульманских общин Казани второй половины XVIII — начала XX вв. Представляет собой очерки о всех исторических памятниках мусульманской культуры города, видных религиозных деятелях, предпринимателях-меценатах, мектебах и медресе.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

ISBN 5-298-04120-5

© Татарское книжное издательство, 2005

Оглавление

Предисловие	4
От авторов	6

Глава I. Мечети Старотатарской слободы

§ 1. С высочайшего повеления «Бабушки-императрицы»	10
§ 2. Заботы байского прихода	59
§ 3. Бесценный подарок капиталиста Бурнаева	73
§ 4. Мечеть цвета неба в «общине рабов»	79
§ 5. Община реформаторов	84
§ 6. Щедрость миллионеров и высокая честь ученых мужей	101
§ 7. Мечеть коммерции советников	106
§ 8. Последнее благодеяние Зиганши Усманова	117
§ 9. Короткий век Казаковской мечети	143
§ 10. Мечеть на Старом татарском кладбище	148

Глава II. Мечети Новотатарской слободы

§ 1. Большая мечеть маленького прихода	152
§ 2. Древние камни новой слободы	156
§ 3. Высокий минарет «Низенькой Бухарской»	161
§ 4. Мечеть Суконной слободы	165

Глава III. Мечети казанского Заречья

§ 1. Мечеть Ягодной слободы	170
§ 2. Мечети Пороховой слободы	171
§ 3. Мечети Адмиралтейской слободы	179

Резюме	188
------------------	-----

Предисловие

Город Казань на протяжении многих столетий является одним из самых крупных центров мусульманской цивилизации. Неоценимо его значение и в истории российского ислама. Многовековые устои созидательного, мирного сосуществования различных народов, конфессий, культур, заложенные и утвержденные нашими предками в период Волжской Булгарии и средневековых татарских государств, и сегодня являются незыблемой основой общественной жизни мусульман Казани и Татарстана.

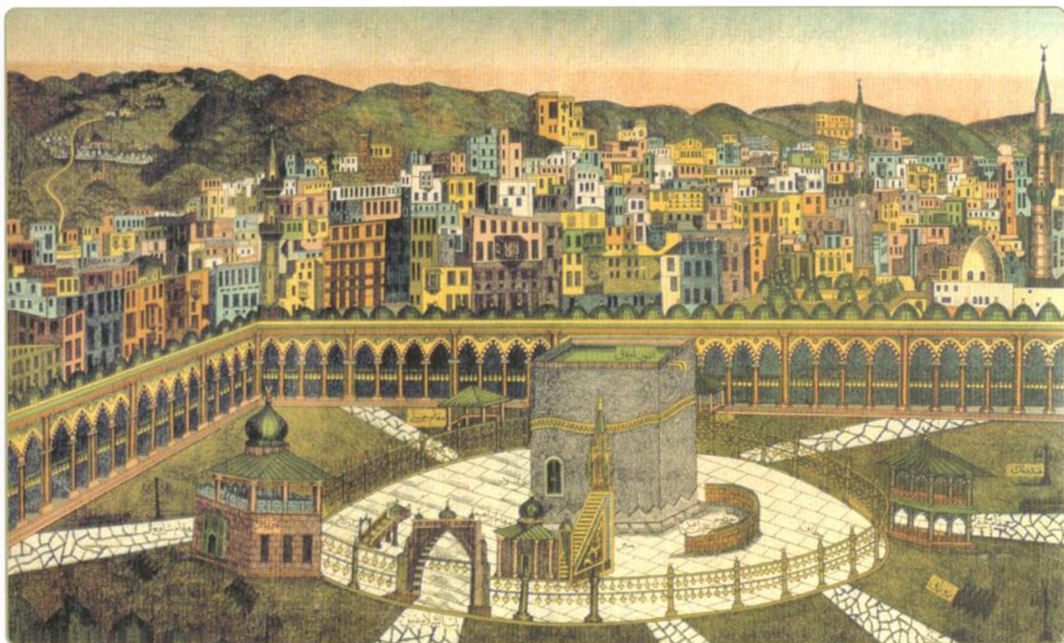
Прекрасным архитектурным памятником и символом веротерпимости можно назвать старейшую мечеть города, гордо носящую имя выдающегося татарского ученого-просветителя, проповедника, мыслителя Шигабуддина Марджани. Ее строительство стало возможным после личного разрешения императрицы Екатерины II, посетившей Казань весной 1767 г. Этим гуманным и благородным актом просвещенная правительница Российской империи не только прекратила практику открытой религиозной дискриминации, но и оценила высокий патриотизм и преданность татар.

Реформы «Бабушки-царицы», как тепло называли Екатерину II благодарные татары, способствовали расцвету в Казани мусульманской учености и образованности, строительству новых больших мечетей, развитию предпринимательства и благотворительности. Навсегда в памяти народа остались имена замечательных имамов и богословов: Ибрагима Хузяша, Салахутдина Исхакова, Хусаина Амирхана, Абдували Абдулгавварова, Шигабуддина Марджани, Ахмета Сагитова; купцов и промышленников: Азимовых, Апанаевых, Бурнаевых, Галеевых, Усмановых, Утямышевых, Юнусовых и многих других, внесших огромный вклад в распространение исламской духовности и просвещения.

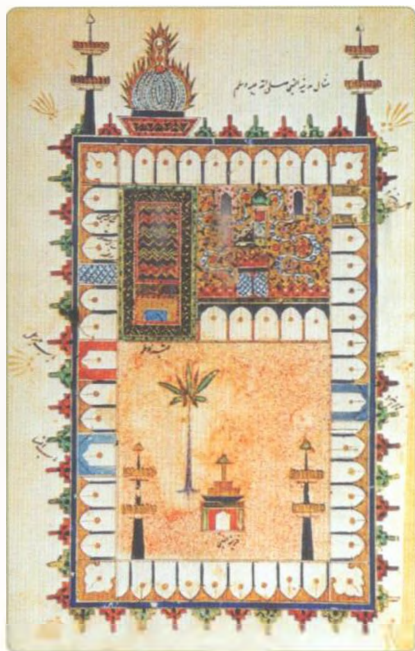
Именно в Казани в конце XIX столетия усилиями замечательного улема и педагога-новатора Галимзяна Баруди возникло мощное джадидистское движение, открывшее российским мусульманам дорогу в новый технократический XX век. Следует особо подчеркнуть, что даже в тяжелейшие годы воинствующего атеизма многие казанские мусульмане, как самоотверженные сподвижники, продолжали нести свет веры людям, тем самым продолжая вековые традиции своих предков.

Сегодня стараниями верующих и благодаря поддержке Президента Республики Татарстан, кабинета министров Республики Татарстан, администрации г.Казани наша столица переживает этап религиозного возрождения.

В Казани успешно действует свыше 50 мусульманских религиозных организаций, 35 мечетей, среди которых особое место занимает кремлевская мечеть

Шаналь с изображением Каабы

Кул Шариф. Создана уникальная образовательная система, в которой работает 4 религиозных учебных заведения: Российский исламский университет, Казанский исламский колледж и 2 высших мусульманских медресе («Мухаммадия» и им. 1000-летия принятия ислама), при мечетях организованы многочисленные курсы изучения основ ислама.

Вместе с тем Духовное управление мусульман Республики Татарстан и мухтасибат г.Казани понимают, что все эти достижения не были бы возможны без опоры на бесценное культурное наследие, дошедшее до нас из глубины столетий. Вот почему мне хочется поздравить читателей с выходом книги, посвященной историческим мечетям Казани, раскрывающей новые страницы славного прошлого нашей любимой столицы.

*Имам-мухтасиб г.Казани,
имам-хатиб соборной мечети Марджани
Мансур хазрат Джильялетдин*

Медина. Средневековая арабская миниатюра

От авторов

Казань на протяжении нескольких веков является признанной столицей российского ислама. Тысячелетние духовные традиции, сформировавшиеся еще в Волжской Булгарии и обогатившиеся в период Золотой Орды и Казанского ханства, способствовали возникновению в городе на Волге уникального мусульманского сообщества с самобытной историей и культурой. Современный архитектурный облик Казани немислим без высоких минаретов старинных мечетей, зданий прославленных медресе, в которых учились выдающиеся представители татарского народа, домов знаменитых священнослужителей и мусульманских предпринимателей, чьи имена были известны всему тюркскому и исламскому миру России. Сегодня важно не только сохранить это бесценное материальное наследие, но и донести его высокое гуманистическое содержание до сердца каждого человека, равнодушного к великому прошлому своего Отечества.

Эту цель и преследует данная книга, представляющая читателям научно-популярные очерки, посвященные историческим мечетям столицы Татарстана. Она является продолжением многолетних совместных исследований Института истории им.Ш.Марджани АН РТ и Министерства культуры РТ, направленных на изучение памятников истории и культуры татарского народа на территории Российской Федерации. В книгу вошли новые архивные материалы, раскрывающие ранее неизвестные страницы из жизни старинных казанских махаллей, их проповедников и благотворителей. К историческим мечетям нами отнесены храмы, построенные в городе до 1930 года, т.е. до начала массовой антирелигиозной кампании и закрытия культовых учреждений. Конечно, не все помещенные в книгу статьи равнозначны по объему. Большое место, например, в ней занимает рассказ о мечети Марджани, которая, помимо того что является самой древней из всех существующих мечетей города, никогда не приостанавливала свою духовно-просветительскую деятельность. Поэтому вся история татарского ислама от времен императрицы Екатерины II до сегодняшних дней нашла свое полное отражение в ее «биографии». Вместе с тем мы постарались дать максимальный объем имеющейся у нас информации по всем остальным общинам вне зависимости от их статуса и времени существования. Особое внимание в книге уделено мечетям, чьи здания по тем или иным причинам не сохранились.

Источниковую базу работы сформировали фонды Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, Национального архива Республики Татарстан, архива УФСБ по Республике Татарстан, фотоколлекции Национального музея Республики Татарстан.

Материалы, освещающие историю мечетей в первые десятилетия советской власти, подготовил кандидат исторических наук, с.н.с. Института истории им.Ш.Марджани АН РТ И.Р.Миннуллин. Авторы благодарят Р.Р.Идрисову за помощь в подборе иллюстративного материала.

Даты до 10 февраля 1918 года даны в книге по старому стилю.

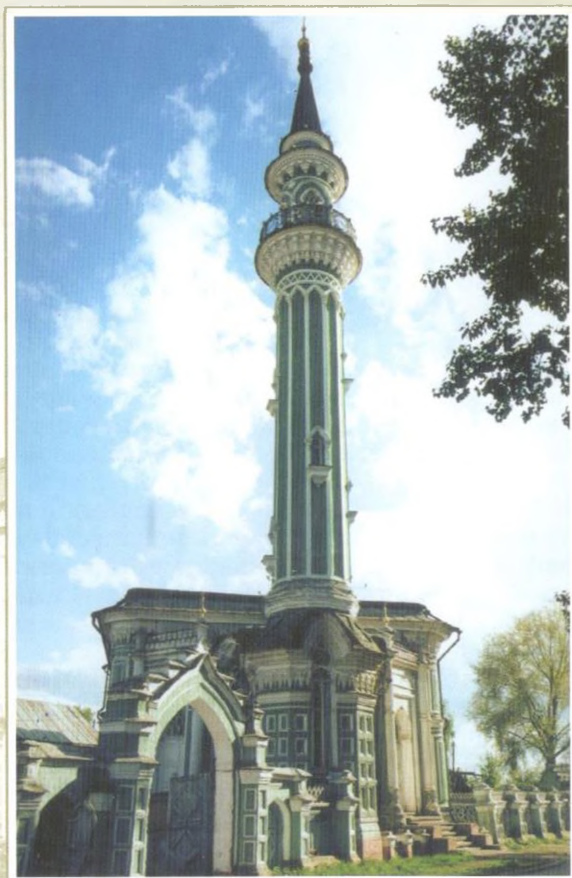
Шамань «Аллах – наш хранитель». Худ. Рушан Шансүтдинов

Шамаль «Праведные дела человека остаются на земле». Худ. Рушан Шамсутдинов

Глава I

МЕЧЕТИ СТАРОТАТАРСКОЙ СЛОБОДЫ

§ 1. С высочайшего повеления «Бабушки-императрицы»

Императрица Екатерина II. Цветная литография

Мечеть Марджани («Первая соборная», «Старокаменная», «Юнусовская» — ул. К.Насыри, 17). Среди исторических и архитектурных достопримечательностей Старотатарской слободы есть памятник архитектуры, вызывающий у мусульман на протяжении двух столетий особое чувство — чувство благоговения. Это одна из двух самых древних и первых в городе каменных мечетей, построенных после покорения Казанского ханства, ныне носящая имя выдающегося религиозного деятеля Шигабуддина Марджани.

Белоснежное здание с изящным минаретом и золотым полумесяцем, величественно возвышающееся на высоком берегу озера Кабан, начинает свою историю с 1767 г., когда губернский центр осчастливила визитом императрица Екатерина II. Просвещенная царица соизволила тогда принять представительную делегацию от татарского населения и благосклонно выслушала прошение, в котором му-

сульмане сетовали на то, что пожар 1749 г. и несправедливые действия местных властей лишили их естественного права отправлять свои религиозные обряды.

Члены делегации, богатые казанские купцы и предприниматели просили «заступницу» прекратить гонения и разрешить жителям слободы построить две каменные мечети. Екатерина II, убежденная сторонница веротерпимости в государстве, повелела губернатору А.Н.Квашнину-Самарину издать соответствующее разрешение и не препятствовать татарам в строительных работах.

За кажущейся простотой принятия решения и благожелательного отношения к чаяниям казанских татар скрывается многовековая история борьбы мусульманской общины Казани за право свободно исповедовать ислам. Историю строительства мечети Марджани и развития ее махалли невозможно рассматривать в отрыве от фактов, событий и явлений, непосредственно повлиявших на судьбу исламской культуры в Казанском крае.

Трагическим следствием завоевания в 1552 г. Казанского ханства стала политика духовного порабощения татарского населения края. Казанские походы проходили под воззвания митрополита Макария, призывавшего Ивана IV к борьбе «со всем христорлюбивым воинством против супостат твоих, без-

Исторический центр Старотатарской слободы

божных казанских татар, иже всегда неповинно проливающих кровь христианскую и оскверняющих и разоряющих святые церкви»¹.

После взятия Казани войсками Ивана Грозного, ее дворцы и мечети подверглись разграблению и были уничтожены. По свидетельству князя А.М.Курбского, в рукопашной схватке вместе с воинами, защищавшими город, погиб цвет мусульманского духовенства: *«И когда загнали их (воинов. — Авт.) к мечетям, которые стоят у царского двора, вышли тут навстречу их абазы и сеиды и муллы с главным их епископом, а на их языке великим ансари или эмиром, по имени Кулшариф муллой, и бились с нашими так упорно, что погибли все до одного»².*

Оставшееся в живых после кровавой резни мусульманское население было насильственно выселено за пределы посада. Только участвовавшим в покорении края и лояльным по отношению к русскому правительству, но не пожелавшим креститься служилым татарам была выделена земля для поселения за озером Кабан. Таким образом, в районе современных улиц Ш.Марджани, К.Насыри, Ф.Карима и З.Султана было положено начало Старотатарской слободе.

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1841. — Т.1. — С. 291.

² Цит. по: Знаменитые люди о Казани и Казанском крае. — Казань, 1999. — С. 25.

В 1565–1568 гг. в ней насчитывалось 150 дворов³. Большинство жителей занималось хлебопашеством вдали от города и на весь летний период выезжало в деревню. В слободе царили скученность и теснота, в каждом дворе проживало по 10 и более семей. Собственной татарской администрации в слободе не существовало. Своеобразным судебным органом, занимавшимся разбором различных дел и тяжб, являлась так называемая Татарская судная палата. Управленческие функции были возложены на четырех «*прикащиков из детей боярских*», проживавших в слободе. Писцовые книги сохранили имена «казанских жильцов» — А. Староельского, И. Товарищева, И. Головачева, М. Волкова⁴.

В городском посаде, примыкавшем к Кремлю, были поселены русские люди, переведенные из городов центральной России, торговцы и ремесленники. Татарам, проживавшим в слободе, запрещалось посещать русскую часть города. Подобное положение дел сохранялось и в первой трети XVII в. Немецкий путешественник А. Олеарий (1603–1671), автор «Описания путешествия в Московию...», в 1630-х гг. писал о Казани: «*Город заселен русскими и татарами, но кремль одними лишь русскими, и ни один татарин не должен быть в нем, под страхом смертной казни*»⁵.

Однако, несмотря на все более ужесточавшийся пресс русской администрации, Старотатарская слобода к концу XVI в. становится своеобразным мусульманским пригородом Казани. В ней возводятся мечети, рассматривавшиеся православной церковью как центры духовной оппозиции христианизаторской политики, проводимой руками Казанской епархии. В 1591 г. митрополит Гермоген в своей челобитной царю Федору Иоанновичу с тревогой писал о появлении рядом с Кремлевским холмом мусульманских храмов: «*Да прежде сего, от казанского взятия в сорок лет, не бывали в Татарской слободе мечети, а ныне де учали мечети ставить близко посаду, всего как из лука стрелить*»⁶. В результате этого 18 июля 1593 г. увидела свет «*Царская грамота в Казань о построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенов, поколебавшихся от соседства с иноверцами в православной вере, о разрушении татарских мечетей, с запрещением впредь строить оные...*».

В ней утверждалось, что «*указы отца нашего блаженныя памяти царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и наши о том в Казани есть, что мечетям татарским в Казани быть никак не велено, и то сделалось вашим (воеводским. — Авт.) небреженьем и оплошкою, так есте сбредили, да и к нам о том не писывали, а при прежних наших боярах и воеводах и дьяках мечети татарския ото взятия и по вас не бывали*». Воеводам И. М. Воротынскому и А. И. Вяземскому в ультимативной форме было приказано: «*И вы б мечети татарские все велели посметати и вперед мечети однолично ставити не велели*»⁷.

³ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. — Л., 1932. — С. 48.

⁴ Там же. — С. 48.

⁵ Цит. по: Гилязов И. А. «Да за Булаком на Кабане озере Слобода Татарская». Из истории татарских пригородных слобод Казани // Казань, 1993. — № 1. — С. 52.

⁶ История Татарии в документах и материалах. — М., 1937. — С. 148.

⁷ Малов Е. А. О татарских мечетях в России // Эхо веков. — 1997. — № 1/2. — С. 215–216.

Набережная озера Кабан. Современный вид

Помимо разрушения мусульманских храмов, светским и духовным властям Казанского края вменялось в обязанность ужесточение контроля и надзора над новокрещеными татарами. В соответствии с царской грамотой воеводам предписывалось взять на учет всех новокрещеных с женами и детьми в Казанском уезде и в пригородах, перевести в Казань и поселить их в специально отведенной для жительства слободе «*меж русских людей, а татар бы близко не было*». Так рядом со Старотатарской возникает Новокрещенская слобода.

На протяжении XVII — начала XVIII вв. Старотатарская слобода постепенно разрастается вдоль юго-западного берега озера Кабан. За время, прошедшее с указа Федора Иоанновича, в слободе вновь возводятся мусульманские храмы. Сохранилось описание одной из них, составленное Иоганном Георгом Гмелиным (1709–1755), немцем по происхождению, известным российским натуралистом, академиком Петербургской академии наук (1731–1748). В 1733–1743 гг. ученый путешествовал по Западной и Восточной Сибири и посетил в самом начале путешествия Казань.

«*Девятого января, — пишет И.Г.Гмелин, — мы пошли после обеда в 1 час в татарскую мечеть. Их в Татарской слободе, которая отделена от города и расположена вблизи озера Булак, четыре. Мечеть, которую мы видим и архитектура которой совпадает с обычными здешними мечетями, была четырехугольным деревянным зданием, на котором была башня с галереей без колоколов и крестов. Она стоит в ряду с другими домами, однако с обеих*

сторон ее есть свободное пространство. Поднимаются на нее со стороны улицы по лестнице в 4–5 ступеней и потом проходят через маленькую дверь в небольшую комнату, которую можно назвать прихожей. Если войдет татарин, то он снимает обувь и идет в противоположную дверь, равную по размерам входной... Вошли в четырехугольную с многими окнами и умеренным освещением. Справа от двери была печь, от которой комната получала тепло и уют. Комната держится на четырех колоннах, которые поставлены вдоль попарно. Выше двери находится специальный балкон, где стоят певцы, а напротив двери, в середине противоположной стены, было оставлено место, где стоял мулла... Слева от него, напротив печи, была освещенная стойка, на которую вело несколько ступеней. И на этой стойке была подставка для священных книг. Над этим местом в стене было окно не в ряду других, которое освещало эту стойку. Пол мечети покрыт коврами (Tapeten), насколько позволяли колонны»⁸.

В 1731 г. для реализации указов 1713, 1720-х гг. о «Крещении иноверцев» была создана «Особая комиссия для крещения мусульман и других инородцев», которая в 1740 г. была преобразована в «Контору новокрещенных дел». Действия чиновников, прежде всего яростного фанатика христианизации татар казанского архиерея Луки Канашевича, вызывали резкое неприятие населения края, так как они проводились мерами грубейшего и открытого насилия. За короткий срок в губернии было насильно крещено более 100 тысяч иноверцев, причем татар-мусульман сгоняли с родных мест, оставляя лишь татар, принявших православную веру.

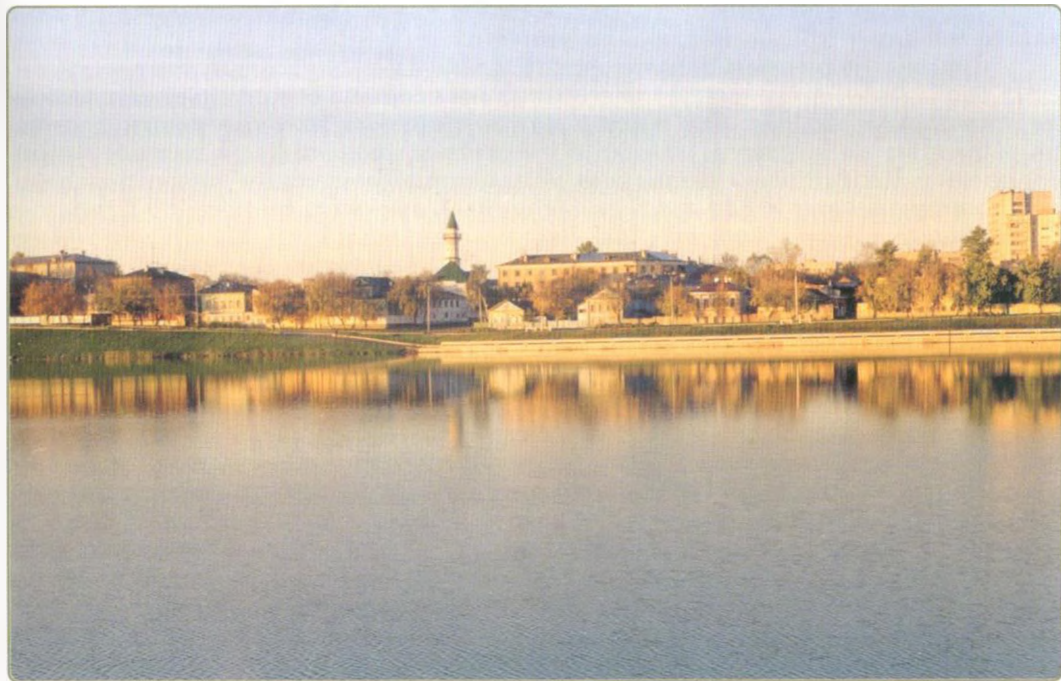
В 1742 и 1749 гг. в Казани произошли большие пожары, в результате которых пострадал почти весь город и выгорела Старотатарская слобода. Эти пожары послужили поводом для обвинения татар в предумышленных поджогах. Лука Канашевич предпринял крупномасштабные репрессивные меры по отношению к мусульманам, добившись, под предлогом борьбы с исламом, указа об уничтожении мечетей.

Сенатский указ от 19 ноября 1742 г. «О недопущении в Казанской губернии строить мечети, и о разведывании губернаторам и воеводам о обращенных в магометанский закон» потребовал от властей снести все построенные за прошедшие со времени царствования Федора Иоанновича мусульманские храмы «и впредь строить отнюдь не допускать». Более того, губернским канцеляриям совместно с епархиальными архиереями предписывалось собирать сведения обо всех мечетях и, подробно описав их, представить в сенат соображения «должно ль им впредь быть, или кои разломать, или без разломки для неминуемой жителей татарских законной нужды оставить надлежит»⁹.

В результате губернские власти получили своеобразную индульгенцию для начала беспрецедентной в истории края вакханалии — травли духовенства и погромов мусульманских храмов. Широкоизвестен факт разорения к 1744 г. 418 из 536 мечетей края, в числе которых «об одних объявлено, что построены еще до взятия под российское владение Казани, а другие

⁸ Цит. по: Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII — начала XIX в. — М.: Стройиздат, 1991. — С. 145.

⁹ Там же. — С. 218.

Вид на мечеть Марджани с правого берега озера Кабан

назад тому лет от 200 и ниже»¹⁰. Произвол властей вызвал массовые протесты татарского населения. В июне 1744 г. правительствующий сенат на общем заседании со святейшим синодом, рассмотрев прошения выборных служилых и ясачных татар Казанского, Свяжского и Симбирского уездов Казанской губернии о даче им разрешения на построение храмов вместо снесенных татарских мечетей, вынужден был признать, что «*ежели у них, татар, все мечети их сломать, то из того не иное что последовать может, токмо одно им, татарам, в их законе оскорбление, и от того б не могло до разглашения дойти в такия места, где между магометанами, в других государствах живут люди веры греческого исповедания, и построены Божия церкви, и не произошло бы какого тем церквам утеснения; к тому же живущие в России татары магометанского закона приводятся к присяге по их законам в их мечетях*».

Приняв во внимание все негативные последствия данной антимусульманской кампании, сенат разрешил строительство новых мечетей, однако ограничил возведение храмов жесткими условиями: установлением строго определенного количества мусульманских храмов, наличием в местах отдельного проживания татар не менее 200 душ мужского пола. Строительство мечетей по-прежнему запрещалось в местах совместного проживания та-

¹⁰ ПСЗ-1. — Т. XII. — № 8978.

тар с русскими и новокрещеными. Не снесенные к моменту издания указа в таких селениях храмы подлежали уничтожению.

Учитывая значение Старотатарской слободы и служилый статус казанских слободских татар, сенат предоставил им право на строительство в Казани «в татарской слободе, для татар магометанского закона» новых храмов, но разрешил им возвести, «ежели все сломаны, только две мечети». В присланном в Казанскую губернскую канцелярию сенатском указе повелевалось: «назначенные в 744-м году по общему Правительствующего Сената и Святейшего Синода определению две мечети татарам построить дозволить, токмо от тех церквей и от русских и новокрещеных жилищ, во отдалении и по конец их татарской слободы в поле»¹¹.

При пожаре 1749 г. половина слободы вновь выгорела. В огне погибла одна из двух слободских мечетей. Казанский архиерей Лука Канашевич вновь предпринял активные действия по вытеснению мусульманского населения с территории их проживания. В 1767 г. в челобитной служилого татарина Старотатарской слободы Исая Измайлова говорилось: «Гонение, которое на них производилось с духовной стороны от Казанского тогдашняго преосвященнаго, до того дошло, что он не только запретил им на погоревших местах производить строение, но описав те их места, застроил на оных деревянную греческаго исповедания церковь и населил на тех местах русских людей, желая их совсем на веки выгнать вон из этой слободы, что и действительно учинено, так что погоревшие той слободы половина жителей переселилась вновь на отведенной им другом месте особою слободою, называемую ныне Новою, и ныне те татары живут уже в двух слободах»¹².

Действительно, несмотря на все обращения слободских татар к императрице Елизавете с челобитными, просьбами о защите, указом сената от 8 августа 1750 г. на территорию Татарской слободы были переведены 30 дворов крестьян Спасского монастыря из дер. Поповки, а на земли поповских крестьян было переселено более сотни дворов татар, всего до 800 человек. Текст указа гласил: «Землю оной деревни дворовую и пахотную с имеющимся при том малым озерком, для поселения и строения мечети, отдать им, татарам, понеже, кроме той земли другой при Казани не имеется; а этим указом повелено будет ту землю для поселения им отдать, чтоб к поселению и переноске из Казани их строений повелено было, за наступившей осенью, а потом зимнем временем, дать время предбудущего 1751 года до августа месяца, дабы они могли постройкою и заготовлением лесов исправиться». Так на землях Поповки, на бугре, окруженном болотами, возникла Новотатарская слобода.

23 сентября 1759 г. сенат рассмотрел челобитную переводчика Алкина, служилых татар и мурз дер. Поповки с просьбой о разрешении построить в деревне новую, вторую мечеть. Сенаторы, приняв во внимание, что в Поповке, состоявшей из 128 дворов, проживало более 800 душ мужского пола татар «и что как в ней, так и вблизи оной св. церквей и русских жительство не находится», постановили: «в построении в означенной деревне Поповке

¹¹ РГИА. — Ф.796. — Оп.51. — Д.345. — Л.103-103об.

¹² Там же. — Л.197-198.

для моления их татар другой мечети казанской губернской канцелярии дать дозволение»¹³.

Постепенно обе слободы расширились: рядом со Старотатарской слободой появилась Служилая Татарская слобода, ставшая впоследствии одной из слободских улиц. Параллельно ей возникла Мещанская улица, где после сенатского указа от 7 августа 1763 г. неслужилые татары, записавшиеся в мещане, получили право на поселения, отдельно от служилых татар¹⁴. Однако по-прежнему к моменту посещения императрицей Екатериной II Казани в Старотатарской слободе существовала лишь одна деревянная мечеть, построенная в середине 40-х гг. XVIII в. Несмотря на многочисленные обращения слободских татар с просьбой о дозволении построить вторую мечеть (кстати, в полном соответствии с указом от 1744 г.), центральные и губернские власти неизменно отказывали им в выдаче разрешения на строительство нового храма. Основанием для отказа всегда служили представления в синод казанских архиереев, в которых они указывали на возможное негативное влияние на настроение и мировоззрение новокрещеных татар из-за близкого расположенных мусульманских храмов.

Как показывают архивные документы тех лет, даже после возведения каменных мечетей, духовная власть никак не могла смириться с появлением в Казани двух мусульманских храмов. Казанские мусульмане использовали свой, по-видимому, единственный в тех условиях шанс, обратившись напрямую к императрице Екатерине II. Именно в ее правление произошел переход от жесткой христианизаторской политики с откровенно антимусульманской направленностью к более гибкой и прагматичной идеологии. Одним из проявлений новых тенденций стал изданный в июне 1773 г. указ «О терпимости всех исповеданий», изменивший статус ранее гонимой конфессии до положения «терпимой» в Российской империи¹⁵.

Екатерина II понимала, что спокойствие многонационального государства в немалой степени держалось на стабильности в религиозной сфере. Добиться последней можно было лишь путем предоставления представителям различных конфессий возможности свободного отправления своих религиозных ритуалов. В то же время в государстве сохранялась монополия православной церкви¹⁶.

При посещении в мае 1767 г. Казани императрица высоко оценила прием, оказанный ей горожанами. В своих письмах она не раз подчеркивала свой интерес к этому древнему городу и к его жителям: «Отселе выехать нельзя; столько разных объектов, достойных взгляду, идей же на десять лет здесь собрать можно»¹⁷. С показным вниманием отнеслась она и к нуждам мусульманской общины Казани, внимательно выслушав представителей делегации слободских татар. Они в присутствии казанского губерна-

¹³ ПСЗ-1. — Т. XV. — № 10991.

¹⁴ Агафонов Н.Л. Историческая объяснительная записка наименований казанских улиц. — Казань, 1899. — С. 10-12.

¹⁵ ПСЗ-1. — Т. XIX. — № 13996.

¹⁶ См.: Ногманов А.И. Эволюция законодательства о мусульманах России (вторая половина XVI — первая половина XIX вв.) // Ислам в татарском мире: история и современность. — Казань, 1997. — С. 138-139.

¹⁷ Цит. по: Знаменитые люди о Казани и Казанском крае. — Казань, 1999. — С. 57.

тора, тайного советника и сенатора А.Н.Квашнина-Самарина попросили у императрицы высочайшего дозволения на строительство в слободе двух каменных мечетей. Свое ходатайство слободские татары мотивировали большими затруднениями в исполнении своих религиозных обрядов, указывая, что *«в той старой слободе хотя и осталась одна мечеть деревянная, но та весьма малая, к тому ж очень ветха, и они будучи лишены по своему закону таковых мечетей, а в другие отдаленные места ходить на молитву было невозможно, почему и оставили они почти все свои промыслы и рукоделии»*¹⁸.

По свидетельству губернатора, *«Ея Императорское Величество снисходя на их прозбу высочайше изустно дозволило соорудить, те им мечети построить и на то ему господину сенатору обещала пожаловать письменное повеление, почему он в ожидании онаго, препятствия в построении мечетей учинить не мог»*¹⁹. К.Насыри привел легенду, согласно которой царица Екатерина, приняв прошение казанских баев и дав свое согласие, сама указала место строительства мечети. *«Она, — писал просветитель, — проявила большое великодушие к мусульманам и, бывая среди них, расспрашивала, не терпят ли они беды от русского народа. Мусульмане же, нисколько не жалуясь на русских, отвечали ей: «Слава Аллаху, не ведаем никаких мучений»*²⁰.

Казанские мусульмане практически сразу же наметили участки под строительство двух храмов, *«которые имеют быть по большой проезжей улице одна на правой стороне идущи от Казани неподалеку от церкви Святых Евангелистов, другая по левую сторону той же улицы преминавав школьный двор, где имеется церковь каменная Святых и праведных Захария и Елисаветы в самой крайней близости»*²¹. Эти земельные участки были лично освидетельствованы казанским губернатором. Следует отметить, что принятие решения об отводе земли далось губернатору нелегко. Казанские слободские татары ранее неоднократно обращались в Казанскую губернскую канцелярию и правительствующий сенат с просьбой разрешить им строительство мечетей на территории слободы, примыкающей к озеру Кабан. Однако значительная часть этой земли была отведена под церковь, строения священнослужителей и церковнослужителей, православное кладбище, дворовые места новокрещеных. Ситуация несколько изменилась с появлением указа сената от 6 апреля 1764 г. об упразднении Новокрещенской конторы²².

В донесении на имя казанского губернатора от 30 мая 1767 г. слободские татары утверждали, что на этих землях *«поселено той их слободы новокрещен самое малое число, а жительство имеют и поселены разных уездов новокрещены ис татар, чуваш и мордвы, а протчие места розданы партикулярным людям и построены пивоварни и других городских обывателей дома, где следовало переселить предписанных деревни Поповки крестьян»*. Татары убеждали А.М.Квашнина-Самарина в том, что до пожара 1749 г. их слобода была смежна с русскими усадьбами, а *«церковь во имя Тихвинская*

¹⁸ РГИА. — Ф.796. — Оп.51. — Д.345. — Л.197–198.

¹⁹ Там же.

²⁰ Насыри К. Избранные произведения. — Казань, 1977. — С. 14.

²¹ РГИА. — Ф.796. — Оп.51. — Д.345. — Л.71–71об.

²² ПСЗ-1. — Т. XVI. — № 12126.

Пресвятая Богородицы, стояла, от татарского жилища в самой близости не далее двадцети сажень, соблазна никакого не происходило и впредь не будет, нежели де мечеть будут строить в поле, то приключится может во исправлении по их закону молитвы за дальностию крайняя остановка, да и по закону их мечети в поле иметь не велено».

Слобожане в своем обращении и вовсе предложили губернатору «показанную деревню Поповку и построенные новокрестьянские школу и кантору с прочим строением ... куда надлежит снести, а им внутри их слободы две каменные мечети построить дозволить». Под активным натиском слободских татар, окрыленных заступничеством императрицы, казанский губернатор дрогнул, и чуть ли не впервые в Казани светская власть пошла наперекор духовной.

Приведем постановляющую часть этого весьма показательного документа. В результате проведенного обследования оказалось, что «*онье татары живут между русских от города населенных на татарской земле разными людьми, где и две церкви, деревянная Четырех Евангелистов, каменная Святых Захария и Елисаветы построены, а за татарскою слободою село Плетени, бывшее монастырское, а ныне экономическое, где ж татары мечети строить желают, те места мне они показывали, которыя состоят внутри самого их жилища, первая от помянутой каменной и к их дворам последней церкви в шестидесят двух, а последняя в семидесят саженьях от стоящей же в селе Плетенях церкви во ста трицети пяти саженьях, и по положени места, а естли оныи мечети построить в поле за их татарским селением, то оное учинит позади того их жилища в стороне, а не в конце слободы, потому, что за тою их слободою наряду з дворами их, как выше значит, состоит село Плетени. Итак, оные мечети могут быть в самой близости к селу Плетеням и находящейся во оной церкви, а далее в поля тому строению за пойменным полою водою местом быть не можно. Итак рассуждается тем мечетем быть внутри татарской слободы, которыя окружены будут со всех сторон их дворами. Их же татар с тех мест, на которых они ныне жительство имеют, свести в другое место не можно, потому, что за дворами их земля предкам их жалована по грамотам, и в том переходе последовать может им великое разорение, да и места к поселению близ Казани свободно нет, и для того по указу Ея Императорского Величества слушав вышеобъявленные обстоятельства, определяется в рассуждении всего вышеписанного по совершенной необходимости две каменные мечети предписанным татарам построить дозволить»²³.*

Если вторую мечеть, вскоре названную Апанаевской, выстроил купец Якуб бин Султангали один, то первую возводили, можно сказать, всем миром. По сведениям, записанным Ш.Марджани, в этом святом деле приняли участие 62 человека, которые собрали в общей сложности 5 тысяч рублей. Причем мулла Абубакир бин Ибрагим, муэдзин Исхак бин Ибрагим, Муртаза бин Юсуф бин Каныш и некий Якуб пожертвовали для строительства мечети личные земельные участки с находившимися на них жилыми усадьбами. Впоследствии имена главных благодетелей были выбиты над входом в

²³ РГИА. — Ф.796. — Оп.51. — Д.345. —Л.104-105об.

храм. К сожалению, до сих пор не известен автор проекта этого великолепно-го здания. По одной из версий, им был замечательный русский архитектор В.И.Кафтырев, работавший в Казани во второй половине XVIII в. Вполне вероятно, что к работе по возведению храма могли быть привлечены московские зодчие и строители. Ш.Марджани в своем рассказе о мечети второго прихода, строившейся параллельно с Первой соборной мечетью, говорит о специальном приглашении Якубом Султангалеевым (Якуб бин Султангали) московского мастера для устройства металлической крыши²⁴. К весне 1768 г. был заготовлен строительный бутовый камень и кирпич, причем Ш.Марджани указывал, что в поисках необходимых материалов один из строителей, мулла Абдрашид бин Юсуф аль-Каргали, добрался до Астрахани. Летом того же года началось возведение обеих мечетей.

Строительство храмов вызвало резкое неприятие со стороны духовных пастырей Казанской епархии. Уже в мае 1768 г. архиепископ Казанский Вениамин в своем донесении просил святейший синод удержать татар *«от построения в той слободе мечети»* и *«переводу из оной всех тутошних татар в деревню Поповку дабы они при одном, а не в разных местах были»*. Призыв к столь жестким мерам был вызван плохо скрываемым озлоблением на активную подготовку слобожан к строительству мечетей, их уверенностью в своих правах. Архиепископ писал, что в бытность его 4 мая в Старотатарской слободе к нему на школьный двор (территорию новокрещенской школы. — Авт.) приходили слободские татары — *«Давыд Сулейманов со товарищи»* и заявляли о наличии у них высочайше утвержденного разрешения на строительство этих храмов. На требование Вениамина предъявить ему указ татары ответили отказом.

Для казанского архиепископа главным аргументом к запрещению строительства мечетей служил сам прецедент возведения храмов вблизи православных церквей: *«... ежели те мечети, а особливо подле самого школьного двора назначенная ими татарами построены будут, то по таковой близости во время их суевернаго татарского молбища происходимое по их закону противное христианскому благочестию действие как в школах, так и в церкви слышимо быть может, что не токмо обучающимся в тех школах новокрещенским детям соблазнительно, и учению их будет вредно, но и Божией церкви и ея службе весьма противно, новокрещены же жительствующие в той слободе, а паче те, коих имеется из тутошних татар видя такое каменных мечетей устройство, какового у тех татар напредь сего никогда не бывало, приходят могут в соблазн же и развращение, а татара почтит себе то за лучшее, что они вместо имевшихся у них деревянных двух мечетей будут иметь ныне четыре, из которых состоящая от них неподалеку две деревянные мечети в поселенной их же на монастырской деревни Поповки земле новой татарской слободе уже и в построении имеются»²⁵.*

Строительство мечетей было завершено к 1771 г. В приводимых К.Насыри сведениях указывалось, что храмы строились с большой поспешностью, *«желая как можно скорее использовать благоприятный случай, предоставленный царицей Екатериной II. Но спешка привела к тому, что при заклад-*

²⁴ Марджани Ш. Местәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — Казан, 1989. — 373 б.

²⁵ РГИА. — Ф.796. — Оп.51. — Д.345. — Л.71-71об.

Здание Анапавской мечети. Литография первой половины XIX в. Худ. Э. Турнерелли

ке здания было неточно определено направление на Мекку, поэтому кыбла в обеих мечетях оказалась несколько смещенной. Когда дело дошло до возведения минарета, городские власти, обеспокоенные его высотой, написали Екатерине II: «Ты хоть и дала мусульманам разрешение на строительство мечетей, но они строят очень высоко». На это царица ответила так: «Я определила им место на земле, а в небо они вольны подниматься по своему усмотрению, потому что небо не входит в мои владения»²⁶.

Несмотря на завершённое строительство, тяжелый маховик бюрократической машины еще продолжал свое движение. В ответ на донос архиепископа казанского Вениамина святейший синод отправлял в Казанскую епархию один запрос за другим. 28 апреля 1771 г. Вениамин, отвечая на очередной из них, писал: «... в самом городе Казани в прежде бывшей старой татарской слободке во общем жительстве татар и новокрещен между двух святых церквей: а имянно, первой Захарии-Елисаветинской расстоянием в пятидесяти четырех (где и отведенной под новокрещенской школной двор земли несколько под оное строение занято), а другой Четыре-Евангелистов-

²⁶ Насыри К. Указ. соч. — С. 15.

Здание мечети Марджани. Начало XX в.

ской расстоянием в шестидесяти пяти саженьях; и в русских селений, в 768 году построены сверх прежде поставленных в новоучрежденной татарской слободе (которая как от города, так и от старой татарской слободы расстоянием почти в полуверсте) двух деревянных, в вновь две ж каменные мечети, без всякия им в оных нужды, а по каковому указу или чьему дозволению оныя построены, о том мне не известно, ибо хотя я и требовал от бывшего господина губернатора словесно, чтобы сообщил о том ко мне письменно, однако того не получил; а построенные оныя каменные мечети суть притчиною великого соблазна, не только новокрещенам, паче же обучающимся при новокрещенских школах новокрещенским малолетним детям, но и самим старороссийским людям: на коих мечетях устроены каменная высокая башни, и на тех повсядневной от учрежденных к тем мечетям мулл к созыву их в те мечети для молбища необыкновенный крик и вопль происходит; коим мечетям за силу прежде состоявшихся имянных указов, и Правительствующего Сената определений, о особливо при тех церквах, и при самом жительстве христианском быть весьма непристойно и не подлежит... а при том оные ж некрещенные татары у жительствующих в той старой слободе у новокрещен дворы дорогою ценою скупают, а новокрещены под ви-

дом ползы получаемой с татар денег, в самом деле для того что от церкви и от священника следовательно и от словословия Божия удалится, выйдят в другие мне неведомые места, протчи ж новокрещены в проданных своих домах обще с татарами жительствуют, о чем не точию соблазн имеют, но и в вере развращаются...»²⁷.

Синод 24 июля 1772 г. потребовал от сената рассмотреть еще раз все обстоятельства строительства мечетей в Казани и удостоверить наконец существование высочайшего повеления. Через год, 14 июня в соответствии с определением сената генерал-прокурор и кавалер, князь Александр Алексеевич Вяземский сообщил в синод о результатах доклада по данному делу Екатерине II. 29 мая 1773 г. он получил от императрицы высочайший отзыв, в котором окончательно были расставлены все точки над «і». В нем говорилось, что «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил сходствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтоб между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовало, а в прочем бывший губернатор Квашнин Самарин дозволение строить каменные мечети зделал в сходственность данного большого наказа 494, 495 и 496 статей»²⁸.

В документе приведены ссылки на статьи «Наказа», данного Екатериной II комиссии для сочинения проекта нового уложения 30 июля 1767 г. Их содержание представляет большой интерес, так как именно в них, в характерном для эпохи «просвещенного» абсолютизма псевдолиберальном духе, было сформулировано идеологическое обоснование нового политического курса самодержавия в религиозной сфере. Выражалось это кредо в следующих положениях:

«Ст. 494. В том великом государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер;

Ст. 495. И нет подлинно иного средства, кроме разумного их законов дозволения, православною нашею верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно всех сих заблудших овец паки привести к истинному верных стаду;

Ст. 496. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца, и отводят их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан»²⁹.

Данные статьи, представлявшие собой компиляцию из сочинений французских просветителей, выражали стремление самодержавия сгладить существовавшие в Российском государстве религиозные противоречия и преследовали четко выраженные охранительные цели³⁰.

17 июня 1773 г. последовал выход уже упоминавшегося указа «О терпимости всех исповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касаю-

²⁷ РГИА. — Ф. 796. — Оп. 51. — Д. 345. — Л. 69–70об.

²⁸ Там же. — Л. 113–114.

²⁹ ПСЗ-1. — Т. XVIII. — № 12949.

³⁰ Ногманов А.И. Указ. соч. — С. 139.

циеся иноверных исповеданий». Недвусмысленная позиция высшего лица государства вынудила священный синод 16 октября того же года разослать указы во все епархии с требованием *«отныне преосвященным архиереям в дела касающиеся до всех иноверных исповеданий и до построения по их законом молитвенных домов, не вступать, а предоставлять оное все на рассмотрение светских команд, преосвященные же архиереи, так как и светские команды должны прилагать в силу государственных законов старание, чтоб от того между подданными Ея Императорского Величества не могла быть никакого разногласия, а паче б между ими любовь, тишина и согласие царствовало»*³¹.

Тем не менее в Казани обнародовать этот указ не торопились. 18 мая 1775 г. правительствующий сенат доводит до сведения синода результаты слушания челобитной казанского слободского служилого татарина Исая Измайлова, в которой утверждалось, что *«и поныне с духовной стороны происходит старание о уничтожении их (мечетей. — Авт.) не только по представлениям в Святейший Синод, но и оттуда уже и в Правительствующий Сенат... и они опасаются, чтоб о уничтожении тех мечетей не последовало никакого повеления»*. Доверенный от слобожан просил сенат довести до сведения синода и казанского губернатора текст реально существовавшего, по мнению Измайлова, указа императрицы. В результате казанскому губернатору секретным указом все же был направлен высочайший отзыв, данный Екатериной II в мае 1773 г.

Таким образом становится очевидным, что история строительства двух каменных мечетей в Казани, борьба слободских татар за свои религиозные права явились катализатором, отправной точкой, формальным поводом для осознания необходимости внесения изменений в государственную политику самодержавной России по отношению к мусульманской проблеме, послужили толчком для признания ислама терпимой религией.

Имамами в новой мечети, получившей название «Первой соборной», или «Старокаменной», служили выдающиеся богословы и проповедники. Одним из первых мулл стал уже упоминавшийся уроженец Старотатарской слободы Абубакир Ибрагимов (Абубакир бин Ибрагим бин Юсуф бин Ишбулат бин Ишмурат (ум. в 1793/1794), впоследствии неоднократно избиравшийся на должность казия (заседателя) Оренбургского Магометанского Духовного собрания (ОМДС). По архивным сведениям, он был определен муллой в махаллю еще в 1762 г. и, по данным на 1789 г., служил и *«поныне в показанной первой мечети муллою бессменно»*³². В одной из комнат мечети на первом этаже Абубакир-мулла открыл приходской мектеб, в другой — библиотеку духовной литературы.

После его смерти обязанности муллы временно были возложены на уроженца дер.Каменный Брод Тетюшского округа Казанского наместничества ясачного татарина Салтангаля Акаева, обучавшегося магометанскому закону *«в разных местах и у разных людей»*³³. В 1791 г. он переехал в Казань, где приобрел купеческое свидетельство по третьей гильдии и дом в Старотатарской слободе. Салтангаля-мулла упоминался в качестве имама первой

³¹ РГИА. — Ф.796. — Оп.51. — Д.345. — Л.119-120об.

³² НА РТ. — Ф.22. — Оп.2. — Д.506. — Л.5.

³³ Там же. — Д.731. — Л.3.

соборной мечети в 1793 г. в связи с выборами заседателей в Оренбургское Магометанское Духовное собрание.

11 мая 1794 г. свою первую пятничную молитву прочитал новый имам махалли Ибрагим Хузяш (Эфенде-хазрат) (ум. в 1826). Уроженец дер. Шарлама (ныне — Альметьевский район РТ), он, получив блестящее религиозное образование, в том числе и на Кавказе, некоторое время проповедовал в селах Заказанья.

В губернском городе священнослужитель развил бурную общественную деятельность и вскоре заслужил почетное звание ахуна. Как отмечал Ш.Марджани, Ибрагим-хазрат был в дружеских отношениях с муфтием М.Хусаиновым и прославился как ярый поборник мусульманской нравственности. Именно он запретил мужчинам и женщинам сидеть рядом на одном и том же меджлисе, предписал вместо привычных черных шляп носить белую чалму (отсюда пошла у казанских мусульман мода на белые головные уборы), установил порядок намаза во время никаха, а также ввел обычай дарить жениху намазлык (молитвенный коврик), а невесте брать с собой в дом мужа кумган (сосуд для умывания). Впрочем, строгий ахун был принципиальным противником семейных ссор и скандалов и потому легко разводил не ужившихся между собой мужей и жен. Кстати, И.Хузяш впервые учредил при мечети большое медресе и выстроил для него отдельное здание на берегу Кабана.

После его смерти муллой Большой Старокаменной мечети стал Мустафа Мусин (Мустафа бин Муса бин Иманкул бин Иманай бин Кутлуг бин Узбек бин Илькай аль-Казани, 1769–1836), перешедший из третьего городского прихода. Он учился в Бухаре и Кабуле, затем проповедовал в дер. Ашитбаш и Шушмабаш в Заказанье. Среди мусульман города он был известен как человек, знавший наизусть Священный Коран. Преемником этого авторитетного священнослужителя прихожане избрали выходца из дер. Береска Казанского уезда Сагита бин Хамида бин Султана (ум. в 1856), также окончившего Бухарское медресе и служившего при мечети Петропавловска. Он также являлся прекрасным преподавателем и знатоком мусульманского права. Однако в 1848 г. Сагит бин Хамид решил навсегда оставить должность имама и отправиться в хадж. Вероятно, причиной тому были разногласия с прихожанами и богатыми попечителями махалли.

В начале XIX в. в мусульманской общине Первой соборной мечети лидирующее положение заняла быстро разбогатевшая купеческая семья Юнусовых. Родоначальник династии Мухаммадрахим бин Исхак бин Юнус аль-Кариле (1743–1820) еще в 80-е гг. XVIII в. был приписан к казанскому купечеству. Успешное занятие коммерцией, активная общественная деятельность и щедрая благотворительность позволили ему в 1793 г. занять должность городского главы Татарской ратуши. Двое сыновей купца — Габделькарим (1767–1821) и Губайдулла (1776–1842) — с успехом продолжили семейное дело, причем последний, так же, как и отец, добился весьма высокого общественного положения, став дважды — в конце 20-х гг. XIX в. и в 1842 г. главой Татарской ратуши.

Постепенно Юнусовы начали давать большие деньги и жертвовать недвижимое имущество не только на ремонт и перестройку здания мечети и медресе, но и на содержание имамов, муэдзинов, мугаллимов. Поэтому с годами первая городская махалля стала ассоциироваться с этой фамилией и приоб-

Дом Юнусовых. Фото конца XX в.

са купец 1-й гильдии Ибрагим Юнусов возвел вокруг мечети вместо прежней деревянной кирпичную ограду и пристроил к северной стороне здания кирпичную лестницу, расширив его при этом на одну оконную ось по фасаду.

Сам Марджани писал, что в 1283 г. по хиджре (1866 г.) ему построили каменную ограду за 400 рублей.

В 1863 г. этот же благотворитель расширил и увеличил михраб, пробил в нем окно и, наконец, в 1872–1873 гг. вместе со своим братом Исхаком построил по проекту архитектора П.И.Романова новое здание приходского медресе (ныне — ул. Ф.Карима, д.4). Кроме того, еще в 30-х гг. XIX в. Г.М.Юнусов пожертвовал лавку на Сенном базаре для содержания мулл и муэдзинов мечети. Кстати, священнослужители махалли М.Мусин и С.Хамитов, в отличие от покойного И.Хузяша, теперь фактически не играли большой роли в общественной жизни слободы и полностью полагались на мнение своих богатых покровителей. Однако вскоре ситуация кардинально изменилась.

Зимой 1849 г. в Казань с торговым караваном из Бухары приехал молодой, но уже широкоизвестный своей ученостью богослов — Ш.Марджани. Он родился 16 января 1818 г. в дер.Ябынчы (ныне — Атнинский район РТ) в семье указного муллы, выходца из дер.Чаки аль-Кубра Багаутдина бин Субхана бин Абдулкарима. Этот священнослужитель, окончивший бухарское медресе «Турсуния», в 1814—1821 гг. был имамом в дер.Ябынчы, а с 1821 г. служил при мечети дер.Ташкичу (ныне — Арский район РТ). В медресе отца Ш.Марджани получил начальное образование. Затем юноша, показавший удивительные способности и сильное желание постичь духовные богатства ислама, как в свое время и его отец, отправился на учебу в прославленные среднеазиатские центры мусульманского просвещения — Бухару и Самарканд. В течение 11 лет (1838—1849) Ш.Марджани учился в медресе «Кукельташ», «Мир-Араб» в Бухаре и «Ширдар» в Самарканде.

рела еще одно название — Юнусовская. Можно сказать, что в период с первой трети XIX в. до 70-х гг. XIX в. мусульмане прихода полностью зависели в материальном плане от воли и благосклонности этих предпринимателей. Так в 1833 г. на средства Юнусова была покрыта кровельным железом крыша мечети, в 1837 г. построено двухэтажное полукаменное здание медресе на Второй Поперечной улице.

В 1861 г. внук Мухаммадрахима бин Юнуса

Здание медресе «Марджания». Начало XX в.

философии и правоведения. Таким образом, он приехал в Казань уже в ореоле широкой известности и славы.

Молодой человек с честью выдержал своеобразную проверку знаний со стороны знаменитых религиозных авторитетов Казани. Будучи неформальным главой первой казанской общины, И. Юнусов, носивший прозвище «Озын Ибрай» (Длинный Ибрай), решил пригласить талантливого выпускника медресе на престижную должность имам-хатиба и мударриса Первой соборной мечети. Сам Марджани так вспоминал об этом событии: «[Я] ... дал согласие с условием получения разрешения отца. После этого получил [письменное] решение людей махалли и мне было вручено настоятельное приглашение Ибрахим бая прибыть на обед в честь жертвоприношения, где велись споры и беседы. Посетив и другие меджлисы, мы снова вернулись в деревню. В среду, за 11 дней до окончания месяца мухаррам 1266 /6 декабря 1849 года, муэдзин Халид б. Исхак б. Исмаил б. Ибрахим ас-Саати и Ибрахим б. Фатхаллах б. Мусаид б. Захид приехали в Ташкичу со всем необходимым, чтобы забрать меня на трех санях, запряженных восьмью лошадьми. Утром в пятницу, за девять дней до окончания месяца мухаррам /8 декабря/, мы вместе с муллой Насих б. Абдалгаффар б. Абдалхамид ат-Тунтари, Насибаллах б. Фатхаллах б. Йахйа б. Абдалбаки ат-Ташкичуви прибыли в Казань. [...] Я прочитал в первый раз пятничную молитву [в мечети] в качестве имама. В среду провел первый свой урок в начальных классах медресе»³⁴.

19 февраля 1850 г. Ш. Марджани сдал в Уфе соответствующий экзамен и 6 марта 1850 г. получил официальный указ Казанского губернского правления (КГП) на исполнение обязанностей муллы в Юнусовском приходе.

³⁴ Автобиография Шихабалдина Марджани // Эхо веков. — 2000. — № 3/4. — С. 118.

Марджани пишет, что «20 апреля согласно указу № 2011 был утвержден имамом, хатибом, мударрисом Первой соборной мечети».

В дальнейшем, несмотря на трудности субъективного характера, авторитет и влияние Шигабуddина-хазрата неуклонно укреплялись. В 1860 г., учитывая блестящие знания имама, ему было поручено контролировать полноту и точность издаваемых в Казани текстов Корана. В 1867 г. Ш.Марджани был удостоен почетных званий ахуна и мухтасиба. Однако жизнь этого муллы в данный период ни в коем случае нельзя назвать спокойной, наполненной одной лишь мудрой созерцательностью и несуетным трудом ученого.

Гордый и независимый хазрат сразу же вступил в конфликт со своим добродетелем — И.Юнусовым, который считал, что деньги, связи в «верхах» дают неограниченную власть над людьми и позволяют любое поведение, вплоть до самоуправства. Впрочем, и сам мулла в силу своего характера не очень-то любил уступать оппонентам. Племянник И.Юнусова, купец второй гильдии Г.Юнусов впоследствии писал: «Ибрагим аль-Юнус говорил: Шигау-мулла вернулся из Бухары в старом чапане. Я поставил его в своем приходе муллой, построил ему дом, даже дал все необходимые предметы для дома».

Их мать Фатима сосватала Марджани Нагиму, дочь Габбаса. По началу хотела отдать нашу сводную сестру Асму-ана. Та не согласилась, и отдали Нагиму. (Речь идет о Нагиме ал-Хусаин бинте Юсуф бинте Исмагил бинте Апанай. — Авт.).

Впоследствии отношения с Шигабом-хазратом испортились, много случилось происшествий. Когда Ибрагим устраивал званый вечер, Шигаб-хазрат тоже приходил. Каждый из двоих хранил в себе и хорошее и плохое. Обида происходила из-за тупоголовых и сплетников. Недоучившиеся шакирды вносили в их отношения разлад. Ибрагим же в ответ на свои благодарения ждал соответственно благожелательного отзвука. Шигаб-хазрат безбоязненно проявлял упрямство. Как говорится: «И лошадь виновна, и оглобля». И Шигаб-хазрат выказывал неблагодарность. Во время гаета все казанские имамы приходили к Ибрагиму-абзый с поздравлениями. Он каждому оказывал уважение, одаривал каждого. Но Шигаб-хазрат без приглашения и шагу не ступал. По-видимому, и это поведение портило настроение Ибрагиму-абзый»³⁵.

Конечно, можно согласиться с мнением предпринимателя о том, что в усиливавшемся противостоянии Ш.Марджани и И.Юнусова не последнюю

Шигабуddин Марджани. Фото второй половины XIX в.

³⁵ Юнусов Г. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. — 1997. — № 10/11. — С.98.

роль сыграли интриги давних идейных противников и просто завистников талантливого, во многом удачливого имама. Нельзя сбрасывать со счетов и явную несовместимость характеров этих двух ярких, честолюбивых личностей. Однако в основе конфликта, на наш взгляд, лежали несколько иные обстоятельства.

Пореформенная татарская буржуазия, взявшая за основу своей идеологии ислам, очищенный от средневековых предрассудков и суеверий, не хотела больше мириться с нарушениями основополагающих положений шариата, в том числе и в благотворительной сфере. Ей, безусловно, претили постепенное забвение у татар института закята, участвовавшие случаи разбазаривания вакуфов (имущество, переданное владельцем на религиозные или благотворительные нужды), а также способность некоторых богатых лидеров махаллей открыто пренебрегать коллективной волей мусульман-одинобщенников и даже интересами мечети. Кроме того, именно во второй половине XIX в. позиции старинных татарских торговых династий (Апанаевых, Азимовых, Бурнаевых, Юнусовых и др.) существенно потеснили предприниматели и промышленники новой волны.

Недавние выходцы из крестьян, сколотившие за короткий срок гигантские состояния, все чаще претендовали на более высокую степень своего участия в общественной жизни мусульман Казани. В результате среди татар-коммерсантов развернулась напряженная борьба за новый передел сфер влияния в городе. Первыми испытали на себе организованный натиск предпринимателей нового поколения братья Юнусовы.

В 1870 г. они отказали очередной просьбе Ш.Марджани дать денег на строительство нового здания для приходского медресе. Тогда хазрат бросил открытый вызов Юнусовым, обратившись за помощью к другим купцам, проживавшим в махалле: Б.Муллину, Ш.Салихову, Х.Сабитову, М.Валишину, И.Голанскому, З.Усманову, А.Рахматуллину, М.Галикееву и многим другим. Он встретил с их стороны полное взаимопонимание и поддержку. Так же, как и Ш.Марджани, протестуя против бесконечных капризов и «шуток» старшего из братьев — И.Юнусова, состоятельные люди прихода решили покончить с монополией этой семьи на власть.

Подобный коллективный протест был также вызван вызывающим, с точки зрения мусульманской этики, поведением Юнусовых, которые начали не просто кичиться перед жителями махалли своими расходами на религиозные цели, но и открыто пренебрегать насущными проблемами мечети и медресе. В этом смысле интересно замечание А.Рахматуллина, сделанное Исхаку Юнусову, с характерной для новой волны предпринимателей позиции «праведного мусульманина»: *«Не хвались строительством медресе. Для человека, имеющего богатство, это дело ничего не стоит, и совершить его можно за одно лето. Если не вы, не мы, не мы, то найдется другой богатый человек, который все равно сделает его»*³⁶.

Так в махалле образовался своеобразный общественный совет, который, минуя Юнусовых, занялся строительством. На средства купцов А.Ф.Рахматуллина и М.С.Галикеева был приобретен обширный земельный участок на

³⁶ Марджани Ш. Местәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — Казан, 1989. — 371 б.

Здание медресе «Марджания». Советское время

западной стороне современной ул.З.Султана, находившийся напротив мечети, где в 1871 г. на общественные деньги выстроили двухэтажное кирпичное здание. Однако противостояние между предпринимателями только усилилось. Братья Юнусовы, не желая терять своего влияния, в мае 1873 г. на месте старого медресе, как говорилось, также строят двухэтажное кирпичное здание.

Началась своего рода конкуренция, борьба за шакирдов между Марджани и Юнусовыми. Вот что вспоминал впоследствии сам мулла: «После этого было несколько попыток поджечь наше медресе (т.е. медресе, отстроенное на средства всех мусульман махалли. — Авт.), но всякий раз нам удавалось его сберечь. И, наконец, в 1875 г., с шестой попытки, когда весь народ был на намазе в мечети, его все-таки сожгли. В огне погибло множество книг... Ибрагим бай в этот же день натопил в своем медресе, осветил его свечами. А по окончании намаза закрыл мечеть, чтобы шакирды в ней не заночевали...»³⁷. Однако из этой отчаянной и одновременно преступной акции ничего путного не вышло. Сразу же после пожара А.Ф.Рахматуллин отремонтировал сильно пострадавшее в огне медресе, и некоторое время спустя здесь вновь начались занятия. Мало того, состоятельные люди махалли, собрав значительные денежные средства — 5000 рублей, в 1880 г. выстроили по

³⁷ Мәржани Ш. Местәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — Казан, 1989. — 371 б.

проекту архитектора П.И.Романова существующее здание мусульманского учебного заведения «Марджания» с флигелем (ныне — ул.З.Султана, 4/15). В конце концов Юнусовы смирились с новым положением вещей в приходе и больше уже не пытались диктовать свою волю общине и ее духовному лидеру.

В свою очередь центр общественной и религиозной жизни махалли переместился теперь с Юнусовской площади и Второй Поперечной улицы, где располагалась усадьба Юнусовых (ул.Г.Тукая, 67/14) и старое медресе, на Захарьевскую и Первую Поперечную улицы, т.е., собственно, к мечети (ул.К.Насыри, 17), дому Ш.Марджани (ул.К.Насыри, 10) и новому медресе.

Под руководством Ш.Марджани в приходе сформировалось первое в истории города попечительство махалли, за счет которого осуществлялось финансирование духовных потребностей мусульман, ремонт и перестройка культурных и учебных зданий. Средства попечительства складывались из регулярных пожертвований. Это могли быть деньги, вложенные в ряд банков, недвижимость и земельные участки, проценты и доход с которых шли на обеспечение повседневных нужд общины. До революции так называемое вакуфное имущество мечети Марджани состояло из лавки на Сенном базаре и большого доходного дома на той же Сенной площади стоимостью в 20000 рублей (дар наследников М.Галикеева).

Впрочем, отдельные активные члены махалли занимались благотворительностью и помимо попечительства. Так в 1885 г. купец Зайнулла бин Усман бин Жязи аль-Куркачи перестроил минарет мечети, а в 1887 г. он был обнесен металлическим ажурным парапетом на средства купцов Валиуллы бин Гизатуллы бин Тухватуллы аль-Аты и Мифтахутдина бин Валишаха аль-Кушлавичи.

В 1895 г. с благородным начинанием выступил казанский купец второй гильдии А.Ю.Чукин (1824–26.03.1896). Он завещал двухэтажный кирпичный дом на Екатерининской улице (ныне — ул.Г.Тукая, 58) мечети Марджани. Однако при этом он выдвинул одно условие: доход, получаемый от аренды дома, должен был непременно поступать в распоряжение специально открытого при мечети мектеба, в котором бы получали полный пансион и начальное образование дети-сироты. В соответствии с пунктом 18 его завещания полученные средства должны были быть израсходованы *«на обучение при приходском медресе сирот, детей беднейших мусульман, на содержание их и учителей, насколько позволят средства, с тем, чтобы им преподавалось одно вероучение, а если для сего медресе не окажется удобного помещения, то нанять для этой цели особую квартиру»*³⁸. Волю покойного прихожане мечети выполнили. Они учредили попечительство вакуфного имущества А.В.Чукина и уже с его помощью открыли сиротскую школу, которая разместилась во флигеле медресе «Марджания». В ней ежегодно воспитывались и проходили курс обучения десятки детей-сирот.

В работе Д.Д.Азаматова приведены некоторые сведения о дальнейшей судьбе этого вакуфа Первой соборной мечети³⁹. В 1896–1897 гг. мутавалли-

³⁸ Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской России и Сибири в конце XIX — начале XX века. — Уфа, 2000. — С. 30.

³⁹ Азаматов Д.Д. Указ. соч. — С. 30–31.

ем медресе являлся купец Гимадетдинов, в 1897–1902 гг. — Абдулшакур Чукин. 9 июня 1902 г. в вакуфном доме и примыкающем к нему флигелях, принадлежащих Б.Чукиной, произошел крупный пожар, нанесший большой вред зданиям. Муфтий М.Султанов во время Нижегородской ярмарки попросил казанского купца С.Губайдуллина принять на себя руководство по восстановлению здания, но купец, дав обещание, впоследствии отказался, сославшись на занятость. В этих условиях С.Абдуллин возложил на себя обязанности руководителя стройки. Ему удалось не только отстроить к 1904 г. сгоревшие здания, но и за счет сэкономленных средств и пожертвований прихожан приобрести у Б.Чукиной двухэтажный каменный флигель и другие постройки.

В 1904 г. Абдуллин был официально назначен Духовным собранием мутаваллием вакуфа. В 1904–1907 гг. вакуфные здания дали прибыль — более 5500 рублей. Казанское общество пособия бедным мусульманам неоднократно просило Духовное собрание передать в его распоряжение доходы вакуфа, подвергая сомнению правильность их расходования. Оно намеревалось направлять полученную прибыль исключительно на содержание детского приюта. Религиозное учреждение в январе 1906 г. создало комиссию для проверки деятельности мутаваллия. В марте того же года был избран попечительский совет в составе Ш.Казакова, Г.Ибрагимова, Г.Кушаева, М.Ибрагимова, И.Рахматуллина. Материалы комиссии пока не обнаружены, но известно, что в 1903–1905 гг. на средства вакуфа обучалось ежегодно 10–15 детей.

В марте 1916 г. казанский купец Мухаметсадык Каримов, уроженец дер.Чувашиле Ковалинской волости Казанского уезда, заверил у нотариуса свое духовное завещание, в котором, в частности, фиксировалось, что *«если он не успеет сделать богоугодные дела при жизни»*, то 1/3 своего капитала, т.е. 20 тысяч рублей, направить на строительство нового здания 4-классного медресе с пансионом на Первой Поперечно-Екатерининской улице. На противоположной стороне улицы предприниматель планировал построить складские помещения и направлять полученные от аренды деньги на учебу 10 детей-сирот. Чтобы реализовать намеченные цели, М.Каримов вложил 20 тысяч рублей в Казанское отделение Волжско-Камского коммерческого банка. Банковские проценты с указанной суммы также завещались беднейшим ученикам медресе.

Иными словами, к концу XIX века ситуация в махалле изменилась коренным образом, и главный мусульманский храм Казани по праву стал называться именем Шигабуддина Марджани.

После смерти знаменитого имама духовным наставником махалли был избран его сын Мухаммадбурганутдин (10.05.1856–1916), прежде исполнявший обязанности второго муллы Первой соборной мечети, — указ № 6436 от 1 сентября 1882 г. В эти же годы большую роль в жизни махалли сыграл ученик и зять Ш.Марджани С.Абдуллин. Он родился 25 декабря 1849 г. по старому стилю в дер.Малая Цильна Буинского уезда Симбирской губернии (ныне — Дрожжановский район РТ) в семье указного муллы А.Шамсутдинова. В 1867 г. Сафиулла приехал на учебу в Казань в медресе «Марджания», где благодаря незаурядным способностям быстро стал одним из самых лучших шакирдов и, соответственно, любимцем знаменитого мударри-

Медресе «Марджания». Современный вид

са. В 1884 г. Шигабуддин-хазрат породнился со своим учеником, отдав за него замуж дочь Галию.

Окончив медресе, С.Абдуллин в 1874 г. получил указ на исполнение обязанностей имама Третьей соборной мечети в родной деревне. Конечно, Марджани не собирался надолго расставаться с молодым талантливым богословом, намереваясь, по всей видимости, сделать его одним из имамов Первой соборной мечети города Казани. Правда, сразу же осуществить задуманное было невозможно, т.к. в махалле отсутствовали свободные вакансии. Главным кандидатом на должность второго имам-хатиба, т.е. официальным помощником Марджани, должен был стать его единственный сын Бурганутдин, который и получил соответствующий пост.

Однако вскоре стареющий дамелла понял, что его наследник, в силу слабого здоровья и отсутствия ярких организаторских способностей, вряд ли сумеет продолжить новаторские традиции медресе «Марджания» и стать безусловным лидером общины. Наверно не случайно, что сразу же после смерти Ш.Марджани в июне 1889 г., Оренбургское Магометанское Духовное собрание вызвало С.Абдуллина в Казань для совместного с Б.Марджани корректирования *«печатаемых в Казани священных книг Корана, также извлече-*

Преподаватели медресе «Марджания». 1912 г.

ний из оного, под названием «Хафтияк» и вообще всех других магометанских книг»⁴⁰. Можно предположить, что казанский ахун Ш.Марджани незадолго до смерти в подготовке данного решения Духовного собрания принял самое непосредственное участие.

Возвращение С.Абдуллина в Казань и начало его активной преподавательской деятельности в медресе сразу же привело к резкому столкновению с Бурганутдином-муллой. Энергичный, демократичный в общении Сафиулла-хазрат незамедлительно стал кумиром в старших классах «Марджании». Среди его шакирдов и близких друзей был Абдрахман Гумери, в будущем видный деятель джадидизма. Именно он вместе с несколькими своими товарищами: Ахметом Диватеевым, Шакиром Рахимовым, Шайхунисмагилом Асадуллиным, Салахутдином Измайловым, Айсой Фахрутдиновым и др. объявили бойкот Б.Марджани и потребовали от мусульман махалли избрания на его место С.Абдуллина. Вполне естественно, что прихожане мечети не восприняли этот «бунт» и решили удалить из медресе молодого учителя. В результате С.Абдуллин вынужден был уехать в Астрахань, скорее всего к своему другу А.Гумери.

В Астраханской губернии Сафиулла-хазрат полностью проявил свой проповеднический и педагогический талант, став 5 февраля 1890 г. муллой

⁴⁰ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.3965. — Л.382об.

мечети и руководителем медресе в дер.Ставка при Нарып Песках Внутренней Киргизской орды и заслужив в скором времени почетное звание ахуна.

Между тем положение в махалле мечети Марджани г.Казани с каждым годом становилось все более нестабильным и тревожным. Обострившиеся болезни Бурганутдина-муллы не позволяли ему полноценно преподавать в медресе и контролировать общественные настроения в приходе. Фактическим хозяином махаллы стал местный муэдзин Хайрутдин Сабитов — человек со сложным, противоречивым, конфликтным характером, умело сталкивавший между собой различные группы богатых прихожан. Все это самым непосредственным образом сказывалось на посещаемости мечети и способствовало фактическому развалу учебного процесса в медресе «Марджания». Впрочем, влиятельные представители приходского купечества не стали в этот раз закрывать глаза на явную вину Б.Марджани, который, по их мнению, был «человеком очень богатым и совершенно больным, почему мечеть посещал нечасто... благодаря материальному положению к обязанностям службы относившийся индифферентно»⁴¹.

Видимо, задавшись целью коренным образом изменить неблагополучную ситуацию в махалле, они решили подыскать Бурганутдину-мулле достойного и авторитетного помощника. Их выбор пал на С.Абдуллина, который после переговоров дал свое согласие на переезд в Казань. О прежних недоразумениях стороны забыли. Таким образом, через 9 лет вынужденной отлучки опальный проповедник 23 июля 1899 г. получил указ на исполнение обязанностей второго муллы в мечети Марджани.

За несколько лет С.Абдуллин сумел справиться с грузом проблем и навести порядок в махалле. Будучи искренним сторонником новометодных преобразований, проявляя неподдельный интерес к общественно-политической деятельности, Сафиулла-мулла тем не менее старался не шокировать ортодоксальную часть своих прихожан радикальными новациями и непродуманными публичными выступлениями. Он тесно сотрудничал с лидером умеренных реформаторов купцом А.Сайдашевым, печатался в его газете «Баянельхак», участвовал в подготовке различных мусульманских съездов. С.Абдуллин удовлетворял и «традиционалистов», и «новаторов», даже с давним своим соперником Б.Марджани он сумел наладить нормальные деловые отношения.

Мечеть Марджани. Надгробный камень. XVI в.

⁴¹ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.5798.

Участники II Всероссийского съезда мусульман. Санкт-Петербург, 1906 г.

К 1908 г. Сафиулла-хазрат полностью возложил на себя обязанности первого муллы мечети. Интересны сведения о размерах оплаты труда священнослужителей. Так, в 1916 г. хатибу С.Абдуллину выплачивалось до 800 руб. в год, имаму М.Б.Багаутдинову — до 700 руб. в год, муэдзину М.Сабитову — до 400 руб. в год.

Важнейшей заслугой С.Абдуллина является возрождение традиций медресе «Марджания» как центра мусульманской образованности и свободомыслия. В 1909 г. в руководимом Сафиуллою-хазратом учебном заведении обучалось 105 шакирдов. Преподавание было организовано на уровне самых передовых новометодных медресе. «Марджания» подразделялась на 4 класса «рушдий» и 2 класса «игдадий», где помимо чисто богословских предметов 5 учителей преподавали географию, всеобщую историю, татарскую историю, татарский и арабский языки, геометрию, педагогику, гигиену и др. Причем широко использовались учебники авторов-джадидистов: Я.Адути, Г.Баруди, С.Баруди, А.Гумери, Г.Ибрагимова, Ф.Карими, М.Рамзи, Х.Файзи и др. Сам С.Абдуллин преподавал в «игдадий» тавсир, фикх, усул аль-хадис, акаид и др.

Последним священнослужителем, избранным на должность имам-хатиба Первой соборной мечети в дореволюционный период, стал 6 июля 1917 г. внук Ш.Марджани Абдулхамид бин Мухаммадбурганутдин Марджани (р.2.02.1886). В 1923 г. муллой мечети Марджани стал зять С.Абдуллина известный татарский ориенталист Тахир Ильяси (1881–1933), перешедший сюда из прихода мечети на Старом татарском кладбище. Он родился в дер.Ин-

дерка Кузнецкого уезда Саратовской губернии. Начальное образование получил в медресе Хвалынского уезда, а с 1897 г. по 1903 г. учился в медресе «Мухаммадия». В 1903–1907 гг. Т.Ильясин находился на учебе в Египте в университете аль-Азхар. После возвращения в Россию преподавал арабский язык в медресе «Мухаммадия» и «Хусаиния». Вероятно, под давлением соответствующих органов он в 1929 г. отказался от должности имама мечети Марджани. В феврале 1930 г. Т.Ильясин арестовали и осудили на 5 лет лагерей. Через два с половиной года его освободили и отправили в ссылку в Вологодскую область, где он скончался. Дочь Т.Ильясина Назия стала впоследствии женой известного татарского писателя Амирхана Еники.

События 1917 года резко изменили направленность государственно-религиозных отношений. Теперь их суть определялась нетерпимостью идеологии большевизма к религиозному инакомыслию вообще и к исламу в частности. На протяжении истории нашего государства в советский период ислам, как и другие конфессии, подвергался методичному уничтожению. В зависимости от общей социально-политической обстановки в стране менялась лишь тактика борьбы с религией — от оголтелого воинствующего атеизма до вынужденной либерализации государственно-религиозных отношений. История мечети Марджани тесно переплетена с событиями этой сложной эпохи.

Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» стал программным документом религиозной политики нового государства, который декларировал невмешательство в дела религиозных организаций. Однако со второй половины 20-х гг. XX в. происходит перелом в государственно-религиозных отношениях. Сосредоточение «церковной» политики в руках НКВД и ОГПУ привело к переориентации регулирования деятельности религиозных организаций на административно-командные меры. В конце 20-х гг. прошлого века произошло скатывание в решении социально-экономических и культурных задач в сторону «чрезвычайщины», а проведение форсированными темпами коллективизации усугубило и отношения с церковью. Стало обычным делом грубое вмешательство в дела религиозных обществ. В действиях партийных и государственных органов, в выступлениях руководителей государства стал преобладать «воинствующий» подход к религии.

Так, уже декрет СНК РСФСР от 8 февраля 1923 г. «О регистрации религиозных обществ» нарушал принцип невмешательства в дела церкви. Согласно ему, в 1923–1924 гг. началась массовая кампания учета религиозных общин, их зданий и материальных ценностей. Для прохождения регистрации необходимо было провести общее собрание верующих, составить список прихожан, утвердить устав общества и др. Устав религиозного общества мечети первого прихода (Марджани) был зарегистрирован НКВД ТАССР за № 568 в январе 1924 г., а позже, 2 апреля 1926 г., заключен договор с Казанским городским Советом на пользование культовым зданием. К этому времени приход мечети составляли 1394 человека. Такие переписи носили фискальный характер, но, не сразу осознав это, верующие добровольно вносили свои имена в списки⁴².

Последующие события перечеркнули возможность малейшего диалога ре-

⁴² НА РТ. — Ф.Р-5852. — Оп.1. — Д.736. — Л.418.

лигиозных организаций с государством. На рубеже 1920–1930-х гг. страна начинает грандиозное социалистическое строительство, мероприятия которого должны были привести к полной победе коммунизма. В религиозной сфере это все вылилось в повальное закрытие храмов, репрессии против духовенства как носителя чуждой идеологии, преследования за религиозные убеждения простых верующих.

Ситуация в мусульманском обществе становится настолько критической, что в мае 1930 г. сам председатель Центрального Духовного управления мусульман, муфтий Риза Фахретдинов был вынужден выехать в Москву и встретиться с руководством страны. На приеме у председателя Постоянной комиссии по вопросам культов П.Г.Смидовича муфтий сообщил о массовом закрытии мечетей без согласия верующих, непосильном налоге на служителей исламской веры, раскулачивании их и др. В результате таких мер закрываются мусульманские приходы, не имеют возможности существовать мухтасибаты: в ТАССР из 24 мухтасибатов к 1930 г. остались лишь 3, а число мулл и муэдзинов, не состоящих в должности, достигло 90 %. Самый большой процент недействующих махаллей приходился на Татарстан.

В целом государственная антирелигиозная политика в конце 20–30-х гг. XX в., как и другие антидемократические процессы в советском обществе, свидетельствовала о формировании тоталитарного политического режима в стране. «Воинствующий» атеизм как форма отношений между религией и властью нарастал и достиг пика во второй половине 30-х гг. XX в.

Значительная часть духовенства к этому времени была репрессирована, а положение оставшихся на свободе религиозных деятелей являлось не менее тяжелым, т.к. все они преследовались, облагались большими налогами и трудовыми повинностями, хотя большинство из них не имели даже собственные хозяйства и жили они на добровольные пожертвования.

Как мы уже отмечали, история мечети Марджани этих лет полна мрачных, трагических страниц. Так, в начале 1930-х гг., после ухода в отставку и ареста Т.Ильяси, здесь не стало главного имама. Временно исполняющим обязанности имам-хатиба был назначен муэдзин этого же прихода Мустафа Хайрутдинович Сабитов (1879—1937[?]). Несмотря на совмещение обеих должностей, пятидесятидвухлетний Сабитов с 14 апреля по 19 октября 1931 г. был привлечен к принудительным работам на одном из огородных хозяйств. Однако по действующему законодательству служитель культа не мог привлекаться к трудовым повинностям, если это влекло за собой остановку богослужения. Поэтому Сабитов, опасаясь, что мусульмане прихода совсем останутся без служителя культа, отправил соответствующую просьбу в ЦДУМ⁴³. К тому же уже с середины 1930-х гг. готовились планы на закрытие мечети Марджани.

Закрытие молитвенных зданий стало одним из печальных результатов массированного давления на церковь. Игнорируя культуру и историю народов, их традиции, идеологическая борьба с религией подменялась борьбой с ее носителями, атрибутикой. Ликвидация мечетей и церквей выставлялась как важный показатель падения религиозности, поэтому на местах популярной стала практика проведения собраний, на которых простым большинст-

⁴³ НА РТ. — Р-732. — Оп.6. — Д.67. — Л.147.

вом, часто в отсутствие верующих, принимались решения о закрытии зданий культа. Например, на заседании Президиума ТатЦИКа 6 февраля 1930 г. решалась судьба Апанаевской мечети Казани, на котором было принято решение о расторжении договора с общиной и передаче ее под студенческое общежитие. Махалля обратилась в НКВД с ходатайством о возвращении этого уникального исторического памятника середины XVIII в. или переноса даты закрытия до 10 марта, т.е. до праздника гаэт. Тем не менее в просьбе было отказано, более того, имущество мечети передано по акту за два дня до праздника.

В 1935 г. в Казани из 18 мечетей функционировали лишь 6, однако даже это количество резко выделялось среди других мусульманских городов. В связи с перерегистрацией религиозных обществ и перезаключением договоров на пользование молитвенными зданиями, число их в столице должно было быть снижено до 8 (5 церквей и 3 мечети). По этому плану предполагалось оставить Бурнаевскую мечеть, мечети Новотатарской и Кызыл-Армейской слободы. Планировалось, что приходы Белой мечети и Марджани будут прикреплены к Бурнаевской, туда же и частично в Новотатарскую должен был перейти приход Азимовской мечети.

Однако по неизвестным нам причинам этот план не был осуществлен. Вероятно, в этом не последнюю роль сыграл тот факт, что закрываемые мечети были включены в список монументальных памятников истории и культуры ТАССР. Из мусульманской культовой архитектуры в него вошли комплекс сооружений в Болгаре, Биляре, Джукетау и башня Сююмбике — памятники высшей категории, Апанаевская мечеть — I категории, мечети Марджани и Азимовская — II категории¹⁴. Сокращение числа культовых зданий осуществилось к 1939 г., когда были закрыты все остальные мечети, кроме Первой соборной.

Одну из версий спасения мечети Марджани от использования на другие цели приводит Г.Саматов в книге «Миллятебездэ Ислам дине». Из нее известно, что уже упомянутый нами М.Сабитов — последний представитель династии муэдзинов махалли, владелец дома № 18 по улице К.Насыри, — отдал за мечеть свое недвижимое имущество, тем самым сохранив ее для верующих мусульман Казани.

С середины 30-х гг. XX в. обязанности имам-хатиба прихода и мухтасиба Казанского района начал исполнять Мухаммадкасим Абдулгаллямович Салихов (1871–1954). Этот видный религиозный и общественный деятель, происходивший из крестьян дер.Чирши (ныне — Высокогорский район РТ) был сыном знаменитого имама Апанаевской мечети Казани А.Салихова (1832–1899). После смерти отца Мухаммадкасим, окончивший приходское медресе, стал духовным наставником второй городской махалли и главным муллой Апанаевской мечети.

Необходимо особо подчеркнуть, что он принадлежал к передовой части татарского духовенства. Именно с его именем связано утверждение новометодного образования в мусульманском училище прихода, получившем впоследствии название «Касимия». Известно также, что Мухаммадкасим-хазрат, друживший со многими молодыми представителями татарской культу-

¹⁴ НА РТ. — Ф.Р-732. — Оп.6. — Д.133. — Л. 51.

ры, во время похорон Г.Тукая прочитал у могилы поэта его стихотворение «Завещание». После февральской революции 1917 г. мулла стал председателем Управления Союза Духовенства г. Казани. В 1930 г., в связи с закрытием Апанаевской мечети, М.А.Салихов остался не у дел. Поэтому мусульмане махалли, лишившись с арестом М.Х.Сабитова проповедника, пригласили в свой храм авторитетного и хорошо им знакомого имама. В эти же годы Мухаммадкасиму-хазрату в мечети помогал муэдзин З.Мингалимов (р.1890)⁴⁵.

К концу 1930-х гг. тысячи религиозных деятелей томились в сталинских лагерях, прекратили существовать многие мусульманские приходы. В 1936 г. умер Р.Фахретдинов. Несомненно, если бы его земная жизнь была продлена, он был бы так же арестован, как и другие руководители ЦДУМ в 1936 г. Тогда по делу о Духовном управлении следственные органы привлекли к ответственности более 30 человек. Под каток репрессий попали Ш.Шараф, К.Тарджиманов, З.Камали и многие духовные лидеры татарского народа. Из 13700 мусульманских приходов России к началу второй мировой войны осталось около 100, да и то находившихся в чрезвычайно тяжелом положении. К середине 1941 г. в ТАССР оставались незакрытыми всего лишь 164 церкви и мечети, хотя значительная часть из них давно не использовалась.

Великая Отечественная война внесла коррективы в государственно-религиозные отношения. Правительство страны отказалось от административного давления на верующих и перешло к практике частичных уступок. Сокращение количества храмов не привело к сокращению числа верующих, а трудности во время войны даже подняли религиозный дух населения.

Руководители мусульманских религиозных организаций взывали к патриотическому духу единоверцев, призывали оказать помощь в борьбе против общего врага. В мечетях читались молитвы за спасение страны, производился сбор продуктов, одежды и др. В мае 1942 г. на чрезвычайном съезде мусульман было принято обращение ко всем мусульманам СССР защищать свою родину. Благодарственное письмо получил муфтий Г.Расули за сбор средств на строительство танковой колонны. Не отставала от других городов и Казань. В мечети Марджани проводились подобные патриотические акции, и было отправлено на помощь фронту около 100000 рублей⁴⁶.

С начала войны обязанности имам-хатиба мечети и мухтасиба исполнял Киям Кадырович Кадыров (р.1882), обязанности второго муллы — Камаретдин Богаутдинович Салихов (р.1891). Первый из них проживал в доме № 32 по ул. К.Насыри, второй — в доме № 16/8 по ул.Поперечно-Академической⁴⁷.

Во время всенародного бедствия правительство было вынуждено отказаться от нападков на религию и пойти на частичные уступки в этой сфере. В частности, для мусульман было разрешено создание ряда духовных управлений, паломничество к святым местам, открытие мечетей и медресе в Бухаре, из лагерей вернулось большое количество служителей культа. Послевоенные постановления предоставили органам религиозных организаций огра-

⁴⁵ НА РТ. — Ф.Р-732. — Оп.6. — Д.70. — Л.1-13.

⁴⁶ Саматов Г. Указ. соч. — С. 110.

⁴⁷ НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп.1. — Д.4. — Л.47.

Здание Ананавского медресе. Советское время

нические права юридического лица. Им разрешалось приобретать транспортные средства, осуществлять строительство, открывать счета. Исполнительный орган мечети ведал всей финансово-хозяйственной деятельностью, вплоть до визирования документов на произведенные денежные расходы, заключал договоры и соглашения. В то же время общины продолжали оставаться фактически бесправными и часто терпели оскорбительные притеснения. Характерен пример с мечетью Марджани, в которой помимо моленной го зала размещалось вредное кустарное производство. Справедливые просьбы прихожан о выводе предприятия за пределы храма долго игнорировались. Вот выдержка из письма Казанского городского совета в УСДРК от 28 апреля 1948 г.: «В связи с ходатайством религиозной общины о выселении из помещения мечети по ул. Насыри исполком сообщает: Артель «ИРЕК» системы кооперации инвалидов заняла помещение под мечетью еще в 1926 г. и организовала там свое производство.

Помещение передано артели по договору и за аренду она вносит 7700 р. в год. На ремонт помещения, организацию, установку оборудования затрачено из средств артели до 1 млн. р.

На территории мечети расположены все основные цехи артели и бондарное производство, складские помещения. Цехами выпускаются: клей галерный, лаки, краски, колесная мазь, олифа. Для хранения продукции под мечетью сооружены специальные подземные оборудования и хранилища. В

1948 г. артель должна выпустить продукции на 1800 тыс. р. Перевод цехов вызовет большие убытки. Из акта Господнадзора видно, что размещение производства артели на территории мечети опасности в пожарном отношении не вызывает». Вот такова была логика советской власти, не желавшей идти навстречу просьбам верующих людей даже в самом необходимом. Позднее, уже в 1956 г., имаму И. Муштари все-таки удалось добиться вывода производственных мощностей артели из мечети.

Для регулирования государственно-религиозных отношений был создан Совет по делам религий при Совете Министров СССР, а на местах — институт уполномоченных СРК. Уполномоченный был посредником между правительством и религиозными организациями в регионах. В соответствии с законодательством о культах он решал вопросы регистрации общин, открытия культовых зданий, проведения религиозных праздников. По сути это был полицейский орган, который докладывал о различных проявлениях религиозности населения. Периодически уполномоченный составлял информационные отчеты о состоянии и деятельности религиозных обществ и духовенства, о прохождении религиозных праздников, о паломничестве и т.д.

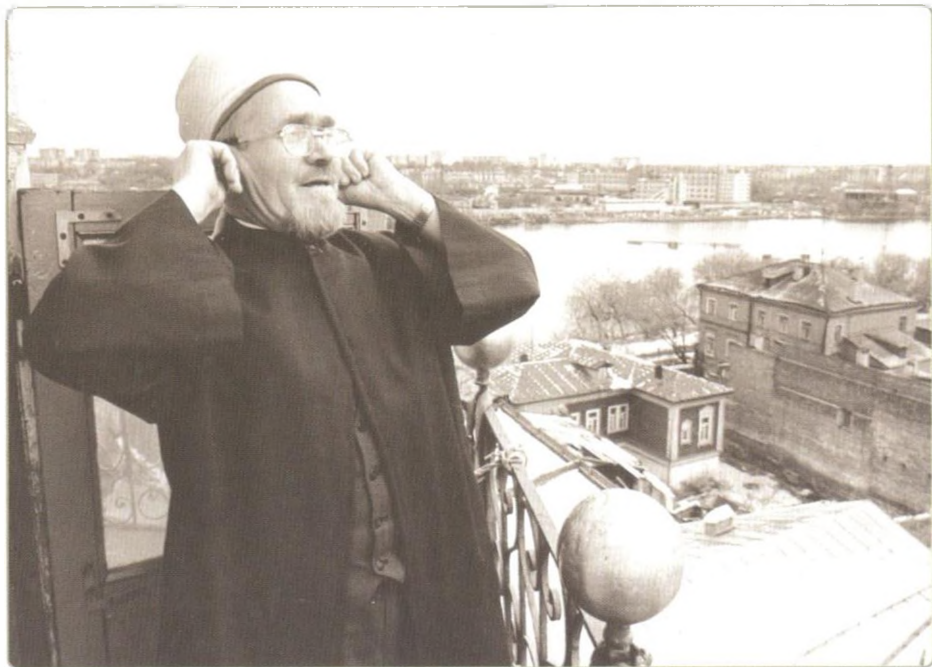
С начала 1950-х гг. краткий период «атеистической оттепели» закончился. Вплоть до середины 1980-х гг. ЦК КПСС вырабатывал постановления, которые подняли научно-атеистическую пропаганду на новый уровень с целью скорейшего изживания религиозных пережитков в сознании масс. Снова начались оскорбления религиозных чувств верующих и духовенства, закрытие культовых зданий.

Но несмотря на это, религиозная жизнь мусульман продолжалась, хотя находилась под всеобъемлющим контролем властей. Посещающие мечеть, соблюдающие религиозные обряды граждане осуждались по месту работы или учебы, родные и близкие боялись вступать с ними в отношения. Верующим приходилось отстаивать свои убеждения в тяжелых моральных условиях, и большинство обрядов совершалось в частных домах тайно. Исходя из этого, трудно объективно судить об уровне религиозности советских людей, которые не афишировали свои воззрения.

Отношение к религии наглядно проявлялось во время религиозных праздников. Мусульмане Казани отмечали официально только три религиозных праздника: Ураза-байрам, Курбан-байрам и Маулуд-байрам. Докладные записки уполномоченного СРК по ТАССР дают сведения о количестве человек, посетивших мечеть Марджани в эти дни, их возрастные и половые характеристики, а также о количестве праздничных обедов с посещением духовенства и сумме денег, собранных во время богослужений.

В месяц Рамазан верующие держали пост и по пятницам собирались на пятничную молитву. Традиционно проводился праздник жертвоприношения — Курбан-байрам: по мусульманскому обряду около мечети и в частных домах резали баранов, варили праздничный обед, угощали родных и бедных. Праздничная служба всегда сопровождалась торжественной проповедью (вагаз). Ее тема была связана с праздником, а кроме того, в ней обязательно звучали актуальные проблемы внутренней и внешней политики СССР. Красивая проповедь всегда была отличительной чертой хорошего имама.

В 1952 г. проповедником общины стал Исмагил Мингалиевич Муштари-ев (15.08.1888–1962) — представитель старинной династии мусульманских

Мечеть Марджани. Призыв муэдзина к молитве

священнослужителей из дер.Утямышево Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне — Апастовский район РТ). Его отец с 1892 г. являлся имамом в дер.Верхние Ындырчи (ныне — Апастовский район РТ). И.Муштариев в 1909 г. окончил медресе при Четвертой соборной мечети г.Казани и некоторое время там преподавал. В 1911 г. по просьбе мусульман дер.Большие Буртасы (ныне — Камско-Устьинский район РТ) он стал имам-хатибом махалли. После установления Советской власти мулла подвергся преследованиям. Поэтому вновь стать официальным проповедником И.Муштариев смог лишь после Великой Отечественной войны, придя в мечеть Марджани. За годы своей деятельности, по сведениям Г.Саматова, он провел огромную работу по улучшению материального состояния мечети: приобрел легковые автомобили «Победа» и «Волга», привез из Москвы и установил три большие люстры, начал читать проповеди с помощью микрофона, перевел здание на отопление углем.

С 13 мая 1954 г. имам-хатибом мечети Марджани служил Халиль Латыпович Латыпов (у Г.Саматова — Халилрахман Лотфуллин). Он был земляком дореволюционного имама махалли С.Абдуллина. Х.Латыпов родился в 1881 г. в дер.Малая Цильна (ныне — Дрожжановский район РТ). В 1907 г. он поступил в медресе «Марджания» под опеку Сафиуллы-хазрата и, вероятно, с его благословения в 1918 г. там же начал работать преподавателем. После окончания гражданской войны в 1922 г. Х.Латыпов вернулся в родное село и до 1929 г. служил при малоцильнинской мечети.

В 1946–1953 гг. Халиль-хазрат трудился в мечети Ульяновска, а в 1953–1954 гг. являлся имам-мухтасибом в городе Оренбурге. По данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов, Х.Латыпов за короткое время проявил активную деятельность в организации и проведении религиозных праздников и выступлениях перед верующими мусульманами Казани⁴⁸. В послевоенные годы праздники в мечети Марджани проходили с одинаковой активностью. Например, с 1 по 7 апреля 1966 г. проходил праздник Курбан-байрам. На праздничную молитву в мечети и на придворовой территории собралось до 5000 человек, причем 20 % составляла молодежь. Было собрано добровольных пожертвований (садака) до 1280 рублей, принесено в жертву 39 баранов⁴⁹.

До поста (ураза) в 1967 г. перед прихожанами выступил муэдзин С.Гизатуллин: *«Скоро начнется пост. Поэтому мы просим Вас помнить, что 12 декабря начнется для мусульман месяц испытаний и их веры в Аллаха. В эти дни мы — мусульмане, собравшись все вместе, будем вспоминать заветы Аллаха и его пророка. Пост потребует от нас искреннего соблюдения предписаний Корана. В эти дни мы будем вспоминать своих родных и близких»*. Далее он предложил забыть личные обиды и жить в дружбе. Так как имам был в это время болен, на праздничные застолья ходили все, кто был знаком с канонами ислама. На «Ифтар-меджлис» в этот период только муэдзин Гизатуллин был приглашен 119 раз. В Ураза-байрам задолго до рассвета к мечети Марджани подошли 3000 человек, а в ходе намаза их количество доходило до 4200 верующих, которые заполнили все проходы, лестницы, двор и прилегающую территорию.

Со стороны уполномоченного СРК осуществлялся надзор за проведением религиозных обрядов. Его отчеты содержат информацию о том, кто соблюдал пост и не выходил на работу в день религиозного праздника, кто собирался в мечети. Верующие были под постоянным контролем со стороны партийных организаций, органов госбезопасности. Вообще тенденция вмешательства государства в дела религиозных обществ имела место на протяжении всего советского периода. Это наглядно проявилось при назначении имама в казанской мечети.

Летом 1962 г. умер имам-хатиб и мухтасиб по ТАССР, Удмуртской АССР и Пермской области, член ДУМЕС И.Муштариев. Временное исполнение обязанностей было возложено на муэдзина С.Гизатуллина, который по своей религиозной подготовке не соответствовал требованиям казанских мусульман. Верующие и исполнительный орган мечети начали поиски подходящей кандидатуры. В это время из Ростова, по рекомендации муфтия Ш.Хиялетдинова, в Казань на должность имам-хатиба мечети Марджани прибывает некий Карим Шангареев и приступает к исполнению религиозных обязанностей. Однако местные органы госбезопасности настойчиво рекомендовали не регистрировать его. К тому же вскоре из Ростова на К.Шангареева пришла отрицательная характеристика: якобы он, будучи служителем культа, активно вмешивался в семейные дела верующих, оскорбительно отзывался о некоторых прихожанах, брал деньги за исполнение обрядов сверх суммы,

⁴⁸ НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп.1. — Д.7. — Л.35.

⁴⁹ Там же. — Д.11. — Л.212.

означенной в квитанции. Этот документ не позволил ему пройти регистрацию и легально работать.

Ситуация оставалась сложной в течение всего 1963 г. В марте Духовным управлением мусульман на должность первого имама был назначен Ислам Алманов — бухгалтер мечети. Для его утверждения в апреле из Уфы приезжает муфтий Ш.Хиялетдинов и в мечети оглашает свой указ. Тем не менее большинство верующих не одобрили и этого кандидата. Во время выступления муфтия разгорелись горячие споры, и вопрос вновь остался открытым. Со своей стороны прихожане выдвинули кандидатуру Файзрахмана Саттарова, получившего духовное образование в медресе Бухары.

Причины неприятия прихожанами И.Алманова были просты: верующие мусульмане заподозрили мутаваллия в финансовых злоупотреблениях и даже отстранили председателя исполнительного органа мечети Салиха Тимерханова. Однако дело осложнилось вмешательством чиновников, которые поддерживали последнего. В конце 1963 г. верующие подали коллективное заявление на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнев и 1-го секретаря Татарского обкома КПСС Ф.А.Табеева о препятствии в работе мечети со стороны властей. Из письма следовало, что уполномоченный Совета по делам религиозных культов Мангуткин, заместитель председателя исполкома Приволжского райсовета Имамеев и зам. начальника милиции Приволжского района Садыков угрожали репрессиями и закрытием мечети в случае несогласия верующих со старым составом исполнительного органа.

Все же дело с вакансией имама мечети благополучно закончилось с назначением главой махалли Исмагила Динмухаметовича Рахматуллина, служившего ранее в мечети г.Троицка Челябинской области. По-видимому, он стал компромиссной фигурой для верующих, т.к. в дальнейшей работе мечети подобных конфликтных случаев не наблюдалось. К тому же посетивший Казань в 1968 г. муфтий Ш.Хиялетдинов простил верующих и предложил забыть обиды.

Преемником И.Д.Рахматуллина в 1967 г. стал Габдельхабир Яруллович Яруллин. Он родился 20 августа 1905 г. в с.Ямашурма Казанского уезда (ныне — Высокогорский район РТ). Его прадед — крестьянин дер.Отар-Дубровки Лаишевского уезда (ныне — Пестречинский район РТ) Хабибулла (в некоторых источниках — Хайбулла) Халитов, в 1828 г. приехал в Ямашурму и через 6 лет, 14 февраля 1834 г., стал имам-хатибом второй махалли.

Один из сыновей Хабибуллы — Валиулла (1834–22.03.1876), окончив Кшкарское медресе, был утвержден на должность второго муллы 28 сентября 1859 г. Однако вскоре его постиг серьезный недуг, и молодой человек в течение 8 лет был прикован к постели. После его кончины самому старшему сыну Валиулле — Ярулле исполнилось всего лишь 13 лет, и он вместе с другими детьми перешел под опеку родного брата деда — Мухаммадгали.

Необходимо отметить, что Х.Халитов почти на 10 лет пережил своего сына и сложил с себя полномочия духовного главы прихода в 1884 г. Тогда же мусульмане избрали имамом мечети его внука — Я.Валиуллина (1861–1926).

Г.Яруллин, окончив 2 класса начальной школы в Ямашурме, в 1920–1924 гг. проходил курс наук в знаменитом медресе «Мухаммадия». После

закрытия этого учебного заведения шакирд продолжил учебу у авторитетного богослова и педагога М.-К.Салихова в медресе Апанаевского прихода (Приозерное, «Касимия»). В 1926 г., после смерти родителей, юноша возвращается в родную деревню и становится имамом Второй соборной мечети. Еще через год двадцатидвухлетний хазрат берет в жены дочь имама с.Качи Галию Юнусову, воспитанницу женской гимназии Ф.Аитовой.

Вся жизнь Г.Яруллина была наполнена трудностями и лишениями. В 1928–1929 гг. умирают два его годовалых сына. Однако, несмотря ни на какие душевные муки, он не перестает исполнять свои обязанности. Вскоре Аллах вознаградил его старания. В 1932 г. у Яруллиных родилась дочь Наиля, а в 1935 — сын Фарит. Правда, теперь для правоверных наступили тяжелые времена. В результате антирелигиозной политики в 30-х гг. XX в. были закрыты мечети 1-го и 2-го приходов, которые также потеряли своих духовных наставников. Г.Яруллин был записан в трудовую армию и имел лишь редкую возможность видаться со своей семьей. Вскоре, не имея возможности прокормить близких, будучи лишенным гражданских прав, он переезжает в Казань.

Дальнейшая биография сельского имама типична для беспощадной эпохи преследований и репрессий. Г.Яруллин, никогда не отказывавшийся от любой, даже самой тяжелой работы, все равно не мог чувствовать себя спокойно. Печать «лишенца» не позволила ему долго трудиться в пригородном огородном хозяйстве в дер. Кокушкино. «Чуждый классовый элемент» очень быстро лишился и этого скромного заработка. Лишь по счастливой случайности и благодаря знакомству бывший мулла устраивается столяром на мебельную фабрику им.15-й годовщины Октябрьской революции.

Во время Великой Отечественной войны Г.Яруллин работал на одном из самых трудных и неуважаемых тогда «фронтов» — строительном участке. Затем, в первые послевоенные годы, он являлся работником мельзавода АП «Главмука», а с 1952 г. — охранником на пилораме артели «Коммунар».

Воспитание и образование, полученное Габдельхабиром-эфенди в семье и у великих мусульманских корифеев начала 20-го столетия, не позволяли ему сойти с избранного пути. В послевоенные годы он все чаще начинает посещать единственную в городе мечеть Марджани. После выхода на пенсию в 1965 г. он через два года становится духовным лидером, имам-хатибом казанских мусульман.

Конечно же, это было далеко не случайным событием. Г.Яруллина можно назвать последним представителем классического татарского мусульманского духовенства, имевшим прекрасное богословское образование. В то время в Татарстане работало 12 зарегистрированных общин и мечетей, которых обслуживали 12 имам-хатибов и примерно столько же муэдзинов. Если к 1967 г. из них средним духовным образованием обладало всего 8 человек (высшего не имел никто), то уже к 1970 г. Г.Яруллин остался единственным, кто имел высокий уровень знаний.

В Казани священнослужитель вел энергичную организаторскую и проповедническую деятельность. В 1968 г. он совершил хадж, а в октябре 1975 г. участвовал в работе пленума ДУМЕС по избранию нового муфтия после смерти Ш. Хиялетдинова. В 1971 г. Габдельхабир-хазрат выезжал в составе мусульманской делегации в Мали, Верхнюю Вольту, Того, Нигерию. Кроме того,

Мечеть Марджани. Вид со стороны улицы Ш. Марджани

принимал участие в конференциях 1970–1971 гг. в Ташкенте и 1974 г. в Самарканде, исламской конференции 1980 г. в Ташкенте и многих других богословских мероприятиях.

Габдельхабир-хазрат продолжил лучшие традиции своих предшественников. В период его деятельности община с помощью муэдзина Вафы Гилязова, председателя му аваллията Гарифуллы Валиуллина расширила здание храма. Однако по-настоящему масштабные работы начались с избранием нового председателя мутаваллията Закарии Минвалиева. Был проведен хороший ремонт здания, произведено подключение к центральному отоплению, оборудована женская тахаратхана (помещение для омовения), существенно обновлен минарет, закуплен автомобильный транспорт. В эти же годы получила распространение широкая благотворительная практика общины.

Габдельхабир-хазрат Яруллин являлся одним из последних имамов советского периода в Казани. Этот неутомимый и авторитетный человек, посвятивший религиозной жизни мусульман города почти 30 лет, стал олицетворением заботливого и внимательного духовного наставника, оставившего после себя плеяду замечательных учеников. Среди них можно назвать практически всех нынешних казанских имам-хатибов и многих известных религиозных деятелей мусульманской уммы России. Не случайно то, что представители династии Яруллиных и сегодня продолжают дело своих пред-

ков на пути служения Аллаху, много делают для развития мусульманского образования в столице Татарстана.

Несмотря на декларацию свободы совести, которую гарантировала Конституция, отправлять религиозные обряды было чрезвычайно трудно и в материальном отношении. Со зданий культа и духовенства взимались налоги с повышенной ставкой, служителям культа не начислялся стаж работы, они не получали больничный лист и т.д. Сложная ситуация сложилась с религиозным образованием.

История образования у татар, насчитывающая несколько столетий, была неразрывно связана с исламом. Ислам был особым мироощущением, духовным источником, самобытностью татар. Мектебы и медресе всегда являлись очагами распространения грамотности и знаний среди татарского населения. Пройдя несколько этапов своего развития, мусульманское образование в Татарстане в конце XIX — начале XX в. превратилось в мощную систему, независимую от официальной идеологии.

Позитивное развитие мусульманской школы было прервано революционной сменой идеологии в 1917 г. Если первоначально мусульмане страны, чье образование долгое время сдерживалось тяжелыми условиями великодержавного шовинизма, связывали особые надежды с Октябрьской революцией, то последующие события показали несовместимость коммунистической и религиозной идеологии.

Мусульманское образование в первое десятилетие советской власти прошло в своем развитии как этапы подъема в рамках «вынужденной либерализации» религиозной политики, совпавшей с периодом НЭПа, так и этапы свертывания и окончательного разрушения сети религиозных школ. Тактика временных уступок духовенству и верующему населению в начале 20-х гг. XX в. подверглась строгой критике в партийных и государственных кругах. Общая атмосфера «воинствующего безбожия» в стране категорично отвергла возможность свободного отправления религиозных обрядов и, в частности, изучения канонов религии. Административно-командная система с карательным аппаратом ОГПУ-НКВД не позволяла существовать никакой другой идеологии, кроме советской.

Репрессии второй половины 30-х гг. XX в. подавили одну из составляющих мусульманского образования — мусульманское духовенство. В послевоенные годы шел процесс старения уцелевших служителей культа. Однако возможности восполнения духовных кадров были весьма ограничены, так как с 1946 г. работало единственное на весь Советский Союз мусульманское учебное заведение — медресе «Мир-Араб» в Бухаре, которое не могло принять на учебу всех желающих. Обращения муфтиев об открытии других медресе или краткосрочных курсов по подготовке священнослужителей были отклонены. Прием в медресе Бухары был ограничен как администрацией учебного заведения, так и постоянными препятствиями со стороны властей.

Первым из казанских шакирдов медресе «Мир-Араб» был Ф.Саттаров, который учился с 1955 по 1964 гг. Однако, в связи с вмешательством властей, он не мог остаться в Казани, хотя прихожане надеялись возложить на него обязанности имама мечети Марджани. Впоследствии Ф.Саттаров стал заместителем муфтия Хиялетдинова.

В 1966 г., когда раком легких заболел И.Рахматуллин, вновь встал вопрос о выборе имам-хатиба. Тогда же удалось «пробить» обучение двоих шакирдов мечети — Талгата Тазеева (Т.Таджутдин) и Габдельхака Саматова. Тем не менее учеба для них была сопряжена с большими трудностями и проходила в тяжелых моральных и материальных условиях. Уполномоченный СРК по ТАССР запретил посылать им материальную помощь от мечети, урезая и без того скудное жалование учеников. Кроме того, по окончании первого года обучения по неизвестной причине вышел приказ об отчислении их из медресе. Обжаловав такое решение во множестве инстанций, шакирдам удалось все же восстановиться.

Тем не менее желавшие получить духовное образование по-прежнему сталкивались со значительными трудностями. Прием в медресе был временно ограничен на 1969/70, а затем и на последующие учебные годы. 9 июля 1970 г. уполномоченный СДРК по УзбССР сообщил в Казань, что «набор учащихся в 1-й класс медресе «Мир-Араб» ДУМ САК в 1970/71 учебном году производиться не будет, поэтому считали бы целесообразным рекомендовать руководству ДУМЕСа с предоставлением документов на подобранных им кандидатур воздержаться».

Однако верующие молодые люди, несмотря на явные препятствия со стороны властей, продолжали подавать заявления в Духовное управление с надеждой на получение религиозного образования. Потенциальным шакирдам приходилось твердо отстаивать свою правоту и убеждения перед официальными органами. Типичным является, например, запись беседы уполномоченного СДРК по ТАССР с Габдулхамитом Рауфовичем Зиннатуллиным,

будущим имамом Зеленодольской мечети, подавшим в 1974 г. на имя муфтия заявление о желании поступить в медресе Бухары. Из этого документа видно, что двадцатилетний юноша, работающий слесарем на заводе «Радиоприбор», по своим религиозным убеждениям отказался вступить в комсомол и твердо решил посвятить себя духовному служению. На этом решении, очевидно, сказалось воспитание молодого человека, родители которого, по сведениям уполномоченного, «читают намазы дома, посещают в воскресенье мечеть» и не препятствуют его выбору. Одна из сестер Г.Зиннатуллина к тому же вышла замуж за шакирда Т.Тазеева. Уполномоченный, собравший сведения о человеке, выбравшем для себя такую судьбу, сетовал, что тот учит арабский язык самостоятельно. В мае 1973 г.

Муфтий Талгат Таджуртдин

Муфтий Госман Исхаков

Т.Тазеев был лично у муфтия, который пообещал ему содействие. О своем желании на работе никого не известил. Можно представить, сколько профилактических бесед пришлось провести с мусульманином, который, вопреки государственной идеологии, пытался строить свою жизнь по законам веры.

В конце 1970-х гг. прием в медресе был несколько расширен. По данным на 1979 г., в Бухаре обучались четыре шакирда из Казани: Госман Исхаков (1-й курс), Камиль Бикчентаев (1-й курс), Юнус Набиуллин (2-й курс), Габдулхамит Зиннатуллин (6-й курс). ДУМЕС выплачивало им по 30 рублей, а медресе — по 40 рублей стипендии, причем из этих денег около 25 рублей уходило на налоги и питание. Оставшаяся сумма ни в коей мере не могла удовлетворить жизненные потребности шакирдов. Поэтому мечеть Марджани, заботясь о материальном положении своих учеников, ежегодно вносила в фонд ДУМЕС 2400 рублей помимо основных 29 тысяч, чтобы довести помощь шакирдам до 80–90 рублей.

Необходимо особо подчеркнуть, что усилия общины не пропали даром. Практически все казанские шакирды, получив достойное образование, стали впоследствии видными религиозными деятелями российского масштаба. Так, например, Т.Тазеев, являвшийся имам-хатибом мечети Марджани, в 1980 г. стал муфтием ДУМЕС, одним из влиятельнейших мусульманских лидеров государства. Другой казанский шакирд — Госман-хазрат Исхаков, также начинавший свою проповедническую деятельность в стенах главной мечети города, был избран муфтием ДУМ РТ на объединительном съезде мусульман РТ в феврале 1998 г. Камиль-хазрат Бикчентаев исполняет непростые обязанности казия и имам-хатиба Султановской мечети Казани. Г.Зиннатуллин является имам-хатибом Зеленодольской мечети.

Среди блестящей плеяды богословов и проповедников, окончивших в свое время Бухарское медресе, особым уважением у мусульман пользуется Габдулхак-кази Саматов. Он родился в 1930 г. в многодетной крестьянской семье, где главными принципами были труд, честность, справедливость, вера. Его отец не пожелал вступать в колхоз, за что подвергался различным нападениям. С началом войны, когда старшие братья ушли на фронт, Габдулхак остался единственной опорой для своей матери. В это же время, по примеру отца, не желавшего быть членом официальных политических организаций — пионерии, комсомола, Г.Саматов начинает обучаться основам ислама, посещать намазы, читать религиозную литературу.

После службы в армии Г.Саматов переезжает в Казань, где работает водителем и одновременно продолжает образование под руководством Г.Садыкова. В 1954 г. он начал посещать пятничные намазы в мечети Марджани. Еще через три года впервые прочитал Коран на икенде-намазе. Кстати, тогда в

махалле насчитывалось 6 коран-хафизов, знавших священную книгу наизусть. Кроме того, в мечети в те годы собирались спасшиеся от репрессий и вернувшиеся из лагерей бывшие муллы соседних городских мечетей и сельских приходов, имевшие, как правило, прекрасное дореволюционное богословское образование. Иными словами, Г.Саматову посчастливилось общаться с настоящими корифеями, знатоками Корана и шариата. Старейшины общины, видя старания молодого человека, радовались тому, что ислам, несмотря на все «старания властей», становится великим достоянием, смыслом жизни лучших представителей молодого поколения.

В конце концов Г.Саматов едет в Бухару в знаменитое медресе «Мир-Араб», по окончании которого с 1986 г. служит имамом в Альметьевске, в 1986–1988 гг. — в Оренбурге, а в 1988–1991 гг. — в Чистополе. В 1991 г. авторитетный мулла и педагог, открывший солидное медресе, был избран казиме Духовного управления и назначен главным мухтасибом Татарстана. Еще в молодые годы Габдулхак-хазрат интересовался проблемами национальной истории и культуры. В последние годы, желая передать накопленные знания, поделиться наболевшим, кази написал и опубликовал ряд книг, посвященных прошлому ислама в Татарстане, жизни и творчеству выдающихся сынов татарского народа: Г.Тукая, Г.Исхаки, Р.Ибрагимова, Г.Баруди.

Государственно-исламские отношения в СССР всегда носили отпечаток двойственности. По мнению известных историков-религиоведов, ислам в нашей стране был разделен на внутренний и внешний. Если первый был объектом преследования и целенаправленного уничтожения, то внешний «использовался» лишь во внешнеполитическом контексте. Выставляя себя покровителем исламских государств, руководство страны показывает их лидерам лояльность к религии. При этом в качестве витрины свободы совести в СССР демонстративно преподносятся единичные мечети.

Мечеть Марджани стала обязательным объектом посещения зарубежных делегаций. В 1960 г. в Казани побывали генеральный секретарь партии «Нахдатул Улама» Сайфуддин Зухри и один из ее лидеров, министр по делам религии Фаттах Ясини (Индонезия), а также была приглашена делегация мусульманских духовных деятелей Ирака, гостей ДУМ Средней Азии. В сентябре 1969 г. столицу республики посетила мусульманская делегация республики Верхняя Вольта (ныне — Буркина-Фасо) во главе с муфтием. В октябре 1970 г. в Казань прибыли участники международной конференции «За единство и сотрудничество в борьбе за мир» (г.Ташкент). Среди них отметим президента Комитета содействия и сотрудничества в борьбе за мир азиатских буддистов Самогина Камбожава (Монголия), декана шариатского факультета Кабульского университета Гулама Мухаммада Ниази (Афганистан), сотрудника Верховного шариатского суда Мухаммада Бешира (Мавритания), Генерального секретаря ассоциации мусульман Лимпасан (Филиппины), председателя мусульманской ассоциации Якуб-Али (Гайана), президента женской мусульманской ассоциации Бейтал Ниса-Али (Гайана), имам-хатиба мечети г. Лагос (Нигерия) Али Улю Кади.

В августе 1974 г. в Казани побывала делегация мусульманских деятелей зарубежных стран — участников конференции в г. Самарканде, посвященной 1200-летию со дня рождения Исмаила Бухари. Среди гостей присутствовали муфтий Ливана Хасан-Халед-шейх, доктор Ливанского универси-

тета, зам. председателя Верховного исламского шариатского совета Субхи Салех-шейх, министр по делам религии в правительстве Ирака Нафи Касем, а также гости из Туниса, Марокко, Ливии и др. В июне 1977 г. город посетили 15 участников Московской всемирной конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами»: депутат парламента Индии и вице-президент организации «Коран и Сира» Мухаммад Юнус Салим, заместитель имама соборной мечети г. Дели шейх Сайид Ахмед Бухари, представители Марокко, Сингапура, Японии, Того, Египта. В 1980 г. в Казани побывали делегаты Ташкентской конференции «XV век хиджры должен стать веком мира и дружбы между народами» и т.д.

Новые веяния в стране, обусловленные провозглашением руководства страны «перестройки» в середине 80-х гг. XX в., предполагали огромные перемены в духовной жизни советских граждан. Приход молодых исламских духовных лидеров, установка правительства на сотрудничество с конфессиями — все это способствовало повышению уровня религиозности населения. Началась регистрация религиозных обществ, повсюду стали открываться новые храмы и духовные заведения.

Троповедь в мечети Марджани. Конец 80-х гг. XX в.

Верующие, служители культа, исполнительный орган мечети Марджани в эти годы приложили массу усилий, чтобы возродить исламские традиции Казани. Мечеть отпускались огромные средства на постройку новых храмов, оказывалась помощь при ходатайстве о возвращении старых религиозных зданий.

Однако новая система общественных отношений, рыночные преобразования в стране поставили перед общиной ряд насущных проблем, решение которых требовало выверенного, системного подхода, основанного на строгом расчете и опоре на исторические традиции. Обеспечение материального благосостояния мечети, повышение образовательного уровня священнослужителей, становление приходского мусульманского образования, участие в мероприятиях по сохранению и реконструкции старинных кварталов татарской части Казани свидетельствуют о повышении социальной активности прихожан, появлении у них четкой и хорошо продуманной программы действий.

Новый этап в истории мечети Марджани, основные страницы ее современной биографии неразрывно связаны с проповеднической и организаторской деятельностью главного имам-хатиба и мухтасиба Мансура-хазрата Джалалетдина.

Он родился в 1960 г. в Казани. Детство будущего священнослужителя прошло в городском поселке Савинка. Огромную роль в религиозном воспитании Мансура сыграла его бабушка, которая обучила внука основам веры, познакомила с первыми сурами Священного Корана. В дальнейшем любознательный юноша сам стал обращаться с вопросами к местным хазратам, читать духовную литературу.

Он принял твердое решение посвятить свою жизнь служению Аллаху во время службы в рядах Советской Армии. Непредсказуемые, порой критические ситуации, высокая цена жизни и великая сила нравственности, характерные для воинских будней, только утвердили религиозные убеждения солдата. Вот почему, демобилизовавшись, М.Джалалетдин пришел работать в единственный тогда в Казани мусульманский храм — мечеть Марджани.

Труд на благо общины приносил большую радость, вселял в сердце юноши особый, благовеинный трепет. Но в душе молодого мусульманина жила надежда и на серьезное богословское образование, необходимое для духовного наставника большой городской махалли. Мечты М.Джалалетдина начали сбываться в 1986 г., когда он оказался в Бухарском медресе — крупнейшем и самом авторитетном мусульманском религиозном учебном заведении Советского Союза. Затем, уже в 1992 г., хазрат окончил религиозный факультет Стамбульского университета и прошел курсы повышения квалификации в Египте.

Вернувшись на родину в самый разгар демократических перемен, в период становления государственного суверенитета Республики Татарстан, он сразу же включился в активную религиозную и общественную деятельность, быстро завоевав среди правоверных уважение и авторитет. Не случайно, что на I съезде мусульман Татарстана в августе 1992 г., проходившем в Набережных Челнах, Мансур-хазрат был избран заместителем муфтия РТ. И, наконец, в декабре 1995 г. его избрали имам-хатибом мечети Марджани и мухтасибом г.Казани.

Сегодня благодаря усилиям молодого, энергичного священнослужителя в приходе восстанавливается историческая преемственность между разными поколениями казанских мусульман. «Мечеть «аль-Марджани», — размышляет Мансур-хазрат, — не только центральная мечеть нашего города или республики. Это без преувеличения одна из уважаемых мечетей для татар-мусульман всей России. Про нее знают далеко и за пределами нашей страны. Когда я учился в Турции, передачи радио «Азатлык» о Казани не обходились без упоминания мечети. Так уж сложилось исторически, что мечеть «аль-Марджани», являясь культовым учреждением первой городской махаллы, сегодня так же, как и столетия назад, остается главным духовным центром для многих тысяч мусульман. В России равняются на эту мечеть. Сейчас только в Казани 50 мечетей, но люди из разных, даже самых дальних районов продолжают приезжать сюда. Залы храма, «намоленные» за прошедшие 230 лет, хранят неповторимую духовную ауру, особо воздействующую на чуткие души верующих.

Интересно, что у ряда казанских приходов на сегодняшний день сложилась определенная специализация. Например, мечеть «Нурулла» — «молодежная», «Бурнаевская» — «иностранная», «Апанаевская» — «женская». Мечеть «Марджани» же «старческая». Сюда ходят в основном пожилые люди, чьи отцы и деды тоже молились в этой мечети. Для многих она ближе не территориально, а духовно. Когда они заполняют мечеть, создается особая атмосфера, от которой веет стариной, вспоминаются наши деды с аккуратными бородками, наши бабушки в белых платках. В нашем медресе мы стараемся принимать на учебу людей от 40 лет и старше. В сельских приходах много стариков-самоучек, исполняющих обязанности имама. А в нашем медресе преподают подготовленные имамы, как, например, казый республики Габдулхак-хазрат Саматов. Шакирды обучаются у нас в двух группах по 15–20 человек».

Такое бережное отношение к вековым традициям, благодарная память и забота о старшем поколении, стремление передать молодежи накопленные знания, нравственную силу и чистоту веры предопределили активную общественную позицию М.Джалилетдина и его единомышленников, взявших, при поддержке муфтия ДУМ РТ Гусман-хазрата Исхакова, за осуществление масштабного социального проекта — создание в рамках прихода особого мусульманского городского комплекса.

Дело в том, что с самого начала своего возникновения мечеть Марджани являлась духовным центром одной из наиболее крупных мусульманских общин (махаллей) Казани. Ее границы охватывали центральные кварталы Старотатарской слободы, включая улицу Левая Набережная Кабана (ныне — ул.Марджани), Захарьевскую улицу (ныне — ул.К.Насыри) до здания семинарии (ныне — ул.Марджани, 24), часть Евангелистовской (ныне — ул.Татарстан) и Екатерининской улиц (ныне — ул.Г.Тукая), а также Первую (ныне — ул.З.Султана) и Вторую Поперечные (ныне — ул.Ф.Карима) улицы. В 1916 г. здесь проживало 970 человек, 58 домовладельцев, занимавшихся в основном торговлей.

Сегодня прихожане мечети Марджани, мухтасибат г.Казани во главе с Мансуром-хазратом Джалилетдином поставили перед собой благородную, но в то же время очень трудную задачу — реконструировать, возродить при поддержке государства интереснейшие памятники истории и культуры та-

Здание мечети Марджани. Современный вид

Мансур-хазрат Джалалетдин

зи республики Габдулхак-хазрат Саматов, муэдзин мечети, заместитель имам-хатиба по религиозным делам Мунир-ага Валитов.

Татарстан вошел в новое тысячелетие с большими созидательными планами и надеждами. Несмотря на трудности переходного периода, напряженный ход социально-экономических преобразований, наше государство огромное внимание уделяет сохранению и приумножению духовного и материального наследия народов Татарстана. В последние годы благодаря совместным усилиям органов власти, представителей академической и вузовской науки, общественности удалось определить возраст нашей столицы, внести ряд объектов в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, начать широкомасштабную работу по изучению и реконструкции памятников истории и архитектуры. В этом общем благородном деле велико участие и мусульманских общин, пытающихся в меру своих возможностей сделать свою родную землю еще более прекрасной, счастливой и радостной.

Президент Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев, приветствуя патристический порыв верующих мусульман, прямо говорит о том, что *«сегодня трудно переоценить значимость возрождения культурных сооружений, потому что оно связано с возрождением нашей духовности. Ведь минареты, устремленные в небесную высь, не только олицетворяют величие Ислама и силу нашей веры, но и восхваляют труд людей, которые их построили...Отрадно сознавать, что верующие мусульмане являются активными проводниками в жизнь не только национально-религиозных идей, но и государственных программ преобразования татарстанского общества»*⁵⁰.

⁵⁰ Мечети Татарстана. — Казань, 2000. — С. 9–10.

Думается, что такая высокая оценка относится и к казанским мусульманам, чья деятельность целиком и полностью посвящена процветанию Отечества, возрождению лучших национальных традиций, высокой нравственности и морали.

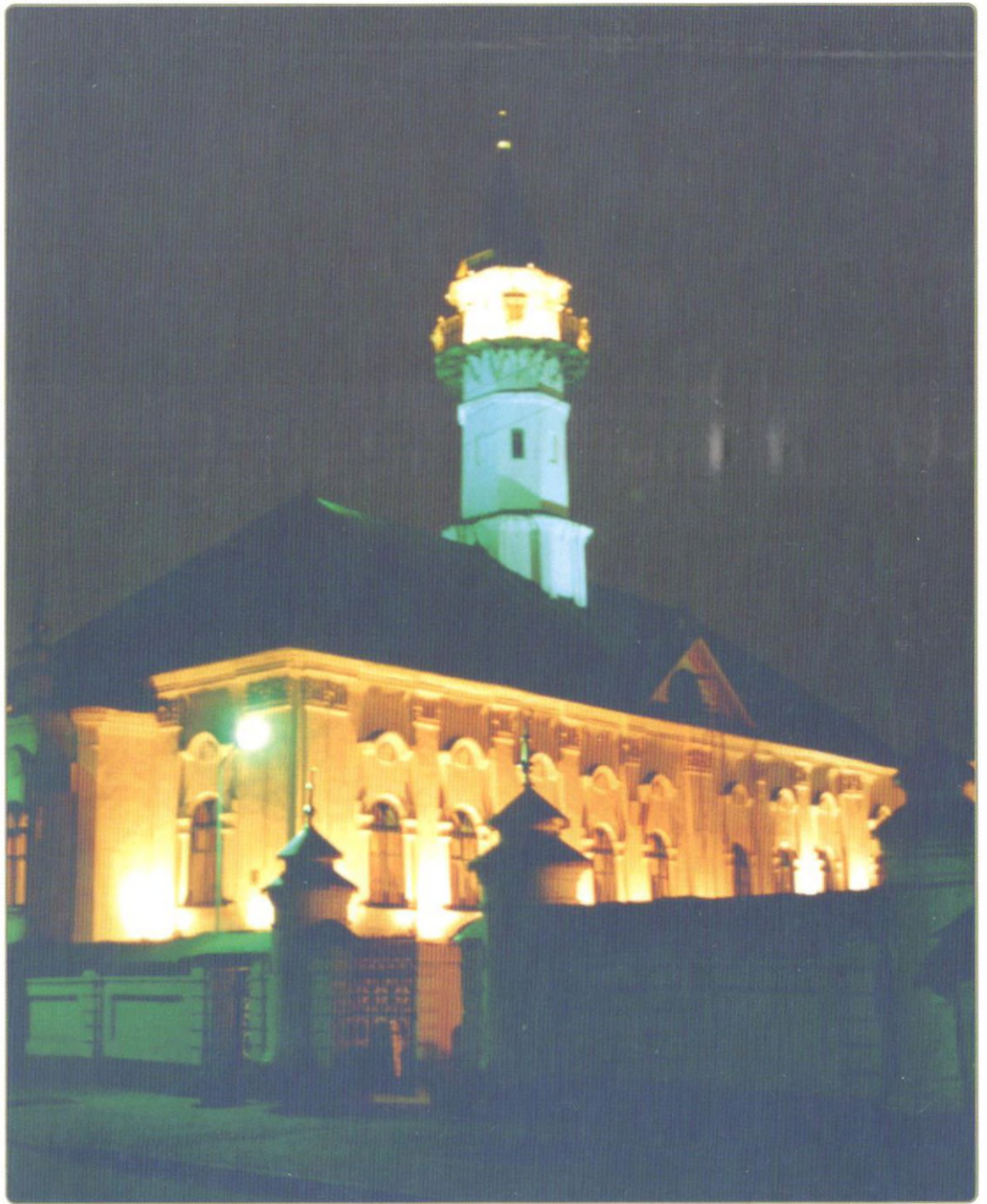
В 2002 г. в памятном календаре всего исламского сообщества России значилась большая юбилейная дата, знаменовавшая собой очень важную и содержательную страницу в тысячелетней истории города Казани. Исполнилось 235 лет с начала строительства мечети Марджани, которая является первым, после падения Казанского ханства, каменным мусульманским храмом, построенным на средства казанских мусульман в 1767–1771 гг. по личному разрешению императрицы Екатерины II.

Она представляет собой уникальный памятник XVIII в., сочетающий в себе традиции татарской средневековой архитектуры и стилевые формы провинциального барокко.

Мечеть Марджани играла и играет важную духовную, общественную и градообразующую роль в формировании и развитии одной из самых древних махаллей Казани, территория которой охватывает центральные кварталы заповедного района Старотатарской слободы.

Реставрация мечети Марджани. 2001–2004 гг.

Мечеть Марджани. Вечерний азан

Этот храм безусловно можно считать выдающимся памятником истории и культуры татарского народа. Именно в его стенах в 1850–1889 гг. читал проповеди знаменитый религиозный деятель, ученый и просветитель Ш.Марджани. Впоследствии его дело продолжили видные представители национальной духовной элиты: С.Абдуллин, Т.Ильяс, К.Салихи, К.Кадыров, И.Муштари, Х.Латыпов, Г.Яруллин, А.Сайфуллин и др. С историей мечети тесно связана благотворительная деятельность татарского предпринимательства, в первую очередь купцов Юнусовых, Галикеевых, Казаковых, Гизетуллиных, Валишиных, пожертвовавших на ее нужды значительные средства. В махалле мечети Марджани более двух столетий функционировало одно из самых знаменитых и крупных медресе, в котором в разные годы учились и преподавали богословы и религиозные деятели: И.Хузаяш, К.Тарзимани, Г.Гумери; деятели искусства: С.Сайдашев, А.Сагиди, С.Айдаров; общественно-политический деятель Х.Ямашев и др.

Мечеть Марджани не прекращала свою духовно-нравственную деятельность даже в годы воинствующего атеизма. Сегодня она является не только символом эпохи веротерпимости, провозглашенной еще в XVIII в. великой императрицей Екатериной II, но и своеобразной «визитной карточкой» г.Казани, олицетворяющей собой национальное своеобразие столицы Татарстана.

§ 2. Заботы байского прихода

Апанаевская мечеть («Пещерная», «Вторая соборная», «Байская» — ул. К.Насыри, 27). История Второй соборной мечети Казани связана с приездом в город в 1767 г. императрицы Екатерины II, которая милостиво разрешила мусульманам возводить каменные культовые здания в Старотатарской слободе. Так по воле «Бабушки-царицы» на высоком берегу озера Кабан практически одновременно появились два больших мусульманских храма. Их построили, по всей видимости, в центре уже существовавших махаллей. Об этом свидетельствует план Татарской слободы после пожара 3 мая 1743 г., составленный инженер-поручиком Н.Зверевым. На нем зафиксированы две мечети, находящиеся приблизительно в тех же местах, где сейчас возвышаются культовые здания общин «Марджани» и «Апанаевская».

Вторая соборная мечеть была возведена в 1768–1770 гг. на средства купца Якуба Султангалеева (ум. в 1788). Ш.Марджани приводит интересные сведения о том, что прежде все обряды проводились прямо на суконном заводе этого предпринимателя. Для этого на чаны ставились доски, на которых правоверные читали намаз. Такие богослужения приводили порой к курьезным случаям. Однажды например во время молитвы доски разошлись, и мулла упал в котел.

Безусловно, богатые и почтенные мусульманские промышленники не могли мириться с унижающей их ситуацией и поэтому сделали все, чтобы получить разрешение императрицы и приступить к строительству мечети. Главным вдохновителем и финансистом этого большого дела стал Якуб Султангалеев — один из крупнейших предпринимателей XVIII в., первый городс-

кой глава Татарской ратуши Казани. Известно, что он не только пожертвовал огромную сумму денег на строительство, но и сам лично вместе с женой работал на стройплощадке. До своей кончины купец опекал новую мечеть, и благодаря его усилиям она превратилась в подлинное архитектурное украшение города. Вероятно, из-за особенностей холмистого рельефа и близости обрывистого берега мечеть сразу же получила название «Тау тишеге» («Пещерная»). К сожалению, у Якуба Султангалеева не было детей, и к концу XVIII в. его род прекратил свое существование. С этого времени в приходе начинает доминировать многочисленная и богатая купеческая династия Апа-наевых, фактически превратившая мечеть Якуб-бая в свой семейный храм. Наиболее крупными представителями этой династии в данный период являлись братья Муса Исмагилович Апаанаев (1766–1826) и Юсуф Исмагилович Апаанаев (1770 — после 1821).

Старший из них — казанский 1-й гильдии купец, владелец кожевенного завода, продукция которого реализовывалась в Кяхте. В Казани ему принадлежала лавка в Гостином дворе и другое недвижимое имущество. Купец занимал выборные должности в городских органах управления. В 1788 г. был судьей словесного суда, а в 1809 г. — заседателем уголовной палаты.

Ю.И.Апаанаев — один из крупнейших промышленников Казани, владевший мыловаренным, козловым, двумя кожевенными заводами, а также собственной типографией, где печаталась духовная литература. Как и его брат М.Апаанаев, Юсуф-бай активно действовал на общественном поприще, являясь гласным шестигласной городской думы, заседателем гражданского и уголовного суда. Эти предприниматели и их многочисленные потомки на протяжении целого столетия проживали рядом со Второй соборной мечетью, жертвовали на ее нужды большие суммы денег, поэтому приход получил еще одно название — «Байский». Кроме того, в махалле находились дома других крупных представителей мусульманского капитала: Юнусовых, Азметьевых, Усмановых и других, находившихся в тесных родственных и деловых отношениях с Апаанаевыми. Поэтому для небольшой общины не составляло особого труда финансировать масштабные ремонтно-строительные работы, позволявшие поддерживать древнюю мечеть в прекрасном состоянии, приспособив ее здание для все увеличивающегося количества шакирдов прославленного приходского медресе. Так первоначально здание было в пять окон по фасаду. В 1872 г. прихожане, собрав 5000 рублей, сделали к нему с северной стороны двухэтажный в три оконных оси кирпичный пристрой с лестницей по проекту архитектора П.И.Романова. Через десять лет, в 1882 г., коммерции советник Исхак Губайдуллович Юнусов возвел вокруг мечети кирпичную ограду и построил в ней одноэтажную лавку (ныне — ул. К.Насыри, 25), которую в 1887 г. купец Мухаммадюсуп Мухаметович Апаанаев расширил и надстроил второй кирпичный этаж.

Первым имамом второй каменной мечети стал «ясачный татарин» Муртаза Абдулгазизов (Муртаза бин Абдулгазиз бин Бикмухамет) — уроженец дер.Каратай Бугульминской округи Новой Московской дороги Уфимского наместничества, исполнявший обязанности проповедника в общине с 1763 г. Здесь он служил муллой более тридцати лет, в 1793 г. подавал прошение на отпуск. Его сменил Салих Сагитов (Салих бин Сагид бин Хасан аль-Кили, ум. в 1825), уроженец дер.Килеево (ныне — Балтасинский район РТ), учив-

Здание Анапаевской мечети. Фото конца XIX – начала XX в.

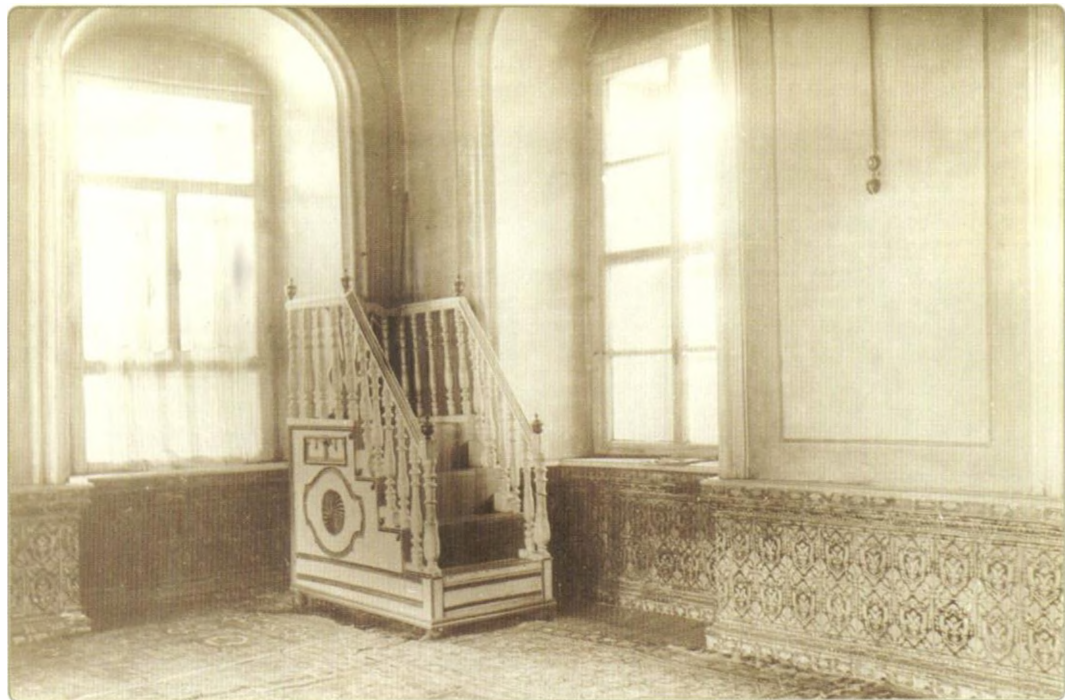

Ананьевская мечеть. Вид с северо-восточной стороны. Фото начала XX в.

шийся в Аравии и Бухаре. Он учредил во втором приходе медресе и прославился как высокообразованный мударрис. Вероятно, после Салиха бин Сагита имам-хатибом общины стал сын первого муллы мечети Фахрутдин бин Муртаза бин Абдулгагиз бин Бикмухамет (ум. в 1932). Затем духовным наставником махалли мусульмане избрали Исхака Сагитова (Исхака бин Сагита бин Юртбаша бин Кулмухамеда бин Ишмухамеда аль-Лази), известного педагога и богослова, окончившего одно из бухарских медресе. Он ро-

дился в дер.Кинер (ныне — Арский район РТ), однако предки его происходили из дер.Лаз неподалеку от Параньги (ныне — Республика Марий Эл). До поездки в Бухару Исхак бин Сагит учился в дер.Ашит у деда Ш.Марджани Абденнасира бин Сейфульмулюка и в дер.Ураншбаш в медресе Габида бин Габдельгазиза. В 1817–1832 гг. этот богослов служил муллой в г.Чистополе. В Казани за шесть лет он получил широкую известность своими лекциями в медресе второго прихода, которое в этот период переживало свой расцвет. После смерти муллы в 1838 г. обязанности имам-хатиба были возложены на выходца из дер.Дусаево (ныне — Мамадышский район РТ) Мухаметкарима Мухаметрахимова (Мухаметкарим бин Мухаметрахим бин Аит ат-Таканеши), учившегося в медресе дер.Маскара и в Бухаре. Он прослужил здесь до 1861 г. Затем на эту должность выбрали сына И.Сагитова — Салахутдина — (указ №794 от 6 февраля 1862 г.). Салахутдин бин Исхак стал одним из наиболее знаменитых мударрисов своего времени. Он родился в Чистополе в 1819 г. В 1842 г. отправился за знаниями в Бухару и, вернувшись оттуда через 16 лет, трудоустроился в одной из казанских мечетей. В 1861 г. его пригласил в свою махаллю богатый купец М.-С.К.Бурнаев. Для будущего имама он построил большой деревянный дом и назначил хорошее содержание. Однако в самый последний момент Салахутдин бин Исхак воспользовался более выгодным предложением купцов Х.М.Апанаева и М.А.Азметьева и перешел на должность имам-хатиба Второй соборной мечети, где

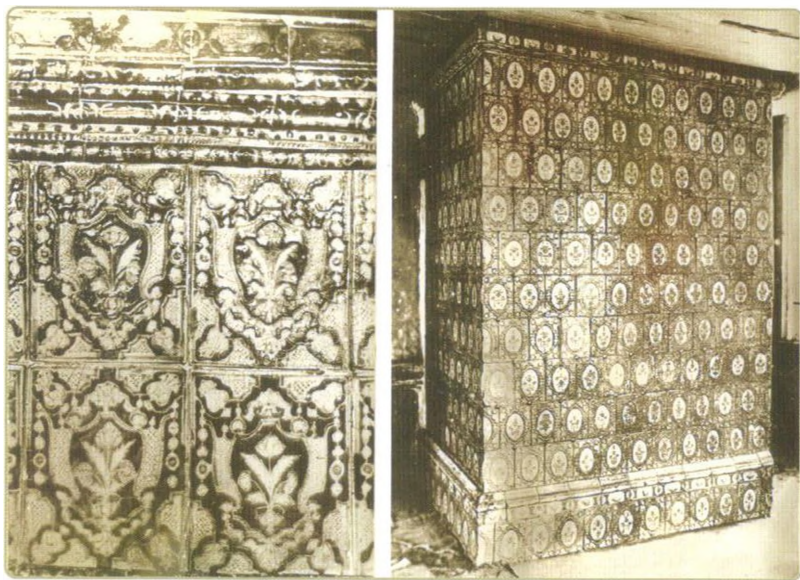
Интерьер Апанаевской мечети. Фото начала начала XX в.

когда-то служил его отец, что стало предметом довольно скандального разбирательства с Бурнаевым. Тем не менее с 1862 г. Салахутдин бин Исхак приступил к исполнению обязанностей проповедника байского прихода и быстро стал известен как талантливый преподаватель. Одним из самых лучших его учеников был будущий реформатор муфтий Галимзян Баруди. Хазрат умер 29 мая 1875 г., а 19 октября 1876 г. главой общины избрали Тазетдина Баширова (1813–1879) — указ № 8074 от 14 декабря 1860 г. До этого он был муллой в дер. Большой Менгер (ныне — Атнинский район РТ). С 1880 г. имам-хатибом Апанаевской мечети был уроженец и бывший мулла дер. Чирши Казанского уезда (ныне — Высокогорский район РТ) Абдулгаллям Салихов (1832–1899) — указ № 2105 от 19 марта 1880 г. Затем его преемником стал его сын — Мухамедкасим Салихов (1871–1954) — указ № 157 от 22 января 1899 г., сделавший многое для утверждения в приходе новометодного образования. В годы Первой мировой войны вторым имамом мечети прихожане избрали младшего сына Абдулгалляма-хазрата — Абдрахмана (р.25.07.1884) — указ № 989 от 29 апреля 1916 г.

Одним из первых известных нам муэдзинов мечети был казанский мецанин Абдулбашир Абдулзялилов, утвержденный на этой должности Казанским губернским правлением 3 февраля 1832 г. С 1856 г. ее занимал Мустафа Муртазич Исанбаев (Мустафа бин Муртаза бин Максуд бин Исанбай аль-Камкави) — указ № 4387 от 18 мая 1856 г. Вероятно, после кончины М.М.Исанбаева, 5 августа 1889 г. новым муэдзином махалли стал его сын Ибрагим (р.7.08.1862). И, наконец, последним представителем этой династии можно назвать Мухаметзарифа Миннигалимовича Исанбаева, утвержденного муэдзином мечети 12 апреля 1922 г.

Безусловно, история Апанаевской махалли неразрывно связана с прошлым самого крупного и популярного конфессионального учебного заведения

*Изразцы в интерьере
Апанаевской мечети*

Здание медресе «Касимия». Современный вид

Казани — Приозерного медресе (другие названия «Апанаевское», «Каримия», «Галлямия», «Касимия»). О большом количестве его учащихся в конце XVIII в. можно судить по тому, что специально для них в 1799 г. купец С.Мустафин на месте нынешней Бурнаевской выстроил отдельную деревянную мечеть (ул.Ахтямова, 7).

Традиции этого медресе как первостатейного конфессионального училища с ортодоксальным, но добротным религиозным образованием складывались на протяжении десятилетий. По характеристике Дж. Валиди, оно занимало «самое первое место среди казанских дореформенных медресе», где «служили самые выдающиеся муэдарины (преподаватели)». Ш.Марджани, обращая внимание на некоторые моменты в истории его становления, отмечал два фактора: наличие в махалле богатых купеческих фамилий, не жалевших денег на содержание училища, и традиционную ученость мулл, как правило, тщательнейшим образом избиравшихся жителями прихода на должность имама мечети и, соответственно, преподавателя медресе.

Конечно, в середине XIX в., до возникновения джадидистского движения и появления такого реформатора, как Г. Баруди с его «Мухаммадией», не могло быть и речи о каком-то особом методе обучения в этом учебном заведении. Однако для молодого человека той эпохи, мечтавшего стать священнослужителем, знатоком шариата, лучшего училища, чем Апанаевское, най-

ти было трудно. Его преподаватели — высокообразованные богословы бухарской школы, имевшие в своих домах прекрасные библиотеки, ежегодно собирали вокруг себя сотни шакирдов из разных уголков Российской империи.

Ш.Марджани особо указывал на педагогическую деятельность трех имамов, охватывающую период с 1832 по 1875 гг. Это — отец и сын Исхак и Салахутдин Сагитовы, а также Мухаметкарим Мухаметрахимов. При этом ученый резко критиковал их методы работы с учащимися как непродуманные и малоэффективные. Например, рассуждая о М.Мухаметрахимове, он писал: *«У него было множество шакирдов. Но даже если на его уроках и была возможность выбрать верное направление, все равно были видны крупные недостатки в поиске истины, в методе подробного исследования, во всестороннем и глубоком изучении наук»*. В таком же духе отзывался он и о Салахутдине Исхакове (Сагитове), у которого, кстати, учился в свое время Г.Баруди.

Однако именно дамелла Салахутдин, наверное, самый авторитетный в то время в Казани священнослужитель, выступил бесстрашным и принципиальным противником государственной политики в области национального образования, преследовавшей русификаторские цели. Рискуя своим общественным положением и даже свободой, почтенный хазрат наотрез отказывался вводить в своем медресе обучение русскому языку, как того требовало журнальное постановление Министерства народного просвещения от 2 февраля 1870 г. Целенаправленные действия чиновников министерства по подчинению учебного процесса в этом самом консервативном мусульманском училище города привели к открытому бунту шакирдов, вызвавшему большой общественный резонанс.

Уже первая попытка инспектора татаро-башкирских училищ В.В.Радлова в 1873 г. в отсутствие С.Исхакова привести в медресе учителя русского языка Вафу Мусина, вызвала резкий протест у старших шакирдов, которые потребовали у него необходимые документы и сослались на ранее данное обещание прислать им в преподаватели известного просветителя Каюма Насыри. Дело закончилось большим конфузом для В.В.Радлова, прекрасно понимавшего, что за отговорками взбунтовавшихся учеников скрывался хорошо организованный саботаж. На следующий день после происшествия, 5 января 1873 г., он написал донесение попечителю Казанского учебного округа П.Д.Шестакову, в котором с большим возмущением отмечал, что *«...старшие шакирды не подчиняются занявшему место муллы азанчею Мустафе Исанбаеву. Когда 4 сего января назначенный мною учитель русского языка Вахры Муссин (Вафа Мусин. — Авт.) вместе с азанчею Мустафой явился в школу, то старшие ученики окружили его и, осыпая бранными словами, выгнали из училища. Вследствие этого учитель Муссин заболел от испуга и отказался принять на себя обязанности учителя при медресе»*⁵¹. Далее В.В.Радлов указывал на значительный вред такого фанатизма при открытии русских классов и просил принять самые жесткие меры в отношении данного учебного заведения. Он считал, что следует незамедлительно закрыть медресе, шакирдов отправить домой и начать расследование подстрека-

⁵¹ НА РТ. — Ф.92. — Оп.1. — Д.11513. — Л.2.

тельской деятельности старших учеников. Апанаевское училище спасло лишь вмешательство губернатора Скарятина, имевшего личные неприязненные отношения с В.В.Радловым. Он в течение недели организовал собственное расследование и уже 13 января сообщал попечителю Казанского учебного округа, что «...подобного, как объясняют все шакирды, азанчи Исанбаев и сам Вахры Муссин, — ничего не было и что с Муссиным объяснялись только двое старших шакирдов Хасан Тангатаров и Нургалева, прочие же шакирды стояли вокруг их и слушали их объяснения ...Кроме сего, шакирды Апанаевского училища заявили Г.Полицмейстеру, что они будут с удовольствием учиться русскому языку, потому что они в этом сознают совершеннейшую для них пользу и просят ходатайствовать о назначении к ним учителя русского языка Каюма Насырова. Сообщая о сем Вашему Превосходительству, имею честь уведомить, что вследствие вышеперечисленных всех обстоятельств я не нашел полезным закрывать Апанаевское татарское училище, так как заявление Радлова не подтвердилось»⁵². В конце письма Скарятин как бы мимоходом отмечал, что сам инспектор В.В.Радлова вот уже более года не был в проблемном медресе.

Таким образом, первый натиск властей обошелся школе С.Исхакова лишь исключением двух шакирдов — казия Хасана Тангатарова и Абдракипа Нургалева, не допустивших В.Мусина к занятиям. Кстати, К.Насыри, либо по причине плохих отношений с В.В.Радловым, либо из-за давления со стороны махалли, добровольно отказался от должности учителя и на нее 30 января 1873 г. был назначен мещанин Ахметсафа Ханзярович Хамзин. Справедливости ради отметим, что оптимизм губернатора по поводу допущения шакирдов к обучению русскому языку также оказался несостоятельным. Мударрис С.Исхаков, вернувшийся из отлучки, в начале октября 1873 г. официально уведомил инспектора татарских, башкирских и киргизских школ об отказе преподавать русский язык в его медресе, так как это противоречит воле вакуфных жертвователей и является делом, «противным Шариату и грехом, за который он, мулла, боится наказания Всевышнего Бога»⁵³.

Заявление имама буквально шокировало начальника Казанского учебного округа, который, отмечая «дерзкое и откровенное противодействие священной воле Государя Императора», высказался за высылку «первого открыто высказавшегося против распоряжений правительства муллу Салахутдина Исхакова» в одну из губерний, где не было мусульманского населения, так как пребывание авторитетного, фанатичного и по-своему бесстрашного священнослужителя среди единоверцев признавалось вредным и опасным⁵⁴.

С.Исхакову все же удалось избежать сурового наказания. Он, вероятно, пошел на некоторые формальные уступки и заручился твердой поддержкой богатых и влиятельных прихожан мечети. Однако положение дел в махалле теперь находилось под пристальным вниманием чиновников Министерства народного просвещения. В 1875 г., когда умер имам, прихожане решили избрать на его место Ахметшу, родного брата имама, проживавшего в Буха-

⁵² НА РГ. — Ф.92. — Оп.1. — Д.11513. — Л.5об.

⁵³ Там же. — Л.25.

⁵⁴ Там же. — Л.24.

ре. Такое решение всерьез встревожило попечителя Казанского учебного округа Шестакова, который в специальной записке, адресованной Министерству внутренних дел, сообщал: *«Этот выбор должен повлиять крайне вредно на положение школы. Прежний мулла, который давно жил в Казани, известен был своим фанатизмом и немало препятствовал введению русских классов. Брат его, который живет в Бухаре, и даже во время войны России и Бухары оставался там, по всей вероятности, еще вреднее будет оказывать влияние на множество шакирдов, учащихся в школе, и вообще на местное магометанское общество»*. Казанское губернское правление немедленно отреагировало на это послание. И, как результат, в октябре 1876 г. на место имам-хатиба Апанаевской мечети и соответственно преподавателя в медресе был в спешке выбран престарелый мулла из дер.Б.Менгер (ныне — Атинский район РТ) Тазетдин Баширов (Тазетдин бин Башир бин Надир аль-Суыксуви, 1813–1879), а когда через три года он скончался, инициативой уже полностью владели правительственные органы. В 1876 г. власти сумели добиться открытия при Апанаевском медресе класса по изучению русского языка. После смерти Баширова, не без их «подсказки», муллой прихода стал Абдулгаллям Салихов — человек осторожный и умеренный во взглядах.

Несмотря на все сложности и перипетии, Апанаевское медресе оставалось одним из самых престижных мусульманских учебных заведений внутренней России. Только в одном 1875 г. оно насчитывало больше 300 учащихся. Этому способствовала и щедрость татарских купцов-благотворителей, выделявших громадные суммы на его содержание. Среди них следует отметить купца 2-й гильдии Ахмедзяна Фазлулловича Рахматуллина (1832–1910), который являлся одним из главных инициаторов строительства существующего двухэтажного здания медресе. Оно было возведено в 1877 г. по проекту архитектора П.И.Романова (ныне — ул.Марджани, 28). Здесь были светлые просторные классы, неплохое общежитие для шакирдов, весь необходимый комплекс хозяйственных построек — столовая, прачечная и т.д. Отметим, что в 1880 г. тот же Рахматуллин оказал большую помощь Ш.Марджани, приняв участие в восстановлении пострадавшего от пожара медресе «Марджания».

Как это ни парадоксально, но вмешательство царской бюрократии в дела медресе сыграло и положительную роль. Теперь это учебное заведение все меньше ориентировалось на бухарских ортодоксов и становилось более восприимчивым к новым веяниям, происходившим в конце XIX — начале XX вв. в духовной жизни поволжских татар. М.-К.Салихов — последний мулла Второй соборной мечети, именем которого в начале XX в. называлось Апанаевское медресе, находился под сильным влиянием Г.Баруди, ставшего после смерти Марджани признанным лидером мусульманской общины Казани.

В самом медресе произошли глубокие внутренние изменения. В общественном сознании оно больше не ассоциировалось с оплотом отсталости и косности. Здесь появились новые педагоги, выросшие из числа шакирдов, расширился круг преподаваемых предметов. Причем светские науки сильно потеснили сферу узкорелигиозных дисциплин. Арабский язык в училище преподавал Ахмедхади Максуди, в будущем известный педагог-методист, журналист, издатель популярнейшей у татар газеты «Йолдыз» (Звез-

Крыльцо Апанаевской мечети. Фото начала XX в.

молитва, истории веры) и светскими (арифметика, чистописание, диктовка, чтение, география, татарская этимология, изложение) дисциплинами примерно поровну⁵⁵. Впрочем, последние во многом основывались на религиозном материале и являлись прикладными к религиозно-нравственным предметам. Всего по данным на 1913 г. в начальном отделении обучалось 77 шакирдов. Их обучали три мугаллима (учителя) из числа выпускников и учащихся старших классов медресе.

«Санавия» или второе отделение, в свою очередь, состояла из двух ступеней: «рушдии» и «игдадии» по четыре класса в каждой. По своей направленности и содержанию учебных программ «рушдия» фактически являлась логическим продолжением «ибтидаии» и вместе с ней формировала курс среднего мусульманского образования. Здесь из 78 часов учебного времени чуть больше половины приходилось на светские и прикладные к религиозно-нравственным дисциплинам предметы. Общее количество учащихся сос-

да). В 1909 г., впервые за историю медресе, молодой учитель Заки Валиди (1890–1970) стал давать уроки по тюркской истории и арабской литературе, положив тем самым начало своей карьере ученого-тюрколога с мировым именем. Нам он известен как выдающийся деятель татаро-башкирского национального движения. В русском классе медресе обучал детей арифметике и русскому языку драматург Гафур Кулахметов (1881–1918).

Обновленное Апанаевское медресе состояло из двух отделений: «ибтидаии» и «санавии» с общим двенадцатилетним учебным курсом. «Ибтидаия» (начальное отделение) имела подготовительный и три основных класса, в которых преподавались чтение на арабском и татарском языках, письмо, вероучение, Коран, история Ислама, четыре первых действия арифметики и т.д. В целом, если посмотреть на статистику, то 72 учебных часа четырех классов «ибтидаии» или мектеба распределялись между религиозно-нравственными (Коран, закон Божий, вероучение,

⁵⁵ НА РТ. — Ф.1. — Оп.4. — Д.5482. — Л.230об.-231.

М. Бишев

лей за предоставление места в общежитии. Причем из 206 шакирдов медресе общежитием пользовались 120 человек.

Характерным является донесение полицмейстера Казани губернатору от 29 января 1915 г., где говорилось, что «...обучение в Апанаевском медресе при 2-й соборной мечети ведется новометодное, т.е. звуковое, а направление преподавания исходит главным образом от муллы Галимзяна Галеева (Баруди), имеющего общее руководство почти над всеми новометодными медресе в Казани...» Ему вторил и директор народных училищ, считавший, что Апанаевское училище «вместе с Галеевским медресе принадлежат к числу передовых татарских учебных заведений...».

В Апанаевском медресе в разные годы учились выдающийся татарский писатель Г.Г.Исхаки (1878–1954), известный ученый-богослов М.Я.Бигиев (1873–1949), депутат II и III Государственных дум

тавляло 86 человек. Преподавали у них 6 мугаллимов.

4 класса «игдадии» — это своеобразные специализированные ступени для юношей, желавших получить высшее богословское образование и в дальнейшем служить имамами в махаллях. Светские предметы (алгебра, геометрия, всеобщая история) составляли всего лишь 19 из 82 часов программы «игдадии», причем в последнем классе не преподавались совсем. Шакирды под руководством самого М.Салихова и четырех его помощников изучали хадисы, толкование Корана, логику, арабский язык, мусульманское право, историю ислама. Всего в последней ступени Апанаевского медресе училось 43 шакирда⁵⁶.

Апанаевская община не жалела денег на содержание своего знаменитого училища и учащихся. Медресе ежегодно получало 2200 рублей с собственного вакуфного имущества. Еще 1000 рублей жертвовали прихожане и часть средств поступала от шакирдов: от 2 до 5 рублей в качестве платы за учебу и от 3 до 5 руб-

Г. Исхаки

⁵⁶ НА РТ. — Ф.1. — Оп.4. — Д.5482. — Л.225об.-228.

С.Н.Максуди (1875–1945), а также писатели З.Бигиев, Г.Камал, М.Гали, А.Шамов, народный певец К.Мутыги и многие другие представители национальной интеллигенции.

Апанаевская мечеть относилась к самой богатой махалле города. Поэтому содержание храма и его священнослужителей считалось одним из лучших в городе. Кроме того, оно поддерживалось доходами от лавки в ограде мечети (400 рублей в год), арендной платой за использование ее кладовых (372 рубля в год), процентами с капитала, завещанного купцами Усмановым и А-В. А-К.Апанаевым (102 рубля в год) и другими источниками.

Приход мечети составляли улицы: Левая набережная Кабана (ул.Марджани), Захарьевская (ул.К.Насыри), Поперечно-Третья

С. Максуди

(ул.Сафьян) и Поперечно-Екатерининская (ул.Ахтямова), Апанаевский переулок (пер.Кунче). В нем в 1916 г. насчитывалось 300 мусульман, 400 мусульманок, 38 домовладельцев.

Апанаевская мечеть была закрыта постановлением Президиума ТатЦИКа от 6 февраля 1930 г. Впоследствии ее перестроили, разрушив минарет и увеличив здание на один этаж. Отрадно, что в наши дни одна из древнейших мечетей Казани вновь принадлежит верующим. Здесь ведутся реставрационные работы и есть надежда, что возрожденный архитектурный облик уникального памятника вновь украсит собой тихие улочки Старотатарской слободы.

Реставрация Апанаевской мечети. 2000–2004 гг.

Апачевская мечеть. Советское время

§ 3. Бесценный подарок капиталиста Бурнаева

Бурнаевская мечеть («Третья соборная» — ул. Ахтямова, 7). Весной 1872 г. потомственный почетный гражданин Мухаммадсадык Курбангалеевич Бурнаев обратился в Казанскую городскую думу с просьбой о покупке пустопорожней городской земли в квартале между Большой Мещанской и Екатерининской улиц с целью строительства на ней каменной соборной мечети. Власти города после недолгого раздумья пошли навстречу прошению уважаемого и заслуженного мусульманина, продав ему за 137 рублей «пустырь» на окраине Старотатарской слободы, надеясь, что богатый предприниматель обустроит и приведет в надлежащий вид этот сильно пострадавший в пожаре квартал Казани. Так началась история одного из самых красивых мусульманских храмов города, яркого архитектурного символа столицы Татарстана с его неповторимым восточным изяществом, романтикой древнего национального зодчества.

Конечно, купленный Бурнаевым участок земли на углу современных улиц Нариманова и Ахтямова в середине XIX в. «пустопорожним» можно было назвать с большой долей условности. В это время здесь происходил бурный рост населения, шло массовое строительство жилых домов, хозяева которых активно занимались коммерческой и промышленной деятельностью. Все

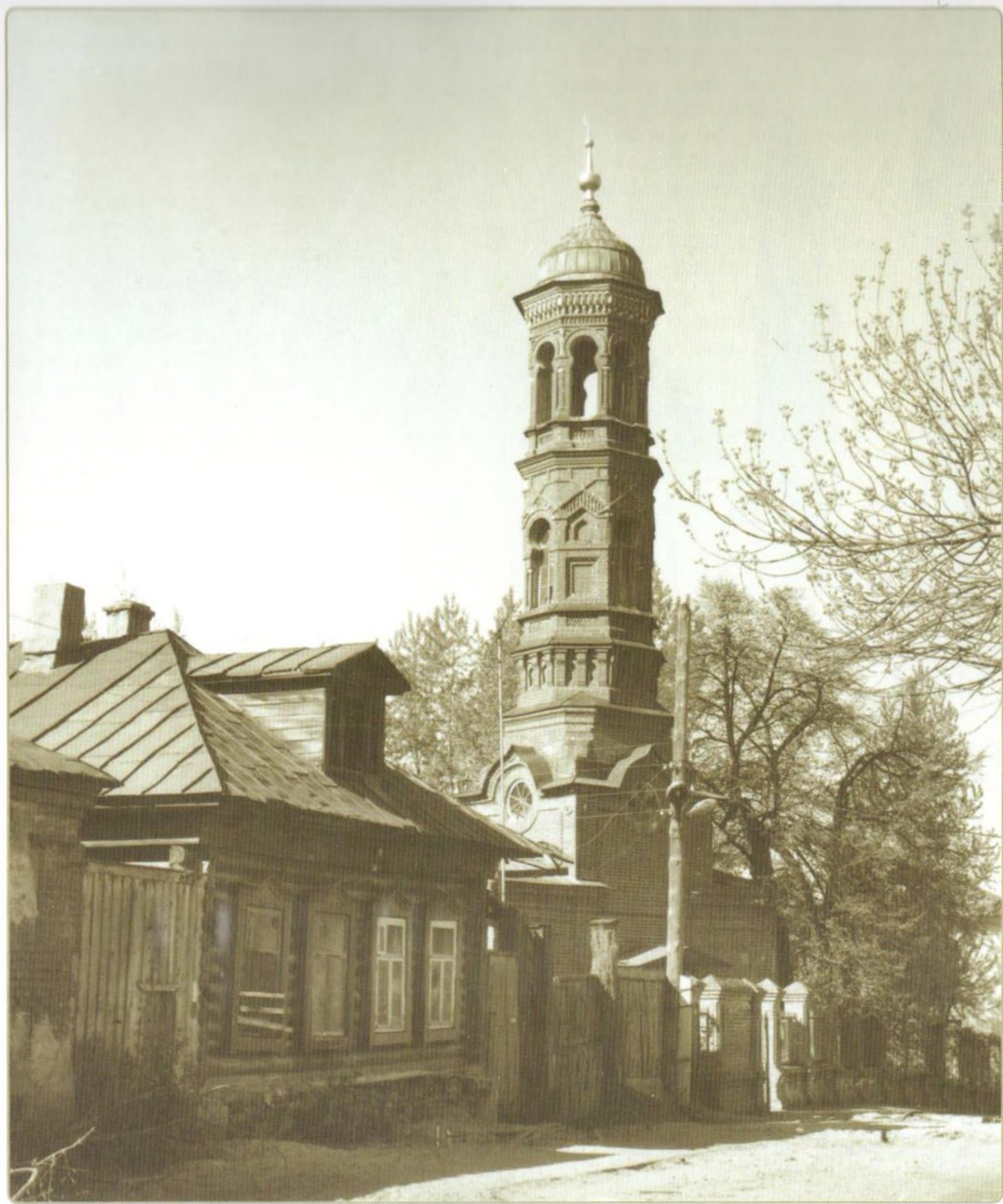
Здание Бурнаевской мечети. Фото второй половины XIX в.

они входили в самостоятельную мусульманскую общину, третью по времени возникновения, после махаллей «Марджани» и «Апанаевская». Еще с конца XVIII столетия окрестности района оглашались звуками азана с минарета деревянной мечети, построенной в 1799 г. купцом С.Мустафиным специально для шакирдов Апанаевского медресе. В 1831 г. после смерти благотворителя она перешла в собственность правоверных, проживавших на Екатерининской, Поперечно-Екатерининской и Б.Мещанской улицах. Эту дату можно считать началом официального существования третьего городского мусульманского прихода, полноправным членом которого и являлся М.Бурнаев, имевший здесь большой особняк и мыловаренный завод.

Мухаммадсадык бин Курбангали бин Муртаза бин Исмагил бин Юсуф бин Иснай бин Исанкол бин Бурнагол (20.1.1826–4.05.1898) родился в семье казанского купца 3-й гильдии, чьи предки являлись выходцами из дер.Нижняя Береска (ныне — Атнинский район РТ) и представляли древний и знатный татарский род. Известно, например, что один из дальних предков Мухаммадсадык-бая, крупный торговец и землевладелец Ибрагим Юсупович Бурнаев еще в 1769 г. построил в своем ауле одну из первых в Казанском крае каменных мечетей. Он же в 1774 г. подарил только что возведенной Первой соборной мечети Казани древний рукописный Коран, который впоследствии бережно хранил и тщательно изучал Ш.Марджани.

В семье с такими традициями дети с ранних лет приучались к неустанному труду и воспитывались в строго мусульманском духе. Помогая отцу, Мухаммадсадык приобрел значительный профессиональный опыт и с 1857 г. возглавил семейное дело по оптовой торговле сырьем, пушниной, продукцией своего мыловаренного завода в Казани на Нижегородской, Мензелинской и Ирбитской ярмарках. Во второй половине XIX в. он выбился в число самых богатых предпринимателей Казани. Согласно сведениям современников, купец обладал *«весьма значительным наличным капиталом, владел двумя домами с флигелями и лавками в Казани на Екатерининской улице, летней дачей, 500 десятинами земли в Мензелинском уезде Уфимской губернии»*. Общая стоимость недвижимости М.Бурнаева достигала 150 тысяч рублей. Несмотря на большое состояние и высокое общественное положение, предприниматель был известен своим довольно мягким характером, отзывчивостью, простотой и скромностью. Огромное внимание он уделял общественной деятельности, живо и энергично откликаясь на нужды горожан вне зависимости от их национальной и религиозной принадлежности. Купец охотно работал в органах местного самоуправления, различных сословных организациях. Пользуясь огромным доверием избирателей, татарский предприниматель оказывался на очень важных и ответственных должностях председателя Казанской уголовной палаты (1857–1860), почетного мирового судьи (1869), гласного городской думы (1871–1898). За заслуги перед государством он был награжден бронзовой медалью «В память войны 1853–1856 гг.», золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте (1861), золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте (1863). Безупречной была и деловая репутация предпринимателя. Не случайно, что он являлся членом Учетно-ссудного комитета Казанского отделения Государственного банка по торгово-промышленным кредитам (1866–1898). За эту многолетнюю работу по представлению министра финансов купец был награжден золотой медалью

Бирнаувская мечеть. Советское время

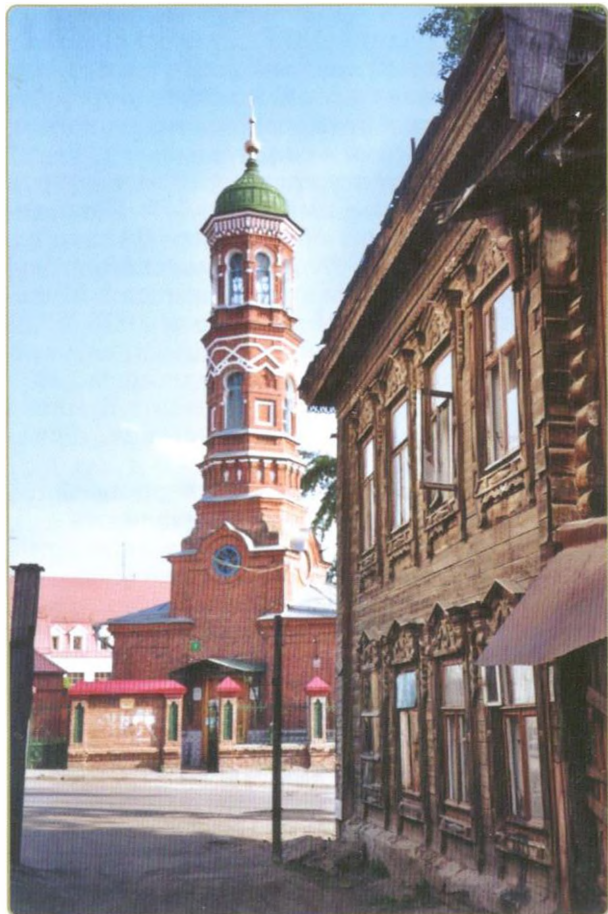

Бурнаевская мечеть. Худ. Т. Пашагина

«За усердие» на Александровской ленте (1874), золотой медалью «За усердие» на Андреевской ленте (1879), орденом Святой Анны 2-й степени.

С середины XIX в. М.Бурнаев, приобретя богатство и влияние, становится единственным лидером и щедрым покровителем третьего мусульманского прихода, который постепенно получил название «Бурнаевский». По традиции татарского предпринимательства, попечитель старался привлечь в свою фамильную мечеть самых ярких духовных деятелей и богословов. Вообще в третьей махалле, долгое время являвшейся частью Апанаевского прихода, издавна служили известные мусульманские ученые и педагоги. Одним из первых ее имамов был М.Мусин (Мустафа бин Муса бин Иманкул бин Иманай бин Кулгуг бин Узбек бин Илькай аль-Казани. 1769–1836), перешедший впоследствии в Первую соборную мечеть. После него главой уже самостоятельного Бурнаевского прихода являлся Шамсутдин бин Забир бин Джагфар (1779–1854), известный мусульманам как Коран хафиз, т.е. человек, знающий наизусть Священную книгу.

После этого уважаемого имама в махалле наступил своеобразный кризис. С этого времени М.Бурнаеву «не везло» со священнослужителями. Так, занимавший с 1860 г. должность имам-хатиба Шигабутдин бин Фахрутдин бин Муртаза бин Габдулгагиз (ум. в 1871) — высокообразованный муэдзин с крайне непредсказуемым характером, из-за разногласий с прихожанами и не всегда достойного поведения был уволен из Бурнаевской мечети. Его подвела возмутительная для мусульманина тяга к горячительным напиткам. М.Бурнаев, возмущенный его проступком, долго не решался выбрать нового муэдзина, но затем, поддавшись уговорам знаменитого ученого и педагога С.Исхакова, все-таки пригласил его к себе в приход. Однако, как уже говорилось, будущий руководитель Апанаевского медресе, получивший от купца прекрасный жилой дом с хорошим денежным содержанием, через несколько месяцев неожиданно бросил махаллю, перейдя в более престижный приход Второй соборной мечети. По этому поводу М.Бурнаев 6 марта

Здание Бурнаевской мечети. Современный вид

Бурнаевская махалля оставалась без собственного имама. Поэтому все духовные обряды вынужден был исполнять муэдзин, выходец из дер.Ишимово Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне — Камско-Устьинский район РТ) Мухаметгали Бикчурин (ум. 27.05.1878) — указ № 2724 от 23 марта 1856 г. По утверждению современников, он отличался мягкостью и открытостью характера, искусным чтением Корана.

Неблагоприятное стечение обстоятельств завершилось опустошительным пожаром 1869 г., уничтожившим большинство строений в этой части города, в том числе и деревянную мечеть. М.Бурнаев практически сразу же восстановил небольшой молельный дом. Однако, решив все же подарить своему приходу большое и красивое здание мечети, он позаботился покупкой до-

1862 г. писал следующее: «1. Казанский мещанин Салахутдин Исхаков в прошлом 1861 году бывши у меня на дому неоднократно просил меня, чтобы я убедил своих прихожан, принадлежащих к деревянной мечети, принять его в оную муллою вместо отстраненного Шигабутдина Фахрутдинова... прихожане дали ему Исхакову свое согласие. Я же Бурнаев принял на себя обязанность помочь ему Исхакову денежными средствами на расходы; 2. По возвращении Исхакова в июле месяце из Уфы, сделался он официальным нашим муллою и начал очень усердно отправлять богослужения. Видя его усердие... я вознамерился выстроить ему новый дом деревянный... на что я употребил собственный капитал 2700 рублей; 3. Сего года в январе мулла Исхаков без всяких причин перешел в приход 2 каменной мечети, вместо указного муллы Мухаметкарима Мухаметрахимова, оставив дом этот без надзора»⁵⁷. Так, 7 июля 1862 г. Салахутдин-хазрат официально перевелся в Апанаевский приход. С этого времени, в течение 16 лет, Бур-

⁵⁷ ЦГИА РБ. — Ф.И-295. — Оп.4. — Д.4276. — Л.4-8.

полнительного участка земли, поиском хорошего архитектора и профессиональных строителей. Все работы заняли два года и в 1872 г. в содружестве с известным казанским зодчим П.И.Романовым купец завершил возведение одноэтажного кирпичного здания. Правда, знаменитый минарет Бурнаевской мечети, хорошо знакомый каждому казанцу, появился значительно позже, в 1895 г., незадолго до кончины Мухаммадсадык-бая.

Впрочем, в новом храме поначалу тоже не все шло гладко. После смерти муэдзина-муллы Мухаметгали мусульмане избрали имам-хатибом Камалетдина Сайфутдинова (13.09.1840–25.03.1879) — указ № 5795 от 13 сентября 1860 г., уроженца дер.Енганаево Ставропольского уезда Самарской губернии. Одновременно с ним новым муэдзином мечети стал Хасанзян Мухамедгалиевич Бикчурин (р.22.02.1842) — указ № 4304 от 5 июля 1878 г.

Однако Камалетдин-хазрат, прослужив всего год, умер. Вновь Мухаммадсадык-бай занялся поиском подходящей кандидатуры на должность муллы. Им стал, получив указ № 4117 от 11 июня 1880 г., мещанин г.Буинска Шакир Абдулзаббарович Кулеев (р.12.06.1850), родившийся в семье буинского купца А.А.Кулеева.

Благодаря деятельности нового имама Бурнаевская махалля стала одной из самых авторитетных и уважаемых в городе. Хазрат строго следил за соблюдением норм шариата в кварталах прихода, а его уроки в мектебе привлекали шакирдов из разных уголков Казанской губернии. Он добросовестно исполнял обязанности имам-хатиба вплоть до революции 1917 г. Впрочем, и сама махалля за 100 лет своего существования превратилась из окраинной в одну из основных общин старинного центра Старотатарской слободы. Здесь проживали видные предприниматели, общественные и духовные деятели: Г.Апанаев, А.Максуди, М.Абдрахимов, А.Юнусов, М.Мусин и многие другие. Многие дела для фамильного прихода и сын строителя мечети Ибрагим Бурнаев, который активно занимался коммерцией и производством. На паях с Бадретдином Апанаевым он организовал мыловаренное производство, продукция которого пользовалась большой популярностью среди населения. Кроме того, купец вел совместную меховую торговлю со своими родственниками М.Сайдашевым и Б.Субаевым. Как и отец, Ибрагим являлся активным гласным городской думы, членом различных сословных организаций. Правда, к концу XIX в. коммерческая и общественная активность семьи Бурнаевых постепенно пошла на убыль. В приходе появились новые лидеры, взявшие на себя заботу о мечети. Так, в 1899 г. казанский 2-й гильдии купец Абдрахим Залюшев пожертвовал храму в качестве вакуфного имущества большой каменный дом с лавкой, доход с которого обеспечивал содержание здания, финансовую поддержку духовенства и мектеба.

Приход Бурнаева объединял часть Екатерининской, Поперечно-Екатерининскую, Б.Мещанскую улицы. В нем в начале XX в. насчитывалось 400 душ мужского пола при 45 домовладельцах. В 1913 г. мектеб махалли получил официальное утверждение директора народных училищ. В это время учебное заведение размещалось в 5 комнатах при мечети, а его программа включала преподавание русского и татарского языков, вероучения, арифметики, сира. Среди учебников активно использовались разработки джадидистских авторов, книги Г.Тукая. Повседневное наблюдение за учебным процессом осуществлял местный муэдзин А.Х.Бикчурин (р.14.05.1881), окончивший

курс медресе при четвертой соборной мечети города и сменивший своего отца 9 февраля 1905 г. Должность учителя в мектебе занимал крестьянин дер.Азимово Тетюшского уезда (ныне Камско-Устьинский район РТ) А.Ягафаров, получивший образование там же, где и муэдзин Бикчурин. Общее руководство профессиональной школой прихода оставалось за имамом Ш.А.Кулеевым. Вместе они обучали 55 шакирдов.

Бурнаевская мечеть достаточно благополучно пережила революцию и первые годы Советской власти. Имамом в этот период здесь служил Мухамедфарук Кулеев, отличавшийся прекрасными знаниями и высокими нравственными качествами. Это был блестящий представитель молодого поколения мусульманского духовенства, который, несмотря на преследования эпохи воинствующего атеизма, остался верен прихожанам, до последнего выполняя свой долг духовного наставника и проповедника. Интересно то, что в тридцатые годы XX в. даже существовали планы сделать Бурнаевскую мечеть главным и единственным мусульманским храмом города, упразднив махаллю «Марджани». Эта идея долго обсуждалась, но по каким-то причинам так и не была воплощена в жизнь. Поэтому закрытие храма состоялось относительно поздно, в 1939 г., когда практически все городские мечети перестали существовать как религиозные учреждения.

Сегодня Бурнаевский приход переживает период своего возрождения, оставляя нам надежду не только на сохранение духовных ценностей, но и на спасение всего архитектурного комплекса Старотатарской слободы.

§ 4. Мечеть цвета неба в «общине рабов»

Мечеть «Голубая» («Четвертая соборная» — ул. Нариманова, 98). Возникновение прихода относится к последней четверти XVIII в. (по некоторым данным, приход возник в 1778 г.), когда, по свидетельству Ш.Марджани, на участке, где ранее находилось гумно, была построена деревянная мечеть, к тому времени четвертая в городе. Вероятно, в этом окраинном районе Старотатарской слободы жило самое бедное и бесправное мусульманское население. Недаром среди старожиллов Казани община была известна как «махалля рабов». Кстати, данный статус прихода, объединявшего преимущественно небогатых городских жителей, сохранился за ней вплоть до начала XX в.

В 1815–1819 гг. старую деревянную мечеть перевезли в дер.Суыксу, а на ее месте казанским купцом Ахметом Исхаковичем Аитовым-Замановым (ум. в 1832) было выстроено существующее ныне кирпичное здание. Этот купец и благотворитель приходился внуком богатому предпринимателю второй половины XVIII в., мурзе Аиту Бикиевичу Заманову — Аиту бин Бики «ибн аз-Заман ат-Таматук» (1731–1797), занимавшемуся мыловаренным производством и кожевенной торговлей. А.И.Аитов-Заманов, с успехом продолживший старинное семейное дело по производству мыла на собственном заводе в Плетенях, достиг высокого общественного положения и неоднократно поощрялся государственными наградами. Сам он проживал в махалле Первой соборной мечети, однако, искренне заботясь о духовных нуждах еди-

Здание «Голубой» мечети. Фото конца XIX – начала XX в.

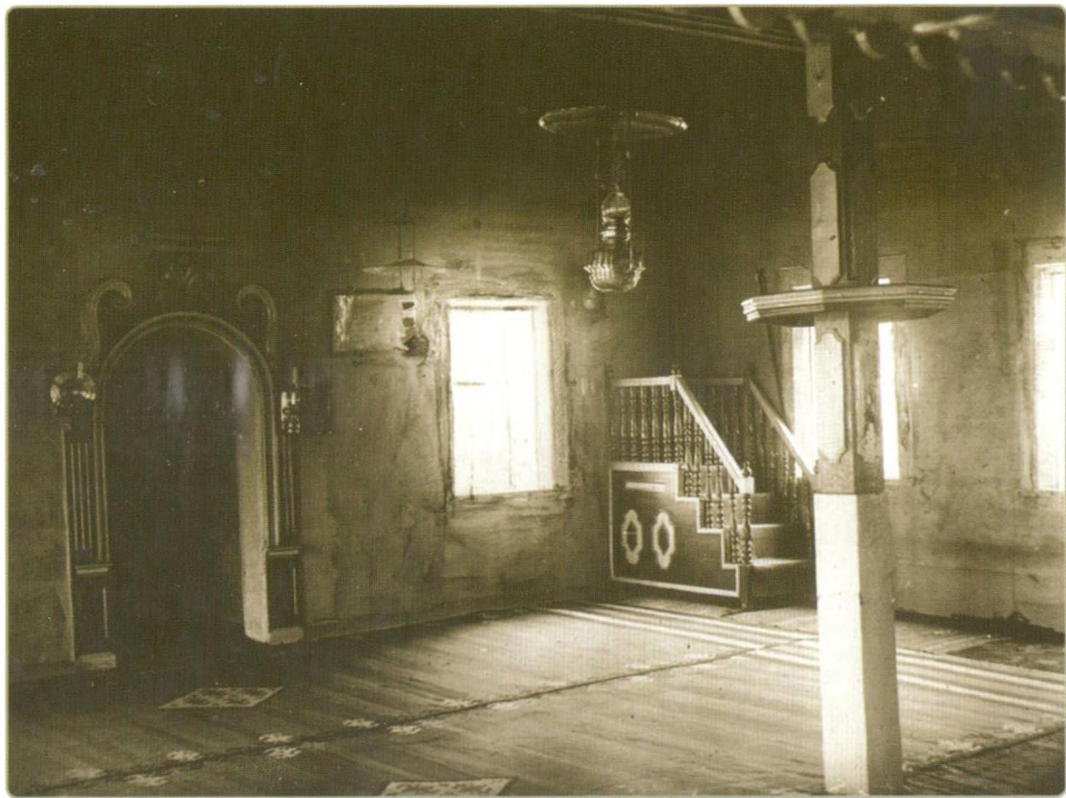
новерцев, активно заселявших «общину рабов», не жалел больших средств для возведения большой, просторной мечети. Вероятно, уже при жизни мецената мечеть из-за характерной окраски фасадов получила название «Голубая», которое сохранилось за ней до сего дня.

Вся история этой махаллы неразрывно связана с двумя династиями мусульманских священнослужителей. Одним из первых ее проповедников являлся Абденнасир Рахманкулов (ум. в 1835). Родился он в дер. Бикеево Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне — Камско-Устьинский район РТ), учился в медресе дер. Каргалы под Оренбургом. В 1825 г. приехал в Казань, где стал исполнять обязанности имам-хатиба и мударриса при Четвертой мечети. Как утверждал Ш. Марджани, до его приезда в приходе медресе не было. Абденнасир-хазрат впервые учредил здесь конфессиональное училище, а местные купцы Юсуф и Курбангали Арсаевы построили для него отдельное здание. Таким образом, 1825 г. можно ориентировочно считать

годом возникновения старейшего казанского медресе, известного ныне как медресе «Халидия».

После смерти А.Рахманкулова в 1835 г. имамом мечети стал его брат Хабибулла Рахманкулов (1780–1850), которого сменил на этой должности Хаммад Халитов — уроженец дер.Янасала Тетюшского уезда (ныне — Камско-Устьинский район РТ). Священнослужитель окончил бухарское медресе и считался крупнейшим специалистом в области шариата. Его младший сын Фатих Халиди (1850–1923) — видный просветитель, один из первых татарских драматургов. Х.Халитов умер в 1864 г., и его место занял последний имам из династии Рахманкуловых — Гиясетдин Хабибуллович Рахманкулов. Гиясетдин-хазрат являлся одним из самых любимых учеников Ш.Марджани. Выдающийся ученый высоко отзывался как о способностях, так и о человеческих качествах своего шакирда. Г.Рахманкулов прослужил в «Голубой» мечети шесть лет. В 1870 г. он умер. С этого времени вплоть до Октябрьской революции 1917 г. должность имам-хатиба Четвертой мечети занимали потомки Х.Халитова. В 1870 г. на этой должности утверждён Мухаметзакир Хаммадович Халитов (ум. в 1893), с 1865 г. служивший здесь вторым муллой — указ № 6666 от 29 июля 1865 г. В 1894 г., после смерти

Интерьер «Голубой» мечети. Фото начала XX в.

Здание «Голубой» мечети до реставрации

Закир-муллы, духовным наставником махалли стал его сын Ибрагим Халитов (р11.10.1866). Оба являлись духовными деятелями «бухарской» школы и стремились давать добротное богословское образование. Вторым имамом мечети в 1898 г. был избран дядя И.Халитова — Мухамедсабир Хаммадович Халитов (18.01.1836—31.08.1911) — указ № 2364 от 16 сентября 1898 г.⁵⁸. Вторым имамом прихода после кончины М.Халитова мусульмане выбрали его сына Абдрахмана.

Муэдзинами общины долгое время служили представители династии Башировых. В 1846 г. эту должность занял крестьянин дер.Новые Челны Спасского уезда Казанской губернии Тухватулла Баширов — указ № 5161 от 8 июня 1846 г., в 1891 г. — его сын Габдулла (р.13.08.1859) — указ № 528 от 22 января 1891 г.

Махалля мечети была довольно многочисленной. В 1916 г. в ней насчитывалось 792 мусульманина, 814 мусульманок, 82 домовладельца. Во второй половине XIX — начале XX в. в некогда самой бедной общине Старотатарской слободы появляются крупные предприниматели и благотворители. Среди них следует выделить семью купцов 1-й гильдии Мустакимовых, происходивших из дер. Б.Берези Казанского уезда. Родоначальник династии Габ-

⁵⁸ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.4685. — Л.1-36.

дельманнан Биккенеевич Мустакимов (1808–1869), торговавший хлебобаккалейными товарами, долгие годы был попечителем Четвертой соборной мечети. В 1864 г. он, пожертвовав собственный земельный участок, расширил мечеть на три окна по фасаду и соорудил вокруг нее ограду по проекту архитектора П.И.Романова⁵⁹. В конце XIX в. заботы о храме взяла на себя семья Айтугановых, пожертвовавшая общине новое здание медресе. Однако вскоре Айтугановы разорились и все заботы о приходе легли на плечи купца 1-й гильдии, крупного землевладельца и промышленника Абдрахмана Ахметовича Ишмуратова (1857–1922), который в 1907 г. увеличил михрабную часть здания перестройкой, а также расширил кладовую мечети (ныне — ул. Нариманова, 100)⁶⁰.

Медресе прихода, основанное в 1825 г., имело несколько названий: Арсаевское, Айтугановское, Мустакимовское, «Халидия». Наиболее употребительным являлось последнее, происходящее от фамилии имама, руководившим этим медресе. Данное учебное заведение считалось одним из самых крупных в Казани. В начале XX в. в нем училось 155 шакирдов. С конца XIX в. по 1917 г. медресе располагалось в различных зданиях, в том числе в доме Мустакимова на углу Екатерининской и Второй Поперечной улиц (ныне —

⁵⁹ НА РТ. — Ф.408. — Оп.3. — Д.25. — Л.1-2.

⁶⁰ НА РТ. — Ф.2. — Оп.7. — Д.1607. — Л.171-178.

Ограда и ворота «Талубой» мечети до реставрации

Мечеть «Голубая». Современный вид

ул.Г.Тукая, 68/16), а также на Мало-Мещанской улице (ныне — ул. И.Гаспринского). Обучение велось по звуковому методу, но религиозным наукам обучали по-старинке, опираясь на «добрые» бухарские традиции. В это мусульманское училище по традиции стремились отдавать своих детей мусульмане Свияжского и Тетюшского уездов Казанской губернии.

В медресе «Халидия» в начале 90-х гг. XIX в. учился драматург Г.Г.Камал, в 1895–1904 гг. — ученый-историк Г.Губайдуллин, поэт Г.Сунгати.

Мечеть четвертого прихода была закрыта постановлением Секретариата ТатЦИКа от 10 марта 1932 г.

§ 5. Община реформаторов

Галеевская мечеть («Пятая соборная» — ул.Г.Тукая,40). История этого мусульманского прихода начинается в 1798 г., когда купец и промышленник из дер.Урнашбаш (ныне — Арский район РТ) Муса бин Муслим бин Мамяш ас-Сердави(?–1812) возвел в районе Сенного базара большой, пятый по счету в Старотатарской слободе, каменный храм⁶¹. Его прихожанами

⁶¹ Мәржәни Ш. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — Казан, 1989. — 375 б.

Пятая соборная мечеть в Казани. La Mosquée generale de Tatars a Kasan.

Пятая соборная мечеть. Гравюра первой половины XIX в. Худ. В. Шурин

стали торговцы-мусульмане, ранее относившиеся к первой Старокаменной мечети и активно заселявшие в данный период юго-восточную часть Забучья. Уже в первой половине XIX столетия пятая махалля оформилась в достаточно крепкую общину купцов и предпринимателей во главе с авторитетнейшей в городе семьей священнослужителей Сагитовых. Родоначальник династии Сагит бин Ахмед аш-Ширдани, прошедший курс религиозных наук в медресе дер.Казылино, Казаклар, в Сеитовском посаде (Каргалы) под Оренбургом и являвшийся крупным богословом, в 1810 г. стал имам-хатибом мечети Мусы-бая и учредил здесь приходское медресе. В 1814 г. вторым муллой в махалле был избран его сын — Габдесаттар Сагитов, признанный знаток шариата, являвшийся до этого приближенным эмира Бухары Мирхайдара. Примерно в это же время начал помогать отцу другой его сын — Габдельгафар.

После смерти Сагита-хазрата имам-хатибом Пятой мечети был утвержден Габдесаттар бин Сагит (Габдесаттар Сагитов), который после кончины И.Хузяша получил звание старшего ахуна Казани⁶². Он прославился своей принципиальностью и щепетильным, трепетным отношением к исполнению всех предписаний шариата. Именно Габдесаттар-ахун в 1827 г. осмелился

⁶² НА РТ. — Ф.2. — Оп.1. — Д.105. — Л.509.

выступить против императорского указа и соответствующей фетвы муфтия Г.Габдрахимова о захоронении умерших через три дня после смерти, указывая на их полное противоречие исламу, за что подвергся серьезному взысканию⁶³.

Все три имама умерли в 1831 г. Тогда же духовным наставником прихода стал младший сын Сагита бин Ахмеда — Ахмед Сагитов (1793–1867) — ученик Курсави, пользовавшийся огромным уважением у единоверцев. В 1852 г. обязанности старшего имама начал исполнять его племянник Абдуллазян бин Абдулгаффар. Последним муллой Пятой соборной мечети из династии Сагитовых являлся Мухаммадьюсуф Габдесаттарович Сагитов (1830–1909), избранный на должность второго священнослужителя 23 июня 1868 г. (указ № 7091) и возглавившего махаллю 25 января 1875 г.⁶⁴.

За более чем полувековую проповедническую деятельность представителей династии община получила большую известность далеко за пределами города своим медресе, где преподавание было поставлено по престижному тогда «бухарскому» образцу. К.Фукс, живший, кстати, по соседству с мусульманами пятого прихода, оставил краткое описание учебного процесса в казанской мусульманской конфессиональной школе первой половины XIX столетия, которое, на наш взгляд, может быть достаточным для общей характеристики обучения в сагитовском училище. *«Дети поступают в училище на 7-м или 8-м году своего возраста; курс их учения продолжается по меньшей мере пять лет. Те же, кои посвящают себя наукам, т.е. желают со временем сделаться священнослужителями или учителями, остаются в школе гораздо долее. Учение начинается азбукою, после которой читают книгу Гавтияк, содержащую в себе извлечения из Алкорана, отчасти сокращенно, отчасти же целыми сурами (так называются главы в Коране). Потом читают Татарские книги, печатанные здесь в Казани: Пиргули, Субатльгазизин, Фаузулназат, Стуани, в коих заключаются изъяснения на Коран в стихах или прозе, и наконец книгу Мухамед-эфенди,*

Имам-хатиб Талеевской мечети, ахун Мухаммадьюсуф Сагитов. Фото начала XX в.

⁶³ Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. — Уфа, 1999. — С.160.

⁶⁴ ЦГИА РБ. — Ф.И.295. — Оп.4. — Д.4272.

содержащую в себе наставления в торговле, а иногда грамматику (Наху) арабского языка. Кроме чтения и оснований магометанской религии, здесь учатся и арабскому языку столько, сколько то нужно для поверхностного разумения Алкорана; также Персидскому и Бухарскому. Языкам этим они учатся как для облегчения сношений по торговле... Но тут не учат языку татарскому по правилам Грамматики»⁶⁵.

Примерно такой набор знаний получали десятки шакирдов в стенах сагитовского приходского учебного заведения, находившегося в одноэтажном деревянном здании на улице Тихвинской. Кстати, среди его питомцев были также известные просветители и педагоги, как М.Махмудов и К.Насыри.

К началу 70-х гг. XIX в., после строительства в 1849 г. Сенной и в 1868 г. Усмановской мечетей, получил свое завершение процесс территориального формирования пятой махалли. Она охватывала два квартала Тихвинской (ул.Г.Тукая), Б.Мещанской (ул.Нариманова), часть Сенной (ул.Парижской Коммуны) и Евангелистовской (ул.Татарстан) улиц. По данным на 1883 г., в приходе насчитывалось 83 дома, в которых проживало 500 мусульман и 610 мусульманок⁶⁶, т.е. по количеству жителей эта община считалась одной из самых крупных в Старотатарской слободе Казани и по своему значению, наличию солидного медресе, авторитетных священнослужителей, богатству и влиятельности среди мусульман успешно могла конкурировать с двумя старейшими махаллями города — «Марджани» и «Апанаевская». В этот период она уже перестала осуществлять функции базарного, торгового прихода и превратилась в комплекс престижных жилых кварталов, где сложилась наиболее сильная и влиятельная в городе группа предпринимателей нового поколения: И.Г.Иманкулов, А.Я.Сайдашев, И.С.Уразаев, М.Шамсутдинов и многие другие. Среди них особым почетом и огромным уважением пользовался купец 2-й гильдии Мухаммадзян Ибнаминович Галеев (4.09.1832–31.12.1908) — отец Г.Баруди.

Личность и судьба этого коммерсанта характерны для большинства талантливых представителей пореформенной мусульманской буржуазии. Он родился в семье «отставного рядового» в Пороховой слободе Казани (отсюда тахаллус семьи Баруди, «порох» по-арабски *баруд*). Его отец Ибнамин бин Гали бин Кулмухамет аль-Чувашлы (Ибнамин Галеев), начавший военную службу еще во времена Павла I, завершил ее на Пороховом заводе в Казани. Выйдя в отставку, И.Галеев еще некоторое время прожил в заводской махалле. Впрочем, городская жизнь бывшего солдата складывалась не совсем удачно, и он в конце концов все же решил вернуться в родную дер.Чувашиле. Но двенадцатилетнего сына Мухаммадзяна с собой в деревню не взял, а предусмотрительно оставил его на учебе-службе у зятя — торговца обувью — Нурмухамета Баязитова. В дальнейшем юноша попал под опеку крупного купца и промышленника Мустафы Файзуллина, который еще в конце XVIII в. наладил в казанском крае массовое производство бухарской обуви — узорных сапожек и туфель. На предприимчивого бая в городе и окрестных дерев-

⁶⁵ Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. — Казань, 1844; Краткая история города Казани. — Казань, 1905. Репринтное воспроизведение с приложением предисловия Н.Ф.Катанова к изданию 1914 г. — Казань, 1991. — С.126–132.

⁶⁶ НА РГ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.2598. — Л.370.

Здание Галеевской мечети. Фото конца XIX – начала XX в.

нях работали десятки кожевников и искусных швей-мастериц, изготавливавших мягкие, удобные, покрытые изящным узором ичиги. М.Галеев, по всей видимости, выполнял роль торгового агента у М.Файзуллина, собирая готовую продукцию в селах Заказанья и обеспечивая работников сырьем. Постепенно молодой способный предприниматель приобрел бесценный опыт и знания, которые вскоре помогли ему основать собственное дело.

В 1855 г. в жизни Мухаммадзяна произошло очень важное событие — он сосватал дочь уважаемого и очень набожного крестьянина из дер.Малые Ковали (ныне — Высокогорский район РТ) Хабибуллы (Хайбуллы[?]) Мухаметшарифова — Бибифахреннису, а еще через два года у молодоженов родился первенец Галимзян⁶⁷. Почти вслед за этим умирает М.Файзуллин и М.Галеев получает возможность самостоятельной коммерческой деятельности. Он производит настоящую революцию в традиционном татарском промысле, ставя во главу угла его рыночную эффективность. В первую очередь купец позаботился о качестве производимой обуви: значительно расширил ее ассортимент и отказался от неудобной системы мастеров-надомников. Теперь его работники трудились в стационарных мастерских, где ежегодно изготавливались десятки модификаций азиатских сапожек и туфель, среди которых наибольшей популярностью пользовались ичиги, расшитые золо-

⁶⁷ ЦГИА РБ. — Ф.И-295. — Оп.5. — Д.1980. — Л.1-3.

тыми и серебряными нитями. Усилия М.И.Галеева не пропали даром. Буквально в течение нескольких лет доходы его предприятия выросли в несколько раз. Купец приобрел лавки на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, открыл фирменные магазины в Уфе и Троицке. Соответственно изменилось и социальное положение коммерсанта. В 1860 г. он с семьей переехал на постоянное жительство в Казань в Пороховую слободу, а еще через год перебрался в центр города в махаллу Пятой соборной мечети, где выстроил большой каменный особняк (ныне — ул.Тукая, д.38).

Блестящий успех на торгово-промышленном поприще, помноженный на неутомимую общественную деятельность, непререкаемый имидж добропорядочного мусульманина в глазах единоверцев и реноме грамотного, разумного «магометанина» в среде чиновничества превратили М.И.Галеева в одного из самых влиятельных купцов Казани. Вместе со своими партнерами и единомышленниками он многое сделал для приходской мечети, стараясь превратить ее в крупнейший исламский центр города. В 1882 г. на средства купца 2-й гильдии Ибрагима Сагитовича Уразаева храм был расширен за счет пристройки с южной стороны здания (архитектор П.И.Романов). Еще через 15 лет, в 1897 г. М.И.Галеев и И.Г.Иманкулов расширили мечеть как с северной, так и с южной стороны, а также построили в юго-западной части земельного участка двухэтажный кирпичный флигель (ныне — ул.Парижской Коммуны, 22). Конечно же, щедрый благотворитель и заботливый попечитель мечтал, чтобы во главе бурно развивающейся общины стал его сын Галимзян, проявлявший с детских лет большие способности и стремление к знаниям. В 1866–1875 гг. купец обучал своего первенца в знаменитом Апаньевском медресе у мударриса С.Исхакова, где юноша на своем личном ученическом опыте понял опасность бессистемного и схоластического преподавания, отбивавшего у молодых людей интерес к изучению духовных наук и не раскрывавшего истинного содержания ислама. Религиозно-реформаторские взгляды Г.Баруди окончательно оформились в Бухаре в 1875–1882 гг. Обучаясь в известном медресе «Мир-Араб», получая уроки у выдающихся оазазов (учитель, наставник), он не только пополнил свои знания, но еще более ощутил величие и неисчерпаемый потенциал исламского учения. Именно в Бухаре Г.Баруди, увлекшись суфизмом, встал на путь тариката. В суфийских братствах он видел гармонию и чистоту человеческих отношений мусульманской об-

Кованая калитка Галеевской мечети

Имам-хатиб Талеевской мечети Т. Баруди. Фото начала XX в.

давание религиозных дисциплин на родном языке. В то же время в специально составленных программах, ориентированных на возрастные и профессиональные интересы шакирдов, предусматривалось акцентировать главное внимание на изучении Корана, хадисов, истории ислама, мусульманского права, арабского и персидского языков с применением специальных лингвистических методик, а также фактическое исключение, по крайней мере из начальной школы, узко специальных религиозных толкований и комментариев, т.е. педагог выступил за углубление специализации в конфессиональном образовании, предоставив разностороннее изучение догматов лишь тем юношам, которые решили посвятить свою жизнь религиозно-научной и поведенческой деятельности.

Кроме того, в эти годы Г. Баруди предельно четко обозначил свои взгляды, созвучные видениям большинства мусульманских предпринимателей, священнослужителей и мугаллимов, самоотверженно, подобно своему лидеру, учителю и соратнику осуществлявших в махаллях по всей России новоме-

щины времен Пророка, ощущал свободный, творческий дух ислама. В то же время подобно Курсави в Бухаре Г. Баруди столкнулся с агрессивным невежеством многих ученых мужей, отсутствием системы мусульманского воспитания, полным застоєм в сфере начального образования. Он объяснял общественно-политическое, экономическое отставание среднеазиатской столицы ислама торжеством мертвой созерцательной схоластики и осознанным пренебрежением к естественным наукам, повседневной жизненной практике.

Фундаментальной в системе реформаторских взглядов Г. Баруди являлась идея всеобщего эффективного мусульманского просвещения и воспитания. Ею должны быть охвачены все слои населения независимо от социального и материального положения. Суть ислама, основы мусульманской этики и морали должны быть донесены до сердца каждого ученика, для чего необходимо организовать преподавание религиозных дисциплин на родном языке.

тодные преобразования. «Моя цель и мои мысли, — писал Галимзян-хазрат, невольно формулируя общественное и творческое кредо настоящих деятелей джадидизма, — *следует реформировать школы и медресе, чтобы приблизить их к религии и принести пользу жизни. Нужно, чтобы и стар, и млад держались за религию, всеми силами заботились о ней, помнили о нравственности. Религия — не наука, а практика, стремиться к которой — цель любой науки. Долг каждого — иметь свои свободные, не заимствованные взгляды, не лицемерить, беречь величие веры*»⁶⁸.

Как мы отмечали выше, такие убеждения сформировались у Г.Баруди к 1882 г., т.е. к моменту его возвращения из Бухары в Казань. Новаторские устремления молодого богослова были близки ощущениям и ожиданиям мусульманского предпринимательства, направлявшего свои усилия, в условиях беспрецедентного государственного давления, на укрепление основных институтов общины. Не случайно, что для вернувшегося из Средней Азии хазрата было решено возвести медресе именно в пределах одной махаллы, но намеренно не сливать его с традиционным приходским училищем ахуна Мухаммадюсуфа Сагитова, отличавшегося безусловной лояльностью к властям и боявшегося любых изменений существующего положения вещей.

⁶⁸ Баруди Г. Памятная книжка. — Казань, 2000. — С.144–145.

Похороны Т.Тукая. В центре Т.Баруди. 1913 г.

Весьма важным фактором стала дружба М.И.Галеева с другим выдающимся представителем татарского предпринимательства — купцом 1-й гильдии, промышленником А.Я.Сайдашевым. Сын сельского имама, он, подобно многим своим преуспевающим сверстникам, достиг вершин коммерческого мира, рассчитывая лишь на собственные силы и способности. Как и М.Галеев, А.Сайдашев начинал практически с «нуля», с черной, неблагодарной работы и в конце концов стал не только самым настоящим чайным монополистом Казани, но и создателем первого в истории национальной буржуазии татарского акционерного общества с уставным капиталом в 500000 рублей.

Наверно не случайно, что эти два своеобразных «вольнодумца», стоявшие у истоков громких общественных акций в татарской части города, решились на создание нового мусульманского образовательного центра в приходе. При этом оба купца осознанно пошли на нежелательный и, безусловно, опасный конфликт с Г.Сагитовым. Однако, не стремясь к полному разрушению сложившейся иерархии в махалле и не желая возмущать прихожан, М.И.Галеев учредил для своего сына, получившего указ № 7724 на исполнение обязанности второго муллы от 28 октября 1882 г., отдельное учебное заведение. Уже в 1883 г. М.И.Галеев выстроил на дворовом участке медресе небольшое одноэтажное каменное здание, где Г.Баруди и начал свои первые занятия (ул.Г.Тукая, 34)⁶⁹. Поначалу у молодого мударриса было всего лишь несколько шакирдов. Но буквально в течение года наплыв учащихся, желающих получать уроки и наставления молодого имама, вырос настолько, что перед мусульманами махаллы явственно встала задача расширения этой небольшой постройки. Поэтому в 1885 г. благодаря стараниям М.Галеева и А.Сайдашева корпус Галеевского медресе стал двухэтажным⁷⁰. И хотя на руках у купцов имелся официальный проект надстройки второго кирпичного этажа, они, очевидно, из-за недостатка времени, несколько приподняли над землей подвал здания и пробрили в нем окна. Конечно же, это не могло кардинально решить бытовые проблемы медресе, завоевывавшего у мусульманской молодежи все большую популярность и авторитет. В то же время большинство прихожан продолжало считать учреждение нового учебного заведения в махалле сугубо семейным делом Галеевых и относилось к нему не просто настороженно, но и с некоторой враждебностью.

Решающую поддержку и достаточно внушительную материальную помощь оказали медресе богатые фабриканты Утямышевы из дер.Маскара Малмыжского уезда Вятской губернии. Этот древний купеческий род славился не только старинным, высоким происхождением, замечательными успехами в производстве текстиля и торговле, но и благотворительностью, активным и целенаправленным распространением ислама среди язычников. Ш.Марджани почтительно отзывался в своих трудах о купце 1-й гильдии Габдулле Абдулсалямовиче Утямышеве (?–1832), построившем десятки мечетей во всех концах России, его сыне Мусе (?–1835), написавшем несколько интересных богословских трудов⁷¹. Г.Утямышев был женат на родной сестре выдающегося мыслителя А.Курсави, считался его другом и единомышлен-

⁶⁹ НА РТ. — Ф.98. — Оп.6. — Д.251. — Л.23–25.

⁷⁰ НА РТ. — Ф.98. — Оп.2. — Д.1078. — Л.152.

⁷¹ Мәржәни Ш. Мөстәфәдел-әхбар... — Казан, 1989. — 387–388 б.

Занятие в медресе «Мухаммадия». Фото конца XIX – начала XX в.

ником. Еще с начала XIX в. за Утямышевыми закрепилась прочная репутация смелых, думающих и решительных защитников Ислама. С этой семьей сумел породниться М.Галеев, женив в 1883 г. Галимзяна на Бибимагруй Утямышевой, а еще через пять лет в 1888 г. другого сына — Салихзяна на ее родной сестре Бибинагиме⁷². Эти прекрасно образованные женщины стали ближайшими помощниками своих мужей в их просветительской деятельности. По давней традиции, маскаринские фабриканты с радостью откликнулись на просьбу о помощи в строительстве здания медресе «Мухаммадия». В 1886 г. Г.И.Утямышев, выделив значительные средства, надстроил здание медресе своего зятя третьим кирпичным этажом⁷³. Так, в период с 1883 по 1886 гг. Г.Баруди получил в личное пользование новый учебный корпус, и «Мухаммадия» приобрела совершенно особый, автономный от медресе М.Сагитова статус.

Заложив основы собственной школы, Галимзян-хазрат в 1887 г. отправился в путешествие по странам мусульманского Востока. Посещение крупнейших общественно-политических и культурных центров в Египте, Турции и Аравии, охваченных духовным и «умственным» пробуждением, уже осуществлявших на деле определенное переустройство традиционных устоев образования, еще более убедило казанского муллу в правильности выбранного пути. Общаясь с корифеями религиозной мысли: Ахметом Комешханави, Абдулхади аль-Мисри, Ахмадельрафаги аль-Мисри, Габбасом аль-Мекки, Саедгали аль-Утри Г.Баруди все более вдохновлялся идеей всемирного исламского возрождения, с гордостью осознавая, что российские мусульмане также не остались в стороне от этого поистине эпохального процесса. Именно после возвращения из странствий по обновляющемуся исламскому миру Г.Баруди начинает спланированное и продуманное реформирование общинного учеб-

⁷² ЦГИА РБ. — Ф.И-295. — Оп.5. — Д.1980. — Л.1-3.

⁷³ Акчура Ю. Дамелла Галимжан эл-Баруди. — Казан, 1997. — 57 б.

ного заведения. Правда, необходимо отметить, что вплоть до конца XIX в. школа молодого мударриса по сути являлась мектебом, т.е. ступенью, дававшей начальное богословское образование с преподаванием некоторых «светских» «практических» наук. Статус медресе продолжало носить училище старшего имама Пятой соборной мечети, ахуна М.Сагитова, хотя с каждым годом как по качеству обучения, так и по количеству шакирдов и бытовым условиям оно начинало уступать мектебу Галеевых.

Г.Баруди начал строительство мусульманского медресе нового типа с ряда конкретных действий — составления эффективной и разумной учебной программы, написания и издания специальных учебников и учебных пособий, формирования дееспособного педагогического коллектива. Уже к 1891 г. — началу официального преподавания в «Мухаммадии» по новому методу — он создал первую тюркскую алифбу (букварь) для новометодного обучения «Савадхан», учебник по арифметике «Намунаи хисап» и ряд других прекрасных образцов учебно-методической литературы. В 1891–1899 гг. выкристаллизовалась структура начального обучения по методике Г.Баруди. В это время он фактически сумел организовать приготовительный класс и пять классов «ибтидаи», где по новым методикам изучались Коран, вероучение, история ислама, хадисы, заучивание наизусть молитв, арабский, персидский, татарский, русский языки, история татар, русская история, арифметика, естественная история, география, чистописание, рисование и некоторые другие предметы. Основной упор в программе делался на вдумчивое изучение религиозных дисциплин. Причем на таких уроках основным языком преподавания был не только арабский, но и татарский языки.

Уже к середине 90-х гг. XIX столетия медресе Галимзяна-хазрата стало одним из самых значительных мусульманских просветительских центров Казани. Его неординарность, прогрессивность, творческая природа вызывали негативную реакцию не столько у ревнителей средневековой схоластики, не желавших никаких перемен, сколько у тех, кто страшился непонятого духовного подъема среди мусульманской молодежи, крамольной в условиях самодержавной России идеи исламского возрождения.

Первое достаточно шумное дело вокруг личности купца М.И.Галеева и его сыновей возникло спустя два года после публичного объявления о начале новометодного обучения в «Мухаммадии». В конце 1893 г. казанскому губернатору поступил анонимный донос на основателя медресе с достаточно серьезными для того времени обвинениями. Даже беглый взгляд на данный документ позволяет констатировать тот факт, что его автором являлся не какой-то идейный консерватор, убежденный кадимист, а скорее всего европейски образованный мусульманин, хорошо знакомый со всеми перипетиями становления медресе и видевший в самом факте его появления дальнейшее упрочение религиозного фанатизма в Казани. *«Мухаметзян Галеев, гласный городской думы, член учетных комитетов в двух банках, — открывал глаза губернатору бдительный аноним. — Занимая такие общественные должности и обладая значительным состоянием, Галеев имеет огромное влияние на все татарское купечество: он является инициатором и руководителем во всех начинаниях местных татар и всегда находит в них полную поддержку. К сожалению, широкая общественная деятельность Галеева с общегосударственной точки зрения не может считаться полезной.*

Здание медресе «Мухаммадия». Современный вид

Она направляется к охранению узконациональных интересов и идет наперекор правительственным целям. Галеев постоянно изыскивает пути к укоренению отчуждения татар, к удалению их от русского языка. Такое направление деятельности Галеева наиболее резко обозначилось в устройстве и открытии им мектебе и медресе в Казани, без русских классов при них и без учителей русского языка»⁷⁴. Далее в доносе подробно описывались методы купца при учреждении в махалле новых учебных заведений: «Галеев прибегает к уловке, которой с успехом воспользовался уже несколько раз. Так, на Тихвинской улице во 2-полицейской части издавна существует медресе, которой заведует ахун Юсуп Сагитов. В 1885 году Галеев на дворе этой медресе выстроил новый каменный корпус, примкнув его к старому дому. Устроив здесь новое медресе, заведовать которой стал сын его мулла Галимзян, Галеев убедил всех непосредственно наблюдавших за постройкой нового здания, что он произвел лишь расширение старого медресе, на самом же деле между той и другой нет ничего общего: в каждом свои ученики и заведуют ими разные муллы.

Ревнуя об увеличении числа шакирдов, известных своим упорным отчуждением от всего русского, Галеев задумал открыть еще новый питомник мусульманского фанатизма... Чтобы легче этого достигнуть, Галеев для

⁷⁴ НА РТ. — Ф.1. — Оп.3. — Д.9606. — Л.4.

нового медресе выбрал и приобрел место рядом со старой у Абдрахмана Салиева. В глубине купленного у Салиева двора находится каменный дом, около него ближе к воротам, Галеев выстроил ныне осенью двухэтажный деревянный флигель; в том и другом теперь живет до 400 человек шакирдов, которые обучаются под руководством упомянутого выше муллы Галимзяна. Так как Галеев уничтожил забор, разделявший место старого медресе от участка Салиева, то образовался общий двор с одними воротами около прежней медресе ахуна Сагитова...»⁷⁵. Отсюда следует, что в общине, номинально имевшей только одно приходское учебное заведение, фактически реально функционировали два совершенно разных по своим масштабам, целям и задачам медресе. Кстати, то же самое М.И.Галеев проделал и в махалле Десятой соборной мечети в Новотатарской слободе, учредив для другого своего сына Салихзяна (1862–1932), исполнявшего обязанности второго муллы, новометодное медресе, совершенно независимое от традиционного общинного училища имам-хатиба Абдулкаюма Абдулбадигова (1839–1906)⁷⁶. Как говорилось в той же анонимке: «Новое медресе с особым контингентом учащихся и со своим руководителем. Общего со старой имеет только один двор и ворота, то и другое устроено, конечно, умышленно, чтобы скрыть новое мусульманское училище»⁷⁷.

Описывая тактику действий купца, доноситель постоянно подчеркивал его неприятие русификаторских актов правительства и сравнивал его поведение с законопослушным ахуном Сагитовым, который охотно направлял своих учеников учиться русскому языку. Таким образом, в глазах некоторых представителей общественности новометодное медресе «Мухаммадия», в отличие от традиционных конфессиональных училищ, уже в самые первые годы своего существования представлялось питомником мусульманского фанатизма, а его основатель виделся убежденным хранителем, фанатиком, но отнюдь не мудрым просветителем-подвижником. Кстати, в своем рапорте губернатору от 4 августа 1894 г. казанский полицмейстер в целом соглашался с такой оценкой личности предпринимателя: «...Казанский купец Мухаметзян Галеев...действительно отличается крайним фанатизмом, имеет большое влияние на татарское население и купечество и состоит руководителем в делах мусульманской религии...»⁷⁸. От неминуемого наказания его спасла относительно нейтральная, мягкая характеристика попечителя Казанского учебного округа, поступившая на имя губернатора П.А.Полторацкого 7 марта 1894 г. В ней, в частности, сообщалось следующее: «...Имею честь сообщить, что, несмотря на расследование дела всеми теми средствами и силами, которые находятся в моем распоряжении, я не могу признать приписываемые запиской гласному городской Думы Мухаметзяну Галееву узконациональные и фанатические стремления, сопровождаемые нарушением правительственных распоряжений, вполне обнаруженными и доказанными, хотя твердо убежден в том, что частная и общественная деятельность вышеозначенного Галеева направлена на отчуждение татар от рус-

⁷⁵ НА РТ. — Ф.1. — Оп.3. — Д.9606. — Л.5–6.

⁷⁶ НА РТ. — Ф.98. — Оп.4. — Д.48. — Л.66.

⁷⁷ НА РТ. — Ф.1. — Оп.3. — Д.9606. — Л.7об.

⁷⁸ Там же. — Л.8.

Попечител и педагогический персонал медресе «Мухаммадия». Фото начала XX в.

ского влияния...»⁷⁹. Так или иначе, но сгустившиеся было над головой купца тучи на этот раз прошли стороной. Однако это скандальное дело стало первым в бесконечной череде судебных, жандармских, полицейских разбирательств, неоправданных репрессий, сопровождавших медресе и его педагогический персонал на протяжении всего последующего времени.

Между тем просветительское дело Галеевых продолжало набирать темпы. В начале XX столетия мусульмане махаллы сумели сконцентрировать достаточное количество денежных средств для дальнейшего развития и укрепления медресе Галимзяна-хазрата, ставшего к тому времени чрезвычайно популярным. В начале 90-х гг. XIX в. вокруг дамеллы стали объединяться его ровесники — многочисленные молодые предприниматели общины, воспитанные на примере общественной деятельности М.И.Галеева и А.Я.Сайдашева и стремившиеся внести еще больший вклад в святое дело защитников ислама. Среди них братья Галикеевы, братья Каримовы, М.Субаев, М.Мусин, Г.Мукминов, И.Идрисов и многие другие. Самым близким другом и сподвижником Г.Баруди стал М.М.Галикеев (1847–1919) — сын богатого казанского мануфактурщика, купец 1-й гильдии, миллионер, на протяжении всей своей жизни бескорыстно помогавший развитию мусульманского образования, построивший несколько мечетей, в том числе и Десятую соборную в Новотатарской слободе.

⁷⁹ НА РТ. — Ф.1. — Оп.3. — Д.9606. — Л.1.

Для этого купца, несмотря на его выдающееся финансовое состояние и общественное положение, самым главным оставалось безукоризненное исполнение всех предписаний шариата. Он жил в очень скромном доме, не терпел показной роскоши, много времени проводил за чтением религиозной литературы. Известно, что в 1881 г. в Уфе он выдержал экзамен перед муфтием и казиями Оренбургского Духовного собрания на знание «*правил магометанской религии*», после которого получил специальное свидетельство. В этом документе говорилось, что «...*читает Галикеев по арабски без ошибок, может обучать чтению Корана других*»⁸⁰. Будучи учеником Ш.Марджани, М.Галикеев глубоко проникся идеями исламского возрождения и потому сразу же горячо поддержал новаторские начинания Галимзян-хазрата.

Впрочем, новаторская школа Баруди получила огромную поддержку за пределами своего прихода. Упрочить материальную базу этого учебного заведения помог купец 1-й гильдии известный поборник новометодного образования Ахмед Галеевич Хусаинов, который оказал большую помощь М.И.Галееву в 1901 г. при строительстве основного трехэтажного учебного корпуса «Мухаммадии» и пожертвовал для нее несколько прибыльных вакуфов на Нижегородской ярмарке. Именно при поддержке А.Г.Хусаинова Г.Баруди сумел создать медресе средней ступени «санавия», а затем и высшей — «галия». Окончательно «санавия» и «галия» сформировались к 1913 г. На наш взгляд, не случайно временной промежуток между учреждением «ибтидаии» и других ступеней духовного образования в медресе составил почти два десятилетия. Г.Баруди целеустремленно и планомерно реализовывал свою давнюю мечту о строительстве универсальной начальной конфессиональной школы, способной составить конкуренцию навязываемой татарам «русификаторской» системе начального обучения.

Шакирды, поступавшие на учебу в «Мухаммадию», занимались в течение 14 лет — изучали арабский, турецкий, русский языки, математику, геометрию, физику, географию, психологию, педагогику, историю России, историю тюркских народов и другие предметы, т.е. получали добротное светское и духовное образование. Кроме того, Г.Баруди часто приглашал в свое учебное заведение видных представителей науки и культуры, политических и общественных деятелей для чтения различных лекций, проведения факультативных занятий. По сведениям Р.У.Амирханова, детально изучившего историю медресе «Мухаммадия», здесь в начале XX в. доктор А.Г.Терегулов читал курс медицины и гигиены и гигиены, юрист С.Ш.Алкин — курс правоведения, публицист Ю.Х.Акчура — курс политической истории и т.д.

Большое внимание Галимзян-хазрат уделял оборудованию учебных кабинетов и бытовым условиям учащихся. Он снабдил классы медресе всем необходимым: партами, досками, кафедрами, картами и наглядными пособиями. Весь учебный процесс был подчинен строгому расписанию. Учащиеся могли проводить свободное время в благоустроенном общежитии, в мастерских или же на стадионе, превращаемом зимой в каток.

В медресе царила атмосфера относительного свободомыслия, когда шакирды, не испытывая жестокого диктата со стороны наставников, могли объединяться в неформальные общества, выпускать рукописные газеты и жур-

⁸⁰ ЦГИА РБ. — Ф.И-295. — Оп.4. — Д.12396. — Л.1-2.

налы, ставить спектакли. Не случайно, что именно в медресе «Мухаммадия» возникло мощное шакирдское движение со своей подпольной организацией «Берлек», которое ставило целью радикальную реформу всех конфессиональных учебных заведений волжских татар. Одним из руководителей «Берлека» был писатель Ф.Амирхан.

В начале XX в. в «Мухаммадии» насчитывалось рекордное количество учащихся — 500 шакирдов и 20 мугаллимов. Не будет преувеличением сказать, что в стенах этого медресе получил прекрасное образование весь цвет татарской интеллигенции. Это известные революционеры — Х.Ямашев, М.Дулат-Али, С.Габбасов, К.Туйбахтин, К.Якуб, М.Алмаев; писатели — Ф.Амирхан, З.Башири, Ф.Бурнаш, М.Гафури, К.Тинчурин, Г.Камал, Н.Исанбет, М.Укмаси, М.Гали, А.Исхак, А.Камал, Ф.Асгат, Г.Рахим, Ф.Туйкин; ученые, общественные деятели — Г.Нугайбек, Г.Шараф, Х.Бадиги, Г.Губайдуллин, С.Вахиди, Г.Мустафин; артисты — З.Султанов, Габдрахман и Габдулла Камал; дипломаты — И.Амирхан, Х.Биккенин; композиторы — С.Габяши, С.Сайдашев; художник Б.Урманче.

После смерти М.И.Галеева и разорения А.Я.Сайдашева Галимзян-хазрат стал единоличным лидером прихода, объединив вокруг себя крупных представителей буржуазии и интеллигенции. В начале XX в. именно в махалле Галеевской мечети успешно функционировало крупнейшее в России новометодное медресе, работали известнейшие в татарском мире издательства и типографии, специализировавшиеся на выпуске духовной и учебной литературы — «Миллят» и «Братьев Каримовых», принимала читателей первая мусульманская библиотека «Китапхана-и Исламия». Нововведения финансировались приходским вакуфным имуществом, оценивавшимся, по самым приблизительным подсчетам, в 150000 рублей⁸¹. Всеми общественными делами прихода заведовало попечительство, во главе которого попеременно стояли наиболее предприимчивые и образованные коммерсанты — А.-Г.Азимов, Г.Мукминов, М.Галикеев и др. Деятельность имама вызывала большое недовольство властей, повсюду видевших проявления так называемого «панисламизма», а также фанатиков из среды мусульман, из-за чего хазрат не раз подвергался политическим преследованиям.

В мае 1908 г. за организацию в Казани курсов по подготовке преподавателей новометодных медресе Г.Баруди был отлучен от должности имам-хатиба мечети, руководителя медресе «Мухаммадия» и сослан, вместе со своим братом имамом Десятой соборной мечети С.М.Галеевым, муллой Сенной мечети Г.Апанаевым и предпринимателем А.М.Казаковым на два года в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции.

Между тем в Казани 14 января 1908 г. умер давний оппонент Г.Баруди ахун М.Сагитов. Таким образом, на какое-то время Галеевская мечеть осталась без муллы. Только 15 марта 1909 г. (указ № 1256) эту должность занял младший брат Г.Баруди Абдрахман Галеев.

Он родился 9 января 1872 г. в Казани. Закончил в 1893 г. приходское медресе, затем в течение двух лет учился в мусульманских учебных заведениях Турции и Аравии. А.Галеев был искренним единомышленником своего брата. Он сумел сохранить в медресе «Мухаммадия» дух свободомыслия

⁸¹ НА РТ. — Ф.1. — Оп.4. — Д.5482. — Л.42.

Галеевская мечеть. Современный вид

до возвращения Г.Баруди из ссылки и восстановления его 25 марта 1913 г. (указ № 592) на прежней должности — старшего муллы Пятой соборной мечети.

После избрания в 1917 г. Г.Баруди муфтием Оренбургского Магометанского Духовного собрания и смерти в 1920 г. А.Галеева махалля Пятой соборной мечети вновь осталась без проповедника. Тогда по инициативе Г.Баруди 20 ноября 1920 г. имам-хатибом мечети был избран его ученик, известный общественный деятель и педагог Шахаретдин Шарафетдинов (1879–1938). Он родился в дер.Аксу Тетюшского уезда Казанской губернии в многодетной семье зажиточного крестьянина. Окончив курс «Мухаммадии», работал там же преподавателем арабского языка и истории ислама. Ш.Шараф известен как активный публицист, автор учебников, историк. В двадцатые годы XX в. подвергся судебным преследованиям. В 1938 г. был расстрелян в Казани по обвинению в антисоветской деятельности.

В первой половине XIX в. муэдзинами прихода являлись Фахрутдин Абдулсаттаров и Мухаметгалим Хусаинов. Оба умерли в 1874 г. Затем в течение 58 лет на этой должности непрерывно работал Мухаметбадиг Мухаметгалимович Хусаинов (р.3.12.1853) — указ №677 от 25 января 1875 г. Он был близким родственником К.Насыри. В 1923 г. престарелый муэдзин отказался от должности в пользу сына Мухаметрафига (указ от 17.06.1923 г.).

Мечеть была закрыта постановлением Президиума ТатЦИКа от 6 июля 1931 г. Однако по каким-то причинам вновь возвращена общине постановлением Президиума ТатЦИКа от 22 июля 1931 г. Окончательно закрыта между 1935 и 1937 гг. Впоследствии был разобран минарет. Ныне здание Галеевской мечети и медресе «Мухаммадия» возвращены верующим. Но эти замечательные памятники истории и культуры татарского народа требуют сегодня значительной реставрации, которая невозможна без активного участия государства.

§ 6. Щедрость миллионеров и высокая честь ученых мужей

Азимовская мечеть («Шестая соборная» — ул.Фаткуллина,15). По утверждению Ш. Марджани, возникновение прихода относится к 1810 г., когда юго-западная сторона города в районе дер.Плетени стала интенсивно заселяться мусульманами, работавшими на находившихся здесь мыловаренных заводах купцов Юнусовых, Апанаевых, Китаевых. Тогда на средства хаджи Габдельмазита бин Абубакира бин Ураза аль-Наласави (ум. в 1827) была построена одноэтажная деревянная мечеть без минарета, просуществовавшая до 1851 г. (по другим сведениям, до 1848 г.). Здесь правоверные читали пятикратный намаз, а на пятничные и праздничные богослужения отправлялись в Новотатарскую слободу в мечеть «Иске-Таш». Первым известным муллой прихода был Асфандияр бин Ибрагим бин Юсуф бин Айтуган (ум. в 1855).

К середине XIX столетия в махалле укрепилась богатая династия торговцев и промышленников Азимовых. Возникновение династии связано с предпринимательской деятельностью Назира бин Азима бин Кулмамета, имевшего в 1800 г. кожевный завод в Казани. Его сын Мустафа (1780–25.08.1865) существенно приумножил богатства семьи, основав мыловаренное производство и две китаечные фабрики в Плетенях. Он считался одним из самых влиятельных купцов мусульманской Казани и избирался городским головой Татарской ратуши. Принадлежал к казанскому купечеству 1-й гильдии, Мустафа-бай обладал состоянием в 2000000 рублей. М.Н.Азимов был женат на двух женах — Сафии Мусталаповой и Магубзамиле Шариповой и имел четырех детей. Именно он впервые выстроил в приходе соборную мечеть, после того как молебельный дом Габдельмазит-хаджи разрушился из-за ветхости.

Впоследствии заботу о мечети взял на себя старший сын предпринимателя Муртаза (1812–1887), с успехом продолживший коммерческие традиции рода. Он за многолетнюю торгово-промышленную деятельность получил в 1871 г. звание потомственного почетного гражданина. Так же, как и отец М.М.Азимов, проявлял общественную активность, работая в органах местного самоуправления. Мусульмане махалли уважали его за щедрую и бескорыстную благотворительность. В 60-е гг. XIX в. купец, разобрав прежнее, сооружает новое, более просторное здание мечети. Кроме этого, предприниматель многое делает для благоустройства кварталов прихода, который с возникновением неподалеку крупнейшего в губернии завода по изготовле-

Здание Азимовской мечети. Фото конца XIX – начала XX в.

нию стеарина и мыла московских фабрикантов Крестовниковых получает название «Заводской». С развитием производства росла и численность его прихожан. В 1879 г. здесь проживало 444 мусульманина, 283 мусульманки при 53 домовладельцах. Естественно, появилась потребность в большом и вместительном культовом сооружении.

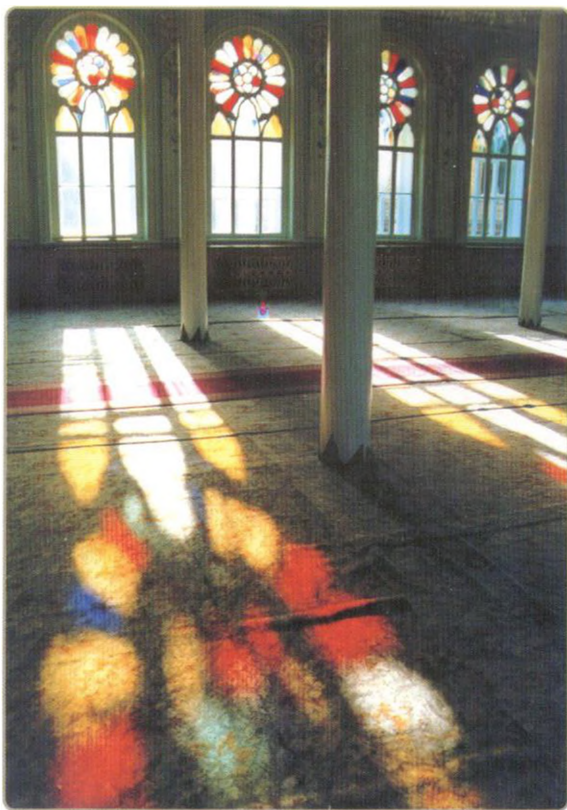
18 марта 1887 г. казанский мецанин Шагиахмет Иксанович Аминов представил в Казанское губернское правление приговор мусульман «Заводского» прихода с ходатайством о построении новой каменной мечети вместо существующей деревянной, пришедшей в совершенную ветхость, а также подписание купца Муртазы Мустафича Азимова о согласии постройки за свой счет.

К этому времени купец успел перевезти старое здание в дер. Чита Лаишевского уезда. Получив 22 апреля 1887 г. разрешение губернского правления, Азимов приступил к строительству кирпичного здания мечети, которое было окончательно завершено к 1890 г., но уже без участия самого Азимова. Автор проекта неизвестен. Всего купец на нужды мечети выделил 14000 рублей⁸².

⁸² ЦГИА РБ. — Ф.И-295. — Оп.3. — Д.11867. — Л.1-10.

Здание Азимовской мечети. Советское время

Шитьерьер Азимовской мечети

екту архитектора П.Е.Аникина в ограде мечети построил одноэтажный кирпичный дом. Вероятно, в период строительства каменной мечети в 1887–1890 гг. он был перестроен в существующее двухэтажное полукаменное здание медресе. В медресе «Гаффария» в 1875–1880 гг. учился и преподавал видный религиозный и общественный деятель, ученый-историк Х.М.Габяши (1863–1936), а в начале 1890-х гг. учился драматург Г.Камал.

После смерти Абдулвали-хазрата имам-хатибом стал Х.Абдулгафаров, удостоившийся в 1912 г. звания ахуна — свидетельство № 5804 от 12 августа 1912 г., а в 1916 г. — звания потомственного почетного гражданина. Его помощником был избран брат Мирзаабдулла Абдулвалиевич Абдулгафаров (р. 29.11.1859–1917) — указ № 723 от 4 февраля 1889 г.⁸³ После отказа Х.Абдулгафарова от службы и, вероятно, во время болезни Мирзаабдулла-хазрата вторым имамом Азимовской мечети стал сын ахуна — Каваметдин Хисаметдинович Абдулгафаров (р.9.08.1882) — указ № 969 от 29 апреля

С историей Азимовской мечети тесно связана династия священнослужителей Абдулгафаровых. Родоначальник ее Абдулвали Абдулгафаров (ум. в 1891), выходец из дер.Новые Чукалы Буинского уезда Симбирской губернии (ныне — Дрожжановский район РТ), прослужил на должности имам-хатиба в этой мечети с июня 1849 г. по ноябрь 1888 г. — указ № 7510 от 8 июня 1848 г. Затем его сменил сын — Хисаметдин Абдулвалиевич Абдулгафаров (12.08.1849–1923), помогавший отцу на должности второго имама с 30 июля 1874 г.(указ № 5804).

Уже в первые годы своей деятельности Абдулвали-мулла, женатый на дочери своего учителя и предшественника Фатиме Асфандияровой, сумел организовать в приходе конфессиональное магометанское училище, известное как медресе «Гаффария». Оно являлось сравнительно небольшим по казанским меркам (число учащихся — 60 человек), а по характеру обучения — старометодным. Специально для этого медресе купец М.М.Азимов в 1871 г. по про-

⁸³ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.3567. — Л.3–30.

Азимовская мечеть. Современный вид

1916 г., окончивший в 1899 г. курс Усмановского медресе Казани⁸⁴. Все они являлись авторитетными проповедниками, учеными, педагогами, прекрасно разбиравшимися в мусульманском праве. В Казани очень уважали эту семью за верность традициям, основательность и порядочность. Многие муллы Заказанья стремились отдавать своих детей на учебу именно в медресе «Гаффария», так как надеялись не только на высокую ученость его преподавателей, но и на прекрасное религиозное воспитание, присущее этому учебному заведению.

В махалле служила династия муэдзинов Сабитовых. Ее глава крестьянин дер. Старые Ишли Буинского уезда Симбирской губернии Сулейман Сабитов получил указ на исполнение своей должности еще 23 августа 1865 г. (указ № 7513). В свою очередь его сменил 11 сентября 1893 г. (указ № 1973) сын Мухаметгали (р. 11.08.1865).

Семья Азимовых вплоть до революции 1917 г., несмотря на разорение, продолжала помогать фамильному приходу. Так, например, сын строителя мечети потомственный почетный гражданин Абдулкадыр Муртазович Азимов 2 ноября 1915 г. обратился в Оренбургское Магометанское Духовное собрание с заявлением о том, что желает принести в дар общине участок земли с постройками на Николаевской улице общей стоимостью в 400 рублей. Мусульмане с благодарностью приняли это пожертвование.

В первые десятилетия Советской власти Азимовы и Абдулгафаровы подверглись политическим преследованиям. Однако мечеть еще долгое время продолжала функционировать благодаря неутомимой подвижнической деятельности М. Сабитова, который, невзирая на разгул воинствующего атеизма, продолжал вести проповеди и обучать детей основам ислама.

Окончательно Азимовская мечеть была закрыта указом Президиума Верховного Совета ТАССР от 22 апреля 1939 г. Время пощадило ее незабываемый архитектурный облик. Вот уже второй десяток лет мечеть принимает в своем просторном зале верующих, пришедших на молитву, навсегда сохранив память о щедрости купцов-миллионеров и высокой чести ученых мужей маленького «Заводского» прихода Казани.

§ 7. Мечеть коммерции советников

Сенная мечеть («Юнусовская», «Седьмая соборная» — ул. Московская, 74/15). Квартал Старотатарской слободы, ограниченный улицами Столбова, Парижской Коммуны, Московской и Г. Камала, еще в ханские времена являлся составной частью города. Здесь находилось одно из мусульманских кладбищ, на котором, вероятно, находили свой последний приют жители так называемой Кураишевой слободы.

Как отмечал Ш. Марджани, кладбище существовало какое-то время и после падения Казанского ханства. Затем, с возникновением Старотатарской слободы, на этой территории появились первые жилые дома, а с XVIII в. началось формирование Сенного базара — крупного татарского торгового

⁸⁴ НА РТ. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 9791-6. л.

Здание Сенной мечети. Гравюра М. Рашевского. 1886 г.

центра, в котором осуществляли коммерческие сделки и сбывали различные товары как жители города, так и крестьяне Казанской губернии. В начале XIX в. разбогатевшие мусульманские купцы стали прилагать усилия по созданию особого базарного прихода и строительству мечети.

В 1816 г. вдова купца Ю.Б.Китаева — Габида Даутовна Китаева (ум. в 1821), владевшая домом и 8 лавками на площади, обратилась в губернское правление с просьбой о постройке мечети за ее счет. Местом для нее она обозначила «в старотатарской слободе в отдаленности от церквей среди татарских домов близ Сенного базара против дома и лавок казанских купцов Юнусовых пустопорожнее...». Однако, из-за противодействия некоторых представителей православной церкви, Габида Даутовна так и не смогла начать задуманное строительство.

То, что не удалось семье Китаевых, позднее сумели с успехом осуществить коммерции советники братья Юнусовы. Мы уже отмечали выдающуюся роль этих предпринимателей в финансировании нужд Первой соборной мечети. Несмотря на несколько противоречивый характер их общественной и благотворительной деятельности, следует еще раз отметить неоценимый вклад этой династии в дело укрепления ислама на казанской земле.

Инициатором строительства новой базарной мечети выступил глава рода купец 1-й гильдии Г.М.Юнусов (1776–1842). Он владел значительным

Сенная мечеть. Фото второй половины XIX в.

количеством земли и несколькими десятками торговых лавок в районе Сенной площади, на которой размещался восточный рынок.

Для крупного общественного деятеля, каковым являлся Г.М.Юнусов, было крайне важно объединить приезжающих торговцев-мусульман в единую корпорацию, способную регулировать не только межличностные, межгрупповые, но и, безусловно, деловые отношения.

С другой стороны, будучи верующим мусульманином и обладая внушительными финансовыми возможностями, купец не мог оставаться равнодушным к тому, что сотни правоверных, не имея рядом мечети, не слыша азана, пропускали обязательные намазы и тем самым совершали большой грех. Недаром добропорядочные жители Старотатарской слободы называли в то время Сенную площадь «углом неверных», т.е. местом, где торговали мусульмане, пренебрегавшие предписаниями Священного Корана.

Внук Г.М.Юнусова Габделькарим зафиксировал интересные семейные предания по поводу строительства Сенной мечети. В своих дневниках он писал: *«Отец мой рассказывал о нем. Вышел как-то Габидулла на базар. Время намаза. Видит, народ поглощен торговлей, разговорами, на молитву не обращает внимания. «Как мне уговорить этих горожан читать молитвы?» — забеспокоился Габидулла. После этого он купил участок для базарной мечети. «Если каждый сдержит свое слово быть правоверным, построю мечеть на этой площади, — поклялся он»⁸⁵*. По всей видимости, авторитета купца хватило на то, чтобы каждый предприниматель обязался посещать будущий храм. Несмотря на кончину Г.М.Юнусова, его начинание в 1844–1846 гг. завершили сыновья Исхак и Ибрагим, которые сумели преодолеть не только сопротивление местного архиерея, но и влиятельного духовенства Пятой соборной мечети, к которой формально относился богатый приход Сенного базара.

Так 18 августа 1844 г. доверенный казанского купца 1-й гильдии Иб.Г.Юнусова казанский мецанин Муса Субаев обратился в губернскую администрацию со следующим ходатайством: *«Доверитель мой, почетный гражданин Ибрагим Юнусов, предполагая вновь воздвигнуть в городе Казани во 2-й части по Поперечно-Сенной улице минарет и внутри двора мечеть и перестроить стоящие на том месте лавки, пожертвованные в пользу детских приютов чрез архитектора Ломан, составил в 4-х экземплярах план и фасады, которые при сем представляя, Всеподданейше прошу, дабы повелено было доверителю моему Юнусову ныне же приступить по представляемому фасаду к устройству лавок»⁸⁶*. Департамент искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий от 28 февраля 1845 г. сообщил о Высочайшем утверждении представленного плана и фасадов.

Сам процесс строительства, по свидетельству Г.И.Юнусова, шел непросто. Он, в частности, писал: *«Принялись братья за строительство мечети, заготовив для этого необходимые материалы, и первоначально обеспечили рытье котлована под фундамент. Однако, к великому сожалению, показалась вода. Сколь ни копали, вода все не исчезала. Наконец архитектор дал указа-*

⁸⁵ Юнусов Г. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. — 1997. — № 10–11. — С. 94.

⁸⁶НА РТ. — Ф.409. — Оп.15. — Д.2. — Л.1.

Сенная улица и мечеть. Фото начала XX в.

ние: «Нужно поставить плот по всей длине траншеи». Так и сделали. А на плот поставили гранитные камни. Отец (Исхак Юнусов. — Авт.) рассказывал: «Сколько денег ухлопали на фундамент! На гранит клали кирпич, и фундамент поднялся от земли на два аршина»⁸⁷. Преодолев при помощи талантливого архитектора А.К.Ломана технические трудности, братья переломили сопротивление православных священников и конкурентов из соседней махаллы, которые на время смогли приостановить возведение мечети. Однако Юнусовы, объяснив необходимость храма для учрежденного ими в 1844 г. мусульманского детского приюта, получили твердую поддержку в столице. Таким образом, строительство благополучно завершилось в 1845–1846 гг.

При помощи братьев в махалле появился мектеб, где преподавали имамы мечети — высокообразованные и уважаемые священнослужители.

⁸⁷ Юнусов Г. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. — 1997. — № 10–11. — С. 94.

Одним из первых имамов махалли был выбран Сагдетдин бин Файзулла бин Утяш (ум. в 1862). Он происходил из крестьян дер.Мастяк Саратовской губернии, получил образование в Апанаевском медресе у дамеллы М.Мухаметрахимова. В 1856 г. его помощником стал Габдельгани бин Салих бин Сагит аль-Кими (1813–1871), сын муллы Апанаевской мечети, окончивший медресе в Бухаре и возглавивший приход в 1862 г.

После смерти Габдельгани бин Салиха, 23 июля 1871 г. (указ № 5881), обязанности имам-хатиба Сенной мечети взял на себя уроженец дер.Малые Кибяк Кози Казаклары Лаишевского уезда Казанской губернии, окончивший одно из бухарских медресе, ахун Хузиахмет Музафаров⁸⁸. Авторитетный богослов пользовался заслуженным уважением среди мусульман Казани. Его дочь Махмуда в начале XX в. была известна как талантливая поэтесса, а сын Мансур Музафаров стал выдающимся татарским композитором. Интересно то, что Хузиахмет Музафаров был выбран прихожанами вопреки воле создателей Сенной мечети — братьев Юнусовых.

Прослужив благополучно в Сенной мечети 22 года, Хузиахмет-хазрат неожиданно попал в неприятную историю. Он, возможно, по неведению, совершил обряд бракосочетания несовершеннолетней девушки, что каралось уголовной статьей. Х.Музафаров был отлучен от должности имам-хатиба и по приговору суда от 19 мая 1893 г. заключен под арест на месяц.

После этого события в мечети остался всего один священнослужитель — второй мулла Габдулла Абдулкаримович Апанаев (1861–1919). Он родился в семье богатого купца, учился в лучших медресе Казани и 15 декабря 1890 г. получил указ № 7963 на должность помощника имам-хатиба при мечети на Сенном базаре.

Уже в первые годы своей деятельности этот замечательный человек сумел добиться широкой известности как убежденный сторонник национального прогресса, один из ведущих представителей джадидизма. Следуя примеру Г.Баруди, Г.А.Апанаев реформирует медресе Сенной мечети, располагавшееся на Евангелистовской улице, полностью содержит его на свои средства. Богатое купечество, входившее в махаллю его мечети и кровно заинтересованное в том, чтобы главой прихода был просвещенный имам, мыслящий категориями не вчерашнего, а завтрашнего дня, решает в 1895 г. перевести Г.А.Апанаева на должность первого муллы. Однако сделать это не удалось.

Власти, подозревавшие каждого по-новому мыслящего мусульманина в панисламизме, так и не допустили, чтобы новометодист Апанаев стал главным духовным наставником центральной, ключевой махалли Казани⁸⁹.

Вместо него 24 февраля 1897 г. был избран другой священнослужитель Шакир Хасанович Уразгильдеев (1861–1908), отличавшийся известной умеренностью своих взглядов; но он так и остался лишь формальным главой прихода. Всеми делами здесь продолжал вершить Г.А.Апанаев, под его же руководством по-прежнему находилось местное медресе.

⁸⁸ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.129. — Л.3–35.

⁸⁹ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.5107. — Л.1–9.

Именно в это время в реформированную школу Габдуллы-муллы перешли из Апанаевского училища при Второй соборной мечети хальфа А.Максуди со своими шакирдами — братом С.Максуди и Г.Исхаки. Они не сумели найти общий язык с консервативно настроенным мударрисом А.Салиховым и, стремясь продолжить учебу по новому методу, обратились к Г.Апанаеву. Вскоре учеником хазрата стал известный поэт Н.Думаи.

Габдулла-мулла Апанаев прославился как энергичный общественный деятель. В 1906 г. он начал издавать собственную газету либерального направления «Азат» (Свободный), которая была одним из передовых изданий того времени. Кроме того, он баллотировался в депутаты Государственной думы, участвует во всероссийских съездах мусульман. С точки зрения жандармов, мулла, как, впрочем, и его родной брат, купец 1-й гильдии М.А.Апанаев, считался крайне неблагонадежной личностью. Поэтому губернские власти в мае 1908 г. с легкостью отстранили Г.Апанаева от службы в Сенной мечети и сослали на два года в Вологодскую губернию, обвинив в организации новометодных учительских курсов. Немного ранее в том же 1908 г. умер Ш.Х.Уразгильдеев.

Сенная мечеть. Фото второй половины XIX в.

Здание Сенной мечети. Советское время

Таким образом, мечеть на Сенном базаре лишилась всех своих священнослужителей.

После ссылки Апанаева, вероятно, не без вмешательства властей, ее прихожане избрали старшим имамом Мухамметаиба Шигабутдиновича Алтынбаева (р. 13.03.1852) — указ № 4403 от 19 сентября 1908 г., уроженца дер. Четаево Касимовского уезда Рязанской губернии⁹⁰. Он учился в медресе Кшкара, затем был муллой в дер. Собачий Остров Курмышского уезда Симбирской губернии. Приехав в Казань, М.Ш.Алтынбаев ликвидировал в приходе Сенной мечети все нововведения, установленные Г.Апанаевым. В медресе главенствующим вновь стал старый метод обучения, а из учебной программы были полностью исключены светские науки.

Новый имам сразу же зарекомендовал себя противником всяческих отступлений от норм шариата, чему посвящал многочисленные проповеди. По всей видимости, идеи Мухамметаиба-муллы пользовались определенной по-

⁹⁰ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.8105. — Л.3-27.

пулярностью в Казани. Не случайно то, что он весьма часто подвергался сокрушительной критике со стороны так называемой светской молодежи, считавшей его приход на место Г.Апанаева одним из ярких проявлений наступившей реакции. Интересны действия этого явного антагониста реформ в приходском мектебе и медресе.

К 1912 г. Мухамметаиб-мулла вновь внедрил в учебный процесс звуковой метод обучения грамоте, тем самым признав его практическую пользу и в этом солидаризировавшись с джадидистами. Такой нетипичный для казано-казахского консерватора шаг заметили даже губернские власти. Так, начальник Казанского губернского жандармского управления в своем письме губернатору от 19 декабря 1913 г. писал: «...медресе при казанской мечети № 7 считается существующим полуофициально, о сущности ее знаем мало. Раньше там преподавание велось по старому методу, в настоящее время замечается постепенный переход к новому методу».

Однако М.Алтынбаев наотрез отказывался от преподавания общеобразовательных дисциплин (за исключением традиционной для всех кадимистских медресе арифметики), а в обучении религиозно-нравственным наукам сторонился методики Г.Баруди. Вот, к примеру, как строилось расписание занятий утямышевского мектеба, где уроки брали 35 шакирдов:

Суббота — алифба и Коран.

Воскресенье — имля (диктовка), инша (правописание), хисаб (арифметика).

Понедельник — кираат тюркия (тюркское чтение), амли (догматы веры).

Вторник — мухтасар (божественные законы), мугаллимуль ауваль (первоначальные слоги).

Среда — хадис (изречения Пророка Мухаммеда), зарурия (божественные законы).

Четверг — повторение пройденного материала.

В медресе училось 65 шакирдов. Его расписание выглядело следующим образом:

Суббота — муллазаляль (догматы веры), исагуджи (логика), шархмулла (арабская грамматика).

Воскресенье — сахихуль бухари (изречения Пророка Мухаммеда), шамсия (логика), шархмулла (арабская грамматика).

Понедельник — суллям (логика), тавхиз (арабская грамматика), тафсир казый (толкование Корана).

Вторник — хидая (божественные законы), гакаид (догматы веры), шархмулла (арабская грамматика).

Среда — исагуджи (логика), мухтасар (божественные законы), исагуджи (логика, 2-я часть).

Четверг — мухтасар (божественные законы).

Таким образом, конфессиональное учебное заведение прихода имело смешанный характер. Традиционное богословие уживалось здесь со звуковым обучением грамоте. Интересно то, что попечитель мечети, промышленник И.Г.Утямышев, известный своими прогрессивными взглядами, с уважением относился к принципам имама и не пытался воздействовать на него с целью проведения реформ.

Что же касается Г.Апанаева, то он так и не сумел вернуть себе свою

Сенная мечеть. Современный вид

Сенная мечеть. Вид со стороны улицы Московской

прежнюю должность. После возвращения из ссылки опальный мулла основал собственное учебное заведение вне рамок какого-то определенного прихода и продолжал заниматься общественной деятельностью. В 1919 г. по приговору советского суда был расстрелян за контрреволюционную деятельность.

Обязанности муэдзина в мечети — указ № 6865 от 31 августа 1871 г. исполнял казанский мещанин Исхак Ахметович Сабитов (1841–1908[?]). В 1908 г. его сменил Самат Кулиев — указ № 5203 от 12 ноября 1908 г.

Приход Сенной мечети объединял Московскую и Сенную улицы. В 1916 г. в нем насчитывалось 218 мусульман, 336 мусульманок при 30 домовладельцах. Содержался храм на проценты с вклада в 12000 рублей в Казанском отделении Камско-Волжского банка, а также на доход (640 рублей в год) от аренды кладовой «с двух торговых шкапчиков», принадлежавших мечети.

Сенная мечеть была закрыта постановлением Президиума ТатЦИКа от 16 ноября 1929 г. Ныне она вновь возвращена верующим и известна у жителей Татарстана под названием «Нурулла». Впрочем, в истории она навсегда осталась мусульманским храмом коммерции советников Юнусовых, самых выдающихся мусульманских благотворителей своего времени, не желавших, чтобы в их слободе существовали пресловутые «уголки неверных».

§ 8. Последнее благодеяние Зиганши Усманова

Усмановская мечеть («Султановская», «Восьмая соборная» — ул. Тукая, 14/19). Казань — тысячелетняя столица татарского мира, место соприкосновения мировых религий, культур и цивилизаций, по праву славится своими уникальными историческими памятниками и архитектурными ансамблями. Старинные улочки с тихими усадьбами и пышными особняками, с деловитыми купеческими лавками и отстраненно-величественными храмами сегодня, как и столетия назад, продолжают слагать увлекательную и удивительно поэтичную летопись города на Волге.

Наверно, одной из самых замечательных и содержательных страниц казанской «биографии» является история Султановской мечети — памятника мусульманской архитектуры второй половины XIX столетия, расположенного в заповедном районе Забулачье. В далекой древности, во времена Казанского ханства, в пределах этой территории существовала так называемая Кураишева слобода с Отучевой мечетью. Однако после покорения города войсками Ивана Грозного мусульмане вынуждены были переселиться в болотистые места у озера Кабан и основать там Старотатарскую слободу, а центр Казани и его пригороды оставить православному населению. Таким образом в кварталах за Булаком вплоть до конца XVIII столетия проживали русские купцы и ремесленники, которые возвели несколько церквей и соборов.

С развитием капиталистических отношений, укреплением и количественным ростом национального предпринимательства границы Старотатарской слободы стали постепенно расширяться, охватывая прилегающие к Сенной площади улицы — Фуксовскую (ныне — ул. Г.Камала), Сенную (ныне — ул. Парижской Коммуны), часть Московской и Тихвинскую (ныне — ул. Г.Тукая). Что касается формирования махалли Султановской мечети, то ее зарождение и становление связаны с именем крупного татарского предпринимателя и благотворителя Зиганши Бикмухаметовича Усманова (Зиганша бин Бикмухамет бин Абдулсалам бин Усман аль-Кариле, 1817–1870). Он родился в дер.Карелино Казанского уезда (ныне — Балтасинский район РТ) в крестьянской семье. Как и многие его сверстники, Зиганша с

Здание Султановской мечети. Фото конца XIX — начала XX в.

детства начал помогать своему отцу не только в труде хлебопашца, но и в торговле, которую его предки вели в Казани с конца XVIII в. Постепенно он накопил достаточно средств для учреждения собственного коммерческого дела, к которому впоследствии привлек своих братьев — Тагира (1824–?) и Мухаметшакира (1836–?). Большую помощь молодому предпринимателю оказывал его родной дядя, успешный торговец Мухаметгали Абдулсалямович Усманов (1801–1878), являвшийся во второй половине XIX в. купцом 1-й гильдии, специализировавшимся на купле-продаже бакалейных и мануфактурных товаров.

С 1852 г. З.Б.Усманов числился во 2-й гильдии казанского купечества, занимался каретным производством, торговлей текстилем и промышленным мыловарением. Кроме того, он вкладывал огромные средства на скупку и строительство недвижимости. Ему принадлежали доходные дома и особняки в престижных частях города. Из сохранившихся усмановских строений необходимо отметить усадьбу на ул. К.Насыри, д.40; доходные здания на ул.Баумана, д.80; ул.Московской, д. 19, 53/6 и др.

Однако среди мусульман Казани Зиганша-бай был известен не только как очень богатый, удачливый предприниматель, а в первую очередь как человек, горячо преданный исламу, не жалевший ни средств, ни времени на его укрепление и распространение в губернии. Одним из самых больших

Инженер Султановской мечети. Фото начала XX в.

благоденный купца стала помощь в создании новой, восьмой по счету в городе мусульманской общины — махалли.

Как мы уже отмечали, ее предыстория начинается в середине XIX в., когда традиционно русские кварталы Забулачья стали интенсивно заселяться выходцами из татарских сел, занимавшимися в губернском центре торговлей, ремеслом, работой на промышленных предприятиях. Они покупали дворовые участки в православном районе у Тихвинской и Варламовской церквей и практически полностью заселили половину Б.Мещанской, Тихвинскую, Фуксовскую улицы. Эта тенденция получила еще большее развитие после пожара 1859 г., опустошившего забулачную часть города и вынудившего многих русских домохозяев переселиться в более безопасные места.

Данным обстоятельством воспользовался З.Усманов, давно ратовавший за расширение границ городского мусульманского анклава. Купец вложил огромные средства на скупку обгоревших домов и стал собственником больших земельных участков, на которых предполагал построить мечеть, медресе, дом для имама и приходское вакуфное здание. Кроме того, благодетель за свой счет переселил на территорию новой махалли ряд татарских семей и в скором времени добился необходимого количества мусульман для официальной регистрации прихода и строительства мечети. Следует также учитывать, что изменившаяся демографическая ситуация явно сказывалась на качестве богослужений в соседней Пятой соборной мечети, махалля которой насчитывала уже более 1000 человек и залы храма не могли вместить всех пришедших на молитву.

Таким образом правоверные, только что заселившие кварталы у Тихвинской и Варламовской церквей, остро нуждались в новом культовом здании и собственных священнослужителях. Решение о строительстве, вероятно, было принято З.Б.Усмановым и наиболее авторитетными жителями махалли в декабре 1865 г. Через три месяца, 1 апреля 1866 г., 209 домохозяев Старотатарской слободы — *«Тихвинской и прочих улицах во 2 части 3 участка и 3 части 1 участка»* составили приговор, в котором ходатайствовали о строительстве соборной мечети на принадлежащем З.Б.Усманову *«пустопорожном месте»*. Приговор был засвидетельствован в Казанском городском полицейском управлении 11 августа 1866 г.

Получив полное согласие своих единоверцев, Зиганша-бай 23 августа 1866 г. обратился с прошением в Оренбургское Магометанское Духовное собрание, где оно было рассмотрено 1 сентября 1866 г. В журнальном постановлении собрания, в частности, отмечалось: *«Слушали: прошение казанского 2 гильдии купца Зиганши Бикмухаметовича Усманова от августа 1866 года следующего содержания. Проживающие в Казани в Старотатарской слободе, Тихвинской и прочих улицах ведомства 2 и 3 частей, числящиеся приходом к 5-й каменной мечети, ходатайствуют о построении вновь соборной мечети на принадлежащем ему пустопорожном месте, так как по случаю увеличения прихода посещение в мечети сделалось весьма тесно и на далеком расстоянии, на которое по старости лет, по неимению достаточной одежды в ненастное время затрудняются быть на богомолении в мечети; причем обязались: расходы, которые будут следовать по постройке мечети, они принимают на себя. Каковым приговором и уполномочили его ходатайст-*

Интерьер Султановской мечети. Фото начала XX в.

зовать в сем деле. Сочувствуя такому ходатайству прихожан, он со всей готовностью принадлежащее ему пустопорожнее место предложил для устройства вновь соборной мечети, доставив чрез это всем бедным и престарелым магометанам беспрепятственно бывать для моления в мечети.

Предполагаемую мечеть обязуется устроить на свой счет, каменную, в чем по его желанию составлен казанским городовым архитектором Аникиным план и фасад на постройку. А потому объяснив о сем и представляя сказанный приговор, просим сделать распоряжение о разрешении»⁹¹.

Рассмотрев все представленные благотворителем документы, Оренбургское Магометанское Духовное собрание приняло резолюцию: «Препятствий не имеется». Далее все происходило достаточно гладко — Казанское губернское правление после рассмотрения и утверждения строительным отделением проекта 15 ноября 1866 г. «разрешило Усманову помянутую постройку мечети по утвержденному строительным отделением проекту, и для объявления о сем Усманову дало знать казанскому городскому полицейскому управлению 22 ноября за № 10694».

⁹¹ЦГИА РБ. — Ф.И-295. — Оп.3. — Д.6297. — Л.1-2об.

Таким образом, строительство мечети началось в ноябре-декабре 1866 г. и продолжалось чуть больше года. Интенсивность работ была вызвана желанием самого благотворителя, который, несмотря на наличие всех разрешающих документов, все-таки беспокоился за благополучный исход дела. Ходило слишком много слухов о недовольстве православных священнослужителей и некоторых высокопоставленных чиновников чрезмерной, на их взгляд, общественной активностью татарского купца, усилением ислама в «исконно русской» части Забулачья.

К сожалению, худшие опасения мудрого Зиганши-эфенди стали сбываться осенью 1867 г., когда казанский архиерей Антоний, известный своим предубеждением ко всему мусульманскому, обратился с пространной жалобой к обер-прокурору святейшего синода. В своем отношении от 27 октября 1867 г. за № 3476 он писал: «*В отношении к Вашему Сиятельству от 14 сентября текущего года за № 2930 о чрезмерном размножении мечетей в Казанской Епархии, имеющем весьма вредное здесь влияние, я между прочим упомянул, что в Казани их построено в Татарской слободе до 12, одна близ другой и против другой чрез одну лишь улицу явно без нужды. Из сих мечетей некоторые построены в недавнем только времени, вопреки указу 1747 года. Несмотря на сие, посетив в сентябре месяце Забулачную часть города для служения в находящейся там приходской церкви в честь Тихвинской иконы Божьей Матери, я к крайнему моему изумлению усмотрел, что строится и приводится уже почти к концу новая татарская мечеть, и притом в самом близком расстоянии от упомянутой Тихвинской церкви, чрез одну лишь улицу, и почти прямо против этой церкви. По собранным мною сведениям оказалось, что мечеть сию разрешено строить по желанию казанского татарина Усманова, не при настоящем, впрочем, начальнике губернии, на том основании, что не имелось будто бы в виду никаких законных оснований к воспрепятствованию сей постройки*»⁹². Далее епархиальный архиерей фактически обвинил прежнего казанского губернатора в нарушении статей 260, 262 строительного устава, допуская строительство новых мечетей только по «необходимости» и в случае, если не будет «соблазна в вере для живущих с магометанами христиан и новокрещеных татар». Возмущенный священнослужитель эмоционально убеждал свое начальство в том, что «*новая мечеть близ церкви... есть явное унижение для достоинства православной веры*»⁹³.

Завершая свое отношение, архиепископ просил обер-прокурора как представителя власти «*принять меры к тому, чтобы эту мечеть, по возможности без замедления, воспрещено было оканчивать постройкой, и то, что построено, или было разобрано, или, по крайней мере, обращено в обыкновенный жилой дом*»⁹⁴. Кроме того, он добавлял, что новый губернатор Н.Я.Скарятин (1821–1894) полностью разделяет его мнение.

Такое серьезное обращение влиятельного деятеля православной церкви не могло остаться без последствий. 20 февраля 1868 г. казанскому губернатору было дано указание разобраться с внезапно возникшей общественной

⁹² РГИА. — Ф.821. — Оп.8. — Д.659. — Л.1–3.

⁹³ Там же. — Л.3–3об.

⁹⁴ Там же.

коллизией. Надо отдать должное Н.Я.Скарятину, он сумел организовать быстрое и объективное рассмотрение всех обстоятельств этого скандального дела.

Через две недели, 14 марта 1868 г., министр внутренних дел получил подробный рапорт из Казани, в котором отмечалось, что строительство мечети производилось в строгом соответствии с законодательством и мусульмане нового городского прихода имеют все необходимые для этого документы. В материалах специально проведенного полицейского дознания также сообщалось, что Пятая каменная мечеть по тесноте помещения во время праздника мусульман не может вместить всех прихожан и потому весьма большое количество мусульман молилось вне мечети в ограде; что прихожан к Пятой каменной мечети одного мужского пола состоит 1044 человека; кроме того, считаются прихожанами к означенной мечети от 150 до 200 человек, работающих на фабрике купца Верина, где число людей неодинаково каждый год; что в г.Казани не было еще ни одного случая, чтобы кто-либо из лиц православного исповедания отпал в магометанство; что вновь выстроенная Усмановым мечеть находится на Тихвинской улице, где с обеих сторон без исключения идут дома татарские, русских же 11 домов состоят только внутри ограды Тихвинской церкви⁹⁵.

Н.Я.Скарятин высказал и свое собственное мнение: *«Остановка в постройке и затем уничтожение сказанной мечети повлечет только к раздражению умов магометан и что все репрессивные меры в делах религии неуместны»*⁹⁶. И, наконец, 12 июня 1868 г., в ответ на запрос Департамента духовных дел МВД от 30 апреля того же года, губернатор Н.Я.Скарятин, несколько уточняя слова архиерея, более четко обозначил свою позицию. *«Что же касается высказанного мною в разговоре с Антонием Архиепископом Казанским и Свяжским, — писал он в Санкт-Петербург, — мнения о строившейся в Казани новой каменной мечети, то, вероятно, Его Высокопреосвященство не совершенно понял меня, ибо я говорил, что нахожу число мечетей в г.Казани достаточным и полагаю, не разрешил бы постройку новой, хотя по числу татарского населения они имеют право ходатайствовать об этом, и хотя в Казани не было примеров совращения крещеных татар в магометанство, но когда уже разрешена была Усманову предместником моим постройка мечети и она выстроена каменная и доведена до крыши, то распоряжение о сломании ее лишь вредно подействовало бы на татарское население и таковая репрессивная мера раздражила бы его, не принеся никакой пользы»*⁹⁷.

Действительно, Н.Я.Скарятина невозможно заподозрить в каких-либо симпатиях к мусульманам. Вся его дальнейшая губернаторская карьера пройдет под знаменем жесткой, бескомпромиссной борьбы с татарским общественным движением и бесславно завершится необоснованными репрессиями по отношению к мусульманскому крестьянству в 1878–1879 гг. Однако в начале своей деятельности в должности губернатора, стараясь завоевать авторитет среди казанцев, он, безусловно, проявлял политический такт и выдержку, не давая эмоциям и амбициям дестабилизировать ситуацию в губернии.

⁹⁵ РГИА. — Ф.821. — Оп.8. — Д.659. — Л.9–9об.

⁹⁶ Там же. — Л.10.

⁹⁷ Там же. — Л.16.

В результате архиепископ Антоний фактически не нашел союзников среди высокопоставленного чиновничества и 25 июля 1868 г. получил из МВД отказ в удовлетворении ходатайства.

Казалось бы, для З.Б.Усманова вопрос получил благополучное разрешение. Однако продолжавшееся почти год разбирательство породило новые бюрократические трудности. Так, губернское правление, дожидаясь окончательного исхода дела и требуя личного разрешения министра внутренних дел, 18 марта 1868 г. отказалось утверждать на должности имам-хатиба новой махалли крестьянина дер.Гумерово Уфимского уезда Уфимской губернии Мухаммади Салихова, избранного прихожанами на общинном сходе еще в январе того же года. З.Усманов вынужден был написать 17 октября 1868 г. докладную записку на имя министра внутренних дел А.Е.Тимашева, в которой просил разрешить утверждение имама, чтобы мусульмане скорее могли воспользоваться результатами его благотворительной деятельности. *«Движимый чувством сострадания к своим единоверцам, — убеждал министра купец, — я изъявил полную готовность в этом деле, чтобы доставить через это возможность бедным и престарелым магометанам беспрепятственно бывать на богомолении в мечети, и для устройства оной предложил прихожанам принадлежащее мне пустопорожнее место, на котором я обязался на свой счет устроить вновь соборную мечеть, без всяких со стороны моих прихожан вспомоществований, которая и выстроена уже окончательно; хотя мечеть мною и построена, но в ней по настоящее время нет богомоления по неимению муллы»⁹⁸.*

Ровно через две недели, 30 октября 1868 г., из столицы в губернское правление пришло разрешение на утверждение М.Салихова в должности имам-хатиба Усмановской мечети. Так завершилась почти трехгодичная эпопея по созданию новой, восьмой по счету махалли в Казани.

Торжественное открытие Усмановской мечети состоялось 29 декабря 1868 г. В этот день в ней собрались все самые влиятельные и авторитетные жители Старотатарской слободы. Первое богослужение в храме провел выдающийся религиозный деятель, имам-хатиб Первой соборной мечети Ш.Марджани. В своей автобиографии он писал по этому поводу следующее: *«В четверг 14 Рамазана 1285/29 декабря 1868 года при открытии мечети Джиганшаха при стечении множества ученых и знатных людей города я в качестве имама прочитал полуденную молитву, проповедь и наставления, а также молитву в честь Царя»⁹⁹.*

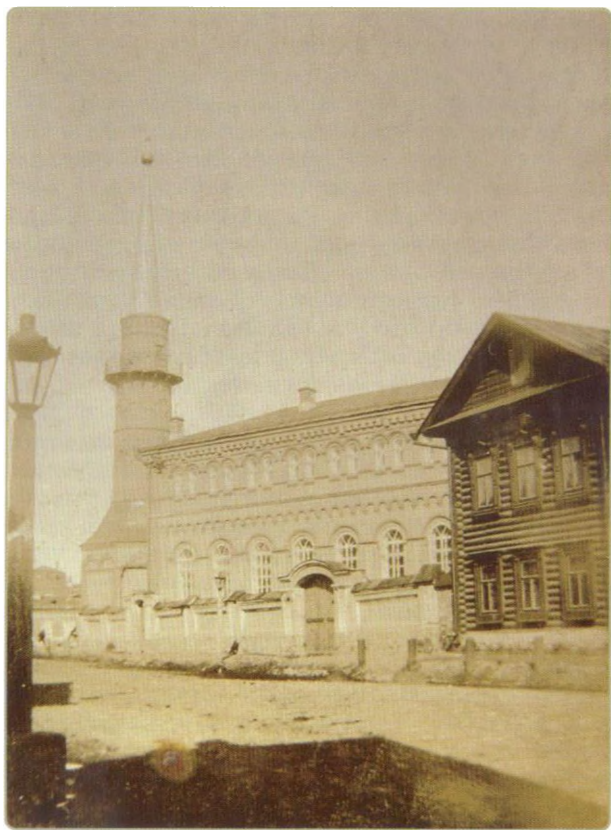
Кстати, Ш.Марджани очень уважительно относился к З.Б.Усманову за его милосердие и бескорыстие. Обычно сдержанный и даже несколько суровый Шигабuddin-хазрат, оценивая деятельность купца, не удержался от восклицания: *«Аллах свидетель, сколько добрых дел совершил этот человек!»¹⁰⁰.*

К сожалению, строительство мечети стало последним великим благодеянием Зиганши-бая. В 1870 г. он скончался и был похоронен при огромном стечении народа, который, по замечанию миссионера Е.Малова, был охвачен неподдельной скорбью.

⁹⁸ РГИА. — Ф.821. — Оп.8. — Д.659. — Л.21об.-22.

⁹⁹ Автобиография Шихабалдина Марджани // Эхо веков. — 2000. — № 3-4. — С. 120.

¹⁰⁰ Марджани Ш. Местәфадел-әхбар... — Казан, 1989. — 379 б.

Султановская мечеть. Фото конца XIX — начала XX в.

не только на нужды махалли, но и на помощь всем городским обездоленным. Купец был женат на двух женах — Марьям Мухамедьяровой (?–1904) и Зайнаббану Исхаковой (?–1908) и воспитывал приемную дочь Фахренису Менглыбаеву (?–1904), сына Тауфика (4.01.1907–?), дочь Марьям.

Махалля, опекаемая наследником Зиганши-бая, объединяла несколько городских кварталов Забулачья по красным линиям улиц Тихвинской, Фуковской, Б.Мещанской и Б.Варламовской. В 1910 г. здесь в 40 домах проживало 611 мусульман и 650 мусульманок¹⁰¹. Социальный состав прихода был достаточно пестрым. Практически бок о бок стояли дома имамов братьев Салиховых (ул.Г.Камала,17), мещанина А.Казанского (ул.Г.Камала,19), титулярного советника, бухгалтера порохового завода С.Г.Курманаева (ул.Г.Камала, 21), купца Х.Х.Квасникова (ул.Г.Камала,23), педагога Ш.Тагирова (ул.Г.Камала, 35. Здание не сохранилось) и многих других. Вместе с тем основным родом деятельности жителей махалли было предпринима-

После смерти З.Б.Усманова на протяжении двух десятилетий попечителями махалли были его братья Тагир и Мухаметшакир, а также друг и компаньон купца М.Галикеев. В начале девяностых годов XIX в. материальное обеспечение прихода взял на себя сын благотворителя Султанабдулгиз Зиганшевич Усманов (1868 — после 1917). Вот почему мечеть до сих пор известна нам под названием Султановская.

С.З.Усманов занимался мыловарением, торговлей сырьем и мануфактурой. Однако дела его шли не так успешно, как у отца. Годовой оборот семейного предприятия при нем снизился с 500000 до 25000 рублей. Постепенно молодому предпринимателю пришлось распродать и доставшиеся по наследству доходные дома общей стоимостью в 200000 рублей.

Тем не менее, несмотря на значительное уменьшение прибыли, С.Усманов продолжал жертвовать солидные средства

¹⁰¹ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.8464. — Л.3–4.

тельство. Некоторые из купеческих фамилий славились своим богатством далеко за пределами Казани: Сайдашевы, Апаковы, Бахтеевы. Один из преуспевающих коммерсантов прихода, отставной унтер-офицер Шакирзян Шамсутдинов (?–1911), известный среди мусульман под прозвищем Шакир Солдат, выстроил в конце XIX — начале XX в. рядом с мечетью прекрасный жилой комплекс (ул.Тукая, 14/16), половину которого, по некоторым сведениям, завещал своей общине. Кстати, помимо помощи С.Усманова и других преуспевающих мусульман, мечеть получала систематическую поддержку от приходского попечительства, которое контролировало доходы общинных финансов (600 рублей в Казанском отделении Государственного банка) и доходы от недвижимости (лавку и кладовые в ограде мечети с ежегодным доходом в 320 рублей). Одним из руководителей попечительства в начале XX в. был крестьянин дер.Кульбаш Царевококшайского уезда Казанской губернии, богатый торговец Хуснутдин Хасанов, проживавший в собственном доме на улице Фуксовской.

Вообще Усмановская (Султановская) махалля является историко-мемориальной территорией, где родился и жил драматург Г.Камал (ул.Г.Камала, 29; ул.Г.Тукая, 5), работала редакция журнала «Русия сәүдәсе» (Российская торговля — ул.М.Межлаука, 25), существовало прославленное медресе «Усмания» (ул.Г.Тукая, 3) и др.

Подлинной гордостью местных мусульман была династия имам-хатибов прихода. Как мы уже отмечали, первым муллой мечети в 1868 г. стал уроженец дер.Гумерово Уфимской губернии М.Салихов, исполнявший до этого обязанности проповедника в дер.Кара-Куюк Белебеевского уезда той же губернии. Авторитет этого священнослужителя как блестящего богослова и проповедника был настолько высок, что богатые татарские предприниматели неоднократно приглашали его вести службу в мечети на Нижегородской ярмарке.

В конце семидесятых годов XIX в. хазрат был избран заседателем (казием) в Оренбургское Магометанское Духовное собрание. В Уфе он сумел проявить блестящие качества организатора и лидера, заслужив у мусульман особое доверие за искреннюю и многогранную общественно-религиозную деятельность. После смерти муфтия С.Тевкелева М.Салихов занимал эту должность (1885–1886) вплоть до назначения на нее М.Султанова.

Высокообразованный священнослужитель М.Салихов занимал активную общественную позицию, которая отличалась непримиримостью к любым посягательствам на духовные права мусульман. Недаром известный миссионер Н.И.Ильминский в своем послании к К.П.Победоносцеву от 10 февраля 1884 г. характеризовал казиза М.Салихова как *«ученого фанатика и жестокого врага русско татарской школы»* и предлагал любым способом исклочь его из членов Оренбургского Магометанского Духовного собрания¹⁰².

Вернувшись в Казань, Мухаммади-мулла оказался в числе руководителей массового петиционного движения татар против принятия закона об образовательном цензе для мусульманских священнослужителей. Закон, основные положения которого были утверждены 12 июля 1888 г., обязывал

¹⁰² Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. — Уфа, 1996.

Султановская мечеть. Советское время

всех лиц, претендующих на звание имама и имам-хатиба, сдавать экзамены по русскому языку и на знание русской разговорной речи. Для большинства шакирдов, никогда не учившихся в государственных школах, это было просто не под силу. Конечно, Мухаммади-хазрат не мог мириться с такой несправедливостью и выступил против подобной языковой дискриминации. Вот что писал казанский губернатор в своем донесении в Министерство внутренних дел от 27 августа 1889 г., называя среди лидеров казанских мусульман «казанского купца Ахметзяна Яхьи́на-Сайдашева, который вместе с казанским муллой Мухаммадеем Салиховым (последний умер в мае месяце сего года) деятельно агитировали против Закона 16 июля 1888 г., подстрекая к подаче прошений об отмене означенного Закона, сначала от всех мусульманских приходов города Казани»¹⁰³.

Кстати, во время пребывания имама в Уфе его обязанности в Усмановской мечети исполнял зять, мулла дер.Султаново Сахабутдин Габделатифов. Затем бразды правления в приходе взял на себя старший сын М.Салихова — Гарифулла (9.10.1864–27.11.1915), получивший указ за № 6296 от 19 декабря 1885 г. Вторым муллой мечети 31 августа 1893 г. стал его младший брат Мухаметгариф (1870 — после 1931) — указ № 1907. Муэдзином

¹⁰³ НА РТ. — Ф.1. — Оп.3. — Д.7797. — Л.205–207.

махалли являлся крестьянин дер. Куам с починком Царевококшайского уезда Казанской губернии Абдулкадыр Гумеров (ум. 31.05.1884), избранный 22 января 1869 г., — указ № 689. Его 8 июля 1886 г. (указ № 3462) сменил сын Габдрахман (22.06.1864—7.05.1890). После смерти последнего от чахотки обязанности муэдзина мечети 31 декабря 1891 г. (указ № 6365) начал исполнять М.А.Абдулгафаров (1865—1921) — сын имама Азимовской мечети. В 1921 г. эту должность занял Шарифзян Ахметзянович Ибрагимов.

Братья Салиховы получили прекрасное богословское образование в знаменитом медресе дер. Кшкар и во всем старались следовать примеру своего отца. Известно, например, их настороженное отношение к джадидистским реформам и активная публицистическая деятельность на страницах мусульманской печати против радикальной и непродуманной европеизации национального образа жизни. В то же время эти два духовных деятеля не были противниками прогресса и многое сделали для развития в махалле, да и во всей татарской Казани, конфессионального образования нового типа, соответствующего требованиям буржуазного века.

История медресе «Усмания» неразрывно связана со строительством мечети. З.Б.Усманов с самого начала предусмотрел возведение комплекса учебных зданий, в котором могли бы получать образование дети новой городской махалли. Этот комплекс состоял собственно из учебного корпуса (ул. Г.Тукая, 3), доходного дома, находящегося в глубине дворового участка, и лавки, примыкающей к соседнему домовладению (ул. Тукаевская, 1). Доходный дом сдавался в аренду предпринимателям. Плата за аренду дома шла на хозяйственные и иные нужды медресе. Так, в начале XX в. дом арендовали коммерсанты — Тухватулла и Абдулзаббар Гадельшины. Ежемесячно они платили за аренду 96 рублей 35 копеек. Возможно, часть дома представляла собой общежитие для шакирдов¹⁰⁴.

Строительство комплекса зданий медресе завершилось в 1871 г., после смерти З.Б.Усманова. Следует отметить, что во время пожара 8 июня 1902 г., когда от огня пострадала практически вся татарская часть Забулачья, все строения «Усманий» сгорели. Учебным начальством были объявлены торги для строительства новых зданий училища.

В конце 1903 г. право на восстановление комплекса получил владелец строительной фирмы В.П.Шмелев, который в октябре-ноябре 1905 г. полностью завершил восстановительные работы¹⁰⁵.

Медресе «Усмания» являлось одним из самых авторитетных конфессиональных учебных заведений Казани. Несмотря на определенный консерватизм братьев Салиховых, оно одним из первых в городе перешло на новый метод обучения.

Дело в том, что на становление этого мусульманского училища большое влияние оказала государственная политика по распространению среди татар русского образования. Ее определяли меры, изложенные в журнальном постановлении Министерства народного просвещения от 2 февраля 1870 г. Третий пункт этих правил требовал следующее: «*Располагать магометанские общества к учреждению на собственные средства классов русского языка*

¹⁰⁴ НА РТ. — Ф.118. — Оп.1. — Д.43. — Л.4; Д.8. — Л.15—20.

¹⁰⁵ НА РТ. — Ф.118. — Оп.1. — Д.8. — Л.15—20; Д.43. — Л.3—7.

при мектебах и медресе, которые обязательно должны посещаться детьми до 10-летнего возраста, и не дозволять открывать новых мектебов и медресе без учителя русского языка на счет татарских обществ»¹⁰⁶.

Медресе «Усмания», возникшее после утверждения этих правил и находившееся поэтому под пристальным вниманием учебного начальства, не могло игнорировать их. Попечители медресе — купцы Т.Б.Усманов, М.М.Казаков (зять З.Б.Усманова), С.Галикеев, мударрис М.Салихов, несмотря на острое неприятие идеи преподавания в медресе русского языка, все же были вынуждены пойти на открытие русского класса при «Усмании».

Создалась парадоксальная ситуация, когда в типично кадимистском медресе с ортодоксально настроенным попечительством и педагогическим руководством возник класс, где представители городской татарской интеллигенции начали преподавать шакирдам «чуждый» язык. Причем все расходы по его содержанию были возложены на махаллю.

Впрочем, попечительство всеми силами старалось саботировать обслуживание класса, ссылаясь на нехватку вакуфных средств. Так, 24 июня 1872 г. инспектор татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа В.В.Радлов сообщал попечителю Казанского учебного округа: *«Допущенный на направление должности учителя русского языка при Османовском медресе в г.Казани Мирза Арслан Бек Хальфин доложил мне рапортом от 19 июня, что оставляет занимаемую должность по неисправности опекунов этой школы, которые не снабжают учеников книгами и другими принадлежностями и своевременно не удовлетворяют его жалованьем. Таким образом Усмановское медресе, несмотря на все мои старания, осталось опять без учителя русского языка.»*

Я мог убедиться, что опекуны действительно затормозили всеми возможными с их стороны исполнение Высочайшей воли и вынудили своими препятствиями Хальфина отказаться от должности учителя. Поэтому я покорнейше прошу Ваше Превосходительство: 1) чтобы медресе «Усмания» считалось закрытым и не дозволялось там жить шакирдам, не учиться приходским детям до тех пор, пока опекуны не дали бы обязательство на содержание учителя русского языка и на снабжение русского класса всем необходимым; 2) чтобы гражданское начальство принудило бы опекунов купцов Мухаметсафа Алкаева (Сафу Галикеева, Тагира Усманова и Мустафу Казакова. — Авт.) заботиться об исполнении Высочайшей Воли, что не представляет никаких затруднений, так как средства, оставленные покойным Усмановым, очень значительные»¹⁰⁷.

Явная угроза закрыть медресе вынудила попечителей составить особую подписку с обязательством содержать русский класс и учителя при нем. Мусульмане обещали выделить преподавателю 120 рублей серебром и еще 30 рублей серебром на учебные пособия. Однако вынужденное обязательство было напрочь забыто попечителями. Через два года, 2 октября 1874 г., В.В.Радлов вновь обратился к попечителю Казанского учебного округа с тревожным донесением: *«Ныне учитель медресе Шахбазгарей Ахмеров подал мне прошение о том, чтобы его уволить от исполнения учительской долж-*

¹⁰⁶ НА РТ. — Ф.1. — Оп.6. — Д.99. — Л.37.

¹⁰⁷ НА РТ. — Ф.92. — Оп.1. — Д.10972. — Л.7об.

Улица Т.Тукья и Султановская мечеть. Современный вид

ности, потому что опекун Г.Усманова, заведующий Усмановским магометанским училищем Мухаметсафа Галикеев за неимением доходных денег отказался платить жалованье»¹⁰⁸. Инспектор В.В.Радлов вновь предложил обязать мусульман махалли финансировать преподавание русского языка либо закрыть медресе.

Несмотря на постоянно достигаемые соглашения, скрытое противостояние попечительства медресе и учебного начальства продолжалось: русский класс при «Усмании» функционировал, но финансировался из рук вон плохо, его преподавательский состав часто менялся, а число учащихся было минимальным.

Такое шаткое положение сохранилось вплоть до 90-х гг. XIX в., т.е. до начала коренной реформы национального просвещения. Однако джадидистские преобразования, проводимые по инициативе и на средства национальной буржуазии, предусматривали не только применение нового звукового метода при обучении грамоте в мектебе и медресе, но и внедрение в учебный процесс специальных программ, в которых, наряду с традиционно богословскими, предусматривалось изучение светских наук.

В свете данной реформы изменилось и отношение мусульман к классам

¹⁰⁸ НА РТ. — Ф.92. — Оп.1. — Д.10972. — Л.28.

по преподаванию русского языка при мусульманских учебных заведениях и русско-татарским школам — детищам знаменитого журнального постановления Министерства народного просвещения от 2 февраля 1870 г. Характер этих изменений отметил в 1914 г. А.Максуди: *«Уже лет сорок как стали открывать для мусульман школы. Поначалу правительство очень старалось в этом деле. Но тогда мы, мусульмане, не понимали необходимости такого образования и противодействовали ему и по городам и по деревням. Тогда на этот счет имелось много сомнений и недоумения. После многочисленных опытов мусульмане городов поняли его значение, и для мальчиков, собиравшихся заниматься торговлей, промыслами и тому подобным, изучение русского языка стало обязательным. Вследствие этого в настоящее время нет ни одного города, в котором бы не было открыто для мусульманских детей школы, нет также способных и талантливых мусульманских детей, которые бы не изучали русского языка»*¹⁰⁹.

Медресе «Усмания» с русским классом при нем постепенно, под влиянием джадидистов, превратилось в один из таких педагогических центров Казани, где, помимо добротного богословского, шакирды стали получать и начальное образование на русском языке. Реформа в медресе произошла плавно, без каких-либо конфликтов и эксцессов. К этому времени поколение консервативно настроенных купцов-попечителей медресе сошло с общественной арены.

Самым внимательным и авторитетным человеком в махалле Усмановской мечети теперь считался купец 1-й гильдии Ахметзян Яхьич Сайдашев. Эта яркая и весьма противоречивая личность во многом определяла общественную жизнь татарской Казани того времени. Являясь непримиримым борцом, противником миссионерских устремлений правительства, резко выступая против административных методов в деле насаждения русского языка среди мусульман, он, тем не менее, понимал необходимость коренного переустройства системы национального образования, постепенного, эволюционного приобщения татар к достижениям мировой цивилизации. В начале 80-х гг. XIX в. А.Я.Сайдашев оказал большую помощь купцу М.И.Галееву в строительстве знаменитого новометодного медресе «Мухаммадия».

Вероятно, не без его участия новым попечителем медресе «Усмания» стал бухгалтер торговой фирмы А.А.Ишмуратова дворянин И.М.Яхьин, который, по характеристике инспектора народных училищ Казани, не жалел сил в деле образования мусульман. Он способствовал рациональному распределению финансовых средств махалли и государственных пособий на нужды медресе, принимал самое непосредственное участие в формировании педагогического коллектива.

Ближайшим сподвижником И.М.Яхьина в «Усмании» стал учитель русского класса, выпускник Татарской учительской школы Шарифулла Ахмеров — брат известного историка Гайнутдина Ахмерова. Этот необычайно талантливый педагог сумел сделать преподавание русского языка в медресе интересным и весьма эффективным делом. Теперь шакирды медресе шли на занятия не по принуждению, а по собственной инициативе, показывая в кон-

¹⁰⁹ Йолдыз. — 1914. — 25 февр.

Минарет Султановской мечети

це обучения неплохое знание русской разговорной речи, чистописания и чтения. В начале XX в. посещаемость русского класса при медресе достигла 60 человек. Тогда в помощь Ш.Ахмерову был принят учителем выпускник Малмыжского русско-татарского училища Самигулла Салихов, которому попечительство выплачивало довольно солидное годовое содержание в 360 рублей.

Постепенно И.М.Яхьин и Ш.Ахмеров, пользуясь безоговорочной поддержкой инспектора народных училищ А.Рождественского, стали проводить собственную учебную политику, не зависящую от воли приходских баев и духовенства. Этому способствовали болезнь мударриса Г.Салихова, банкротство и ослабление общественных позиций А.Я.Сайдашева. Так в 1909 г. принадлежащая этому купцу газета «Бэян эл-хак» (Разъяснение истины) развернула самую настоящую кампанию против слишком усердствовавших в обучении русской грамоте И.М.Яхьи́на и Ш.Ахмерова¹¹⁰.

Тем не менее попечитель и его сторонники соблюдали «золотую середину» и, вероятно, поэтому не вызвали массового недовольства в махалле. И.М.Яхьин огромное внимание уделял медресе «Усмания» и всеми силами старался укрепить его именно в качестве сугубо конфессионального учебного заведения.

Помимо братьев Салиховых вероучителями в «Усмании» работали выпускник медресе «Мухаммадия», уроженец дер.Айбаш (ныне — Высокогорский район РТ) Сурахутдин Губайдуллин, выпускники «Усмании» — Низамутдин Амирханов (ум. в 1911) и Зинатулла Булатов. О последнем инспектор А.Рождественский говорил следующее: *«Выдаваясь за время обучения в медресе своими успехами, Булатов, еще будучи учеником школы, помогал вероучителям в преподавании вероучения. По окончании курса он был допущен в качестве помощника вероучителя в том же медресе и своим умелым преподаванием заслужил полное доверие прихожан и одобрение мударриса Усмановской мечети»*¹¹¹. По всей видимости, Зинатулла Булатов — уроженец дер. Энтуганово Буинского уезда Симбирской губернии, считался любимым учеником и преемником Г.Салихова.

По данным на 1910 г., медресе «Усмания» по количеству преподавателей (7) и по количеству учащихся (120) занимало почетное третье место среди 12 медресе Казани, уступая по этим показателям Апанавскому медресе и медресе «Мухаммадия». Причем преподавательский коллектив в Апанавском медресе был чуть больше, тогда как количество учащихся не превышало количества обучающихся в «Усмании»¹¹².

Организация учебного процесса в «Усмании» практически не отличалась от других мусульманских средних учебных заведений. Двенадцатипятигодичный курс этого медресе распределялся по трем отделениям (4 года каждый): 1) «ибтидаия» (мектеб); 2) «рушдия» (средняя ступень) — младшее отделение медресе; 3) «игдадия» (подготовительная ступень в высшее мусульманское учебное заведение) — старшее отделение медресе¹¹³.

¹¹⁰ Бэян эл-хак. — 1909. — 7 апр.

¹¹¹ НА РТ. — Ф.160. — Оп.1. — Д.1576. — Л.6.

¹¹² НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.8464. — Л.1-14.

¹¹³ В Казани только медресе «Мухаммадия» давало высшее богословское образование.

В «ибтидаи» «Усмании» обучалось до 60 шакирдов, которые формировали три учебные группы (каждая по 20 человек). Так выглядело недельное расписание занятий:

Суббота — алифба (азбука), арабская грамматика.

Воскресенье — хадис (изречения Пророка).

Понедельник — диктовка.

Вторник — гакаид (догматы веры).

Среда — таглимуль-мутагазим (письменные изложения правил поведения).

Четверг — Коран.

Пятница — выходной день.

Занятия проводились с 8 до 11 утра. Все три группы слушали курс одновременно. Преподавал один хальфа (учитель) С.Губайдуллин.

Зинатулла Булатов вел уроки в «рушдии» с 8 до 12 утра. Шакирды здесь изучали уже другой комплекс предметов:

Суббота — Коран, история, диктант.

Воскресенье — хадис, хифаз (устное изучение части Корана).

Понедельник — Коран, гакаид, тахарат (правила омовения).

Вторник — хадис, намаз, правописание.

Среда — Коран, тахарат, правописание.

Четверг — повторение пройденного за неделю.

Пятница — выходной день.

В «игдадии» на завершающей ступени среднего мусульманского образования довольно сложные теоретические предметы преподавали сами мударисы Г. и М.Салиховы. Занятия они вели с 9 до 11 утра. Расписание их занятий:

Суббота — мухтасар (божественные законы), мишкат (изречения Пророка).

Воскресенье — гавамил (арабская грамматика), мухтасар.

Понедельник — мухтасар.

Вторник — гавамил, фараиз (наследственное право).

Среда — мухтасар, кафия (арабская грамматика).

Четверг — тафсир (объяснение Корана).

Пятница — выходной день¹¹⁴.

Судя по расписанию, «светские» науки в медресе «Усмания» не изучались. Однако практически все богословские предметы шакирды постигали с помощью учебников казанских мулл и мугаллимов-новометодистов Г.Баруди, А.Максуди, Г.Забири, Х.Абузярова, Ш.Ахмерова, братьев Шараф и др. Всего в учебном процессе использовалось 35 учебников¹¹⁵.

Как мы уже отмечали, неплохой курс общеобразовательных предметов в медресе «Усмания» по программе начальной школы давал русский класс, финансируемый как махаллей, так и государством. Здесь работали учителями Ш.Ахмеров и С.Салихов. Шакирды посещали класс по желанию, и только после прослушивания обязательных богословских дисциплин в медресе. Поэтому русский класс функционировал с 11–12 утра до 3 дня. Расписание его строилось следующим образом:

¹¹⁴ НА РГ. — Ф.160. — Оп.1. — Д.1576. — Л.210–211об.

¹¹⁵ НА РГ. — Ф.160. — Оп.1. — Д.1461. — Л.20–30об.

Суббота — чтение, грамматика, чистописание, арифметика.

Воскресенье — чистописание, грамматика, арифметика, диктант.

Понедельник — грамматика, самостоятельное чтение, арифметика.

Вторник — чтение, грамматика, арифметика.

Среда — чтение, чистописание, арифметика.

Четверг — грамматика, письменное изложение, чистописание, диктант.

Пятница — выходной день.

По уровню организации учебного процесса и направленности обучения медресе «Усмания» в начале XX в. считалось одним из лучших в Казани. Это признавал даже сам попечитель Казанского учебного округа, который 24 ноября 1911 г. в письме на имя директора народных училищ Казанской губернии подчеркивал: *«Преподавание в Усмановском медресе идет по новому методу, в курс введены общеобразовательные предметы. Названное медресе вместе с Галеевским («Мухаммадия». — Авт.) является в Казани школой новаторского типа, националистического направления...»*.

После установления Советской власти медресе «Усмания», как и другие городские конфессиональные учебные заведения, было закрыто, а весь комплекс зданий его передан коммунальным службам Казани.

Революция 1917 г. положила начало новым изменениям в жизни мусульман России. Политика Советского государства в отношении религии вплоть до конца 80-х гг. XX в. придерживалась четкой стратегической цели — искоренения религиозного мировоззрения из сознания народа. Однако тактика ее достижения менялась в зависимости от внутренних и внешних условий.

Так, первые десятилетия Советской власти характеризовались относительно спокойным существованием исламской идеологии и ее носителей в государстве. Зарегистрировавшись, любая община могла почти беспрепятственно удовлетворять свои религиозные нужды. Устав религиозного общества Восьмой мечети был зарегистрирован в 1923 г., а численность ее прихожан достигала 2600 человек.

Государство, заинтересованное в спокойной обстановке после революции и гражданской войны, внешне проявляло лояльность к мусульманам. Венцом уступок многомиллионному мусульманскому населению стало постановление ЦИК и СНК СССР (октябрь 1923 г.) о разрешении преподавания религии. Постановление дало возможность открывать религиозные школы по всей стране. К 1 апреля 1926 г. только по Татарстану их количество достигало 680 с общим количеством 17500 учащихся.

Уже в октябре-ноябре 1925 г. приходы Казани провели общие собрания верующих, на которых были приняты решения о ходатайстве об открытии школ. В январе-феврале 1926 г. разрешения были выданы почти всем мусульманским обществам столицы. Не оказалась в стороне от дела просвещения молодого поколения и мечеть восьмого прихода, разрешение на преподавание в которой было выдано на имя муллы М.Салихова и муэдзина Ш.Ибрагимова. Права открытия школы в мечети приход добился и на следующий год: занятия (Коран и гакайд) проводились 4 раза в неделю (понедельник, вторник, среда и воскресенье) с 4 до 6 часов вечера, их вел Ш.Ибрагимов¹¹⁶.

¹¹⁶ НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп. 1. — Д.21.

Однако с 1927 г. в отношении государства к исламу стала доминировать тенденция подавления. Конец 20-х гг. XX в. был ознаменован усилением как идеологических антиисламистских кампаний, так и административно-репрессивным давлением на религию, что было неразрывно связано с процессами утверждения в обществе тоталитарного режима.

Под волну борьбы с «кулаками», «буржуазными националистами», «шпионами» и т.д. попали и без того бесправные служители культа. Только по Татарстану число представителей мусульманского духовенства, подвергшихся репрессиям, составляло свыше 300 человек.

В 1928 г. был арестован муэдзин Султановской мечети Шарифзян Ахметзянович Ибрагимов (1883-?). Он был привлечен к следствию по делу так называемой религиозно-националистической организации молодежи «Хакыйкатъ Йолдызы» (Звезда Правды), существовавшей в Казани с 1927 г. и издававшей рукописный журнал «Ислам Баласы» (Дитя Ислама). По нему проходили ряд других лиц, руководителей — имам Казаковской мечети Гаяз Якупов, Кадир Закиров, Зуфар Абдуллин. Все они обвинялись в создании этой нелегальной организации, оказании ей моральной поддержки, предоставлении помещения для собраний, активном сотрудничестве в журнале.

Решением Коллегии ОГПУ от 27 августа 1928 г. Ш.Ибрагимов был сослан в концлагерь на 3 года. Однако после отбытия наказания дело было пересмотрено. Постановлением от 14 января 1932 г. он был отправлен в ссылку в северные края на 3 года.

После возвращения в Казань Ш.Ибрагимова в марте 1936 г. вновь арестовывают вместе с муэзином мечети «Марджани» М.Сабитовым. Допросы обвиняемых и свидетелей (среди них был и имам-хатиб Первой мечети М.-К.Салихов), очные ставки не внесли особой ясности в дело: служители культа не признались в предъявленных им обвинениях. После составления обвинительного заключения документы были направлены в Особое совещание НКВД СССР, которое признало их виновными в распространении слухов о войне, смене власти, в выступлениях против стахановского метода, антисоветской агитации по поводу снижения цен на продукты питания, распространении провокационных слухов о положении рабочих, ненадежности тыла СССР, в усилении религии путем увеличения посещаемости мечети женщинами и детьми и насильственном обучении и т.п. М.Сабитов был направлен в ИТЛ Красноярска на 3 года, а Ш.Ибрагимов — в Караганду (освобожден 24 сентября 1938 г.). Ш.Ибрагимов скончался в начале войны. В начале 1990-х гг. его сын, известный композитор, заслуженный работник культуры РТ — Сафьян Шарифзянович Ибрагимов добился реабилитации своего отца.

В 1931 г. был репрессирован имам-хатиб мечети М.М. Салихов (р. в 1876). Единственным оставшимся в живых свидетелем этого события является его приемный сын — Гусман Шайхуллович Шайхуллин, уроженец с.Б.Кульбаш (ныне — Зеленодольский р-н РТ), из которого происходят его родной отец Шайхулла Максудов и дед Сафиулла Максудов, бывший мулла в том же селе (у них общий предок с известными общественными деятелями начала XX в. Ахметхади и Садри Максуди). После смерти отца в 1917 г. мать Г.Шайхуллина, 36-летняя Диляфруз, выходит замуж за имама Усмановской мече-

ти М.Салихова¹¹⁷. Гусман вместе с матерью и братьями — Гумером и Гали — переехали жить в Казань, где Салиховы жили в двухэтажном доме рядом с мечетью (ул. Фуксовская, 17).

Из воспоминаний Г.Шайхуллина: «Второй отец очень полюбил нас и воспитал в мусульманском духе. Он брал нас с собой в мечеть, где мы вместе с ним молились и слушали его красноречивые смелые проповеди». Последний раз 16-летний Гусман видел отца летом 1931 г.: «На моих глазах возвращавшегося с лечения из г. Ессентуки отца арестовали прямо на пристани и пешком повели по улицам города до здания НКВД». М.Салихов был арестован в июле 1931 г. по делу так называемой «мульско-купеческой контрреволюционной группы в Казани». По нему было привлечено 13 лиц, среди которых были имам Девятой мечети Абдулла Бадыгов, сын имама Красной мечети Г.Салихова — Мухамет и ряд представителей торговой буржуазии. Главными обвиняемыми по делу стали казанский мухтасиб С.Иманкулов и М.Салихов.

Из следственного дела: «Мухтасиб Иманкулов был тесно связан с муллой Гарифом Салиховым, и в доме последнего устраивались собрания мулл. Например, такое совещание у Салихова состоялось летом 1930 г. в связи с приездом в Казань Кашафутдина Тарджеманова. Антисоветская деятельность Иманкулова и Гарифа Салихова выражается в систематическом произнесении в мечети проповедей явно антисоветского характера. В своих горячих проповедях Иманкулов и Салихов, делая резкие антисоветские выпады, говорили, что весь народ сейчас «испортился» благодаря существованию Советской власти, что существующий «беспорядок» есть наказание за гонение на религию и что безбожники неминуемо должны погибнуть. После проповедей они произносили громкие молитвы об установлении на земле «порядка» и о ниспослании краха безбожникам»¹¹⁸.

Из протокола допроса Салихова 8 июля 1931 г.: «С проповедями в мечети я действительно выступал часто; когда я читал свои проповеди, я хорошо знал, что ваши люди там присутствуют, однако проповедей, направленных против Советской власти, я не читал. Я, например, в своих проповедях говорил верующим, что они плохо исповедуют законы религии и что поэтому Бог сейчас их наказывает, отбирая у них вещи и имущество»¹¹⁹.

После ряда допросов было решено перевести Салихова «в интересах следствия в арестное помещение при ГПУ ТР, обеспечив строжайшую его изоляцию». Однако это сфабрикованное по популярным статьям (58-10, ч. II и 58-11 УК) дело было закончено лишь к марту следующего года. Решением Коллегии ОГПУ от 26 марта 1932 г. были признаны виновными 8 человек, из которых М.Салихов был приговорен к 5, а его племянник — Мухамет Салихов к 3 годам заключения в концлагере, где оба скончались. Все обвиняемые реабилитированы в августе 1989 г.

Последним муэдзином Красной мечети был Камиль Зарипов. Он родился в 1899 г. в дер. Н.Челны Алькеевского района в семье муллы (отец его, хаджи, исполнял обязанности имам-хатиба в деревне вплоть до своей смерти

¹¹⁷ НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп.1. — Д.7. — Л.93; Д.1. — Л.66.

¹¹⁸ НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп.1. — Д.7. — Л.93; Д.10. — Л.100-101.

¹¹⁹ Саматов Г. Милләтебездә дин тарихы. — Казан, 1998. — 138-141 б.

Махалля Султановской мечети. Современный вид

в 1924 г.). С 1910 по 1917 гг. К. Зарипов учился в сельском медресе, затем работал в деревне, с 1921 г. — помощник муэдзина в Красной мечети.

Доносы на К.Зарипова от осведомителей о его так называемой «антисоветской» деятельности начали поступать уже с 1930 г. В архиве КГБ РТ на его имя находятся два дела, заведенные органами ОГПУ НКВД в 1932 и 1937 гг. 9 июля 1932 г. выдан ордер на его первый арест, а 26 августа выдвинуто обвинение: «принимал активное участие в антисоветской деятельности мульско-купеческой группировки».

В вину Зарипову вменялось то, что он был знаком с широким кругом антисоветских людей. Например, Камиль-муэдзин имел родственников за границей (по его собственным показаниям, в Мекке жили его сестра, дядя и двоюродные братья), был знаком с представителями московского духовенства — Абдуллой Сулеймановым, Абдуллой Шамсутдиновым и общался с мюридом казанского Гали-ишана — Б.Сиразетдиновым (последний является родственником Зарипова по линии матери), со своим земляком М.Муртазиным (разрабатывался ОГПУ как «главарь бандитской шайки»), бывшим членом Государственной думы Г.Бадамшиным, ленинградским муллой К.Салахутдиновым, бывшим членом контрреволюционной организации татарской молодежи «Хакыйкаты Йолдызы» А.Сагеевым, всеми мусульманскими деятелями Казани. «Состоя в течение 10 лет муэдзином 8 прихода, Зарипов Камиль был тесно связан с муллой этого же прихода Гарифом Салиховым,

который, являясь элементом, чрезвычайно враждебно настроенным к Советской власти, еженедельно выступал в мечети с проповедями явно контрреволюционного характера». В 1931 г. К.Зарипов «в целях освещения деятельности лиц, входящих в круг его связей, и освещения иногородних связей казанских контрреволюционеров» был завербован ОГПУ. Однако сотрудничать не стал, более того, дезинформировал органы¹²⁰.

Предъявленные муэдзину обвинения рассматривались по статьям 58-10, ч. II (по ней проходило большинство представителей духовенства) и 121 УК. Но это дело, как и другие политические дела, было «натянuto»: К.Зарипов ни в чем себя виновным не признал, а допрошенные свидетели ничего существенного не показали. Основанием к осуждению, таким образом, послужили лишь оперативные материалы, которые, согласно ст.58 УПК РСФСР, доказательством не являются.

Решением Коллегии ОГПУ от 16 декабря 1932 г. Зарипов признан виновным и заключен в концлагерь на 3 года. Служитель культа отбыл срок наказания в Темниковских лагерях (с.Явас Мордовской области). Но на этом его гонения за религиозные убеждения не кончились. Наступал 1937 г.

Вернувшись из тюрьмы, К.Зарипов работал сторожем в одной из стоматологических поликлиник Казани, а также, пользуясь авторитетом среди верующих, неофициально исполнял некоторые обряды.

16 октября 1937 г. он был снова арестован. На этот раз его дело было сфабриковано в минимальные сроки: 25 ноября допрошены свидетели, 26 ноября — он сам, 28 ноября составлено обвинительное заключение, а на следующий день — постановление «тройки». Зарипов снова обвинялся в контрреволюционной пропаганде, ему приписывались общие для того времени фразы антисоветского содержания: *«используя религиозные предрассудки верующих, систематически вел антисоветскую агитацию, распространял провокационные контрреволюционные измышления о якобы имевших место забастовках рабочих в Москве и других городах СССР, выражал террористические намерения против тов. Сталина»*. Уже 29 ноября 1937 г. «тройка» НКВД ТАССР вынесла постановление — заключить в исправительно-трудовые лагеря на 10 лет¹²¹.

С места заключения (Медвежья Гора, Беломоро-Балтийский ИТЛ) Камиль-муэдзин подал апелляцию на имя Л.П.Берия. На ее основании вторично были допрошены несколько свидетелей, однако в ходатайстве о пересмотре дела было отказано.

Добиться справедливости К.Зарипову удалось лишь в начале 1960-х гг. Отбыв срок «от звонка до звонка», он смог ходатайствовать о реабилитации только в 1960 г. Пересмотр дела показал, что Зарипов «осужден по сфальсифицированным документам. К моменту его ареста в деле не имелось никаких данных, свидетельствующих о совершении преступления... Зарипов виновным себя не признал... По делу после ареста допрошено всего два штатных свидетеля, показания их неконкретны».

Анализ других архивно-следственных дел показывает, что оба этих так называемых «штатных» свидетеля допрашивались в 1937 г. по большому

¹²⁰ НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп.1. — Д.31. — Л.93-94.

¹²¹ Там же. — Д.93. — Л.10.

количеству политических дел и давали ложные показания, на основе которых несколько людей были приговорены к высшей мере наказания.

Таким образом точно установлено, что проводивший следствие сотрудник НКВД, лейтенант госбезопасности, занимался фальсификацией документов. Постановлением Президиума Верховного суда ТАССР от 19 января 1961 г. дело в отношении К.Зарипова прекращено¹²².

Муэдзин мечети восьмого прихода К.Зарипов прожил свои последние дни в г.Зеленодольске.

Физическое уничтожение влиятельного слоя исламского общества, рядом мусульманских духовных управлений, закрытие приходов и мечетей все это нанесло непоправимый ущерб развитию российского ислама. Аресты и расстрелы служителей культа, приход им на смену неквалифицированных кадров привели к значительной утрате преемственности религиозных традиций между поколениями.

В это сложное время под каток репрессий попали не только люди, в конце 20–30-х гг. XX в. начинается кампания тотального закрытия зданий культа «по инициативе трудящихся», самым печальным итогом которой было то, что лишь незначительная часть мечетей и церквей использовалась для нужд развития культуры и просвещения. Огромное число храмов пришло в негодность вследствие «хозяйственного» использования: мечети использовались как зернохранилища, склады, мастерские и даже свинарники.

К концу 1931 г. было закрыто уже десять мечетей города Казани. В 1931 г. начинается активная агитация за передачу Усмановской мечети в хозяйственное пользование. От имени рабочих и служащих объединений промышленно-торговых предприятий детской комиссии готовятся необходимые заявления и петиции, собираются подписи, общее число которых достигло 8 тысяч. В одном из таких ходатайств «рабочие» ссылаются на трудное положение производственными площадями: *«...находимся в настоящий момент в совершенно не подходящих помещениях, где бы можно было выполнить принятые нами обязательства по выполнению производственных планов, из-за отсутствия сейчас детей-беспризорников и плохо обеспеченных рабочих и служащих 400 человек, из них до 30 % татар, из которых должны выковываться кадры будущей квалифицированной силы»*¹²³. В этот период многие мечети и церкви были закрыты по фиктивным просьбам рабочих, с подачи «воинствующих безбожников» разного уровня.

1 ноября 1931 г. этот вопрос был рассмотрен на заседании Президиума Казгорсовета, а уже 11 ноября постановление о закрытии Усмановской мечети и передачи ее на общественные цели принято Секретариатом ТатЦИКа.

До середины 1960-х гг. здание мечети занималось под промышленное производство (кожгалантерейная фабрика), а затем в нем обучались учащиеся профтехучилища. В соответствии с Постановлением Совета Министров ТАССР № 601 от 23 сентября 1981 г. мечеть признана памятником архитектуры, однако возвращение ее мусульманам произошло лишь в 1990-х гг. Тысячи жителей Казани, среди которых были Абдрахман Загидуллин, Габдул-

¹²² НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп.1. — Д.15, 34, 41, 44, 81.

¹²³ Архив УФСБ по РТ. — Д.8932. — Т.1. — Л.673.

зиз Гайфуллин, Камиль Бикчентаев и другие, начали ходатайствовать о передаче храма религиозной общине.

Активное участие в процессе возвращения Усмановской и многих других мечетей Казани принял Г.Г.Гайфуллин (р. в 1925), уроженец с.Б.Сулабаш (ныне — Высокогорский район РТ). Старый фронтовик, он после выхода на пенсию полностью посвятил себя религиозной деятельности. С конца 1980-х гг. Габдулгазиз-ага входит в состав мутаваллията мусульманского религиозного общества пос. Дербышки и является одним из инициаторов строительства мечети в этой части города. В 1990 г. он был избран членом мутаваллията МРО при мечети «Марджани», а затем и председателем ревизионной комиссии.

По его словам, в начале 1990-х гг. мечеть «Марджани» не могла вместить всех желающих — настолько бурным было мусульманское возрождение. Уже тогда среди мусульман Казани начали говорить о насущной необходимости нового культового здания. Финансовое положение позволяло осуществить даже проект целого мусульманского комплекса с мечетью, гостиницей, домом престарелых и интернатом для детей. Однако по различным причинам продолжение дела не последовало. Тем более что пожилое поколение верующих, среди которых были авторитетные хазраты Габдулхабир Яруллин и Ахмадзаки Сафиуллин, рекомендовали не тратить такие огромные средства, а добиться от государства возвращения исторических мечетей столицы верующим. При непосредственном участии Г.Гайфуллина религиозным обществам были переданы многие мечети, среди которых была и Усмановская.

Этот процесс проходил неоднозначно. Нужно было подобрать подходящее помещение для выселяемых из храмов организаций. Однако старания ветерана не пропали даром.

Охранным договором № 9 от 15 мая 1995 г. Министерство культуры РТ передало здание Усмановской (Султановской) мечети мусульманской общине в бессрочное безвозмездное пользование. Чуть позже, 4 октября 1995 г., прихожане зарегистрировали и религиозное учебное заведение — Казанское высшее исламское медресе при мечети «Солтан».

Мечеть восстанавливали очень долго. Этот процесс продолжается до сих пор. «Промышленное» прошлое мечети отрицательно сказалось на ее состоянии: в упадок пришли как внешний фасад с оградой, так и интерьер (последнее финансирование реставрации мечети из республиканского бюджета осуществлялось в 1990–1993 гг.). Не получая практически никакой помощи, здание ремонтировали не только на собственные средства, но и буквально своими руками (например, почти все ремонтно-строительные работы выполняли сам К.Бикчентаев и его брат Тахир). Здесь необходимо подробнее остановиться на личности нынешнего имам-хатиба Султановской мечети, который не только возрождал историческую махаллу на протяжении многих лет, но и сегодня продолжает активно заниматься вопросами духовно-нравственного просвещения, мечтает о создании мусульманского благотворительного комплекса в пределах одного из заповедных кварталов города.

Камиль-хазрат Бикчентаев родился 8 августа 1956 г. в дер.Степные Енали Буинского района. С раннего детства знал мусульманские обряды, переданные ему родителями и бабушкой. Уже в школьные годы мальчику приходилось выслушивать обидные замечания по поводу своих убеждений. Од-

Султановская мечеть. Вид со стороны улицы Т.Камала

нако вера в нем не угасла, а с годами лишь окрепла. Твердо стоявший на своих жизненных принципах К. Бикчентаев, вернувшись из армии, решил полностью посвятить себя служению Аллаху и в 1977 г. поехал в бухарское медресе «Мир-Араб».

Возвратившись на родину в 1983 г., он, по направлению Т. Таджутдина, стал имам-хатибом мечети Бугульмы. Молодой священнослужитель развернул активную проповедническую и образовательную деятельность. Однако вскоре мулла по приглашению ижевских мусульман отправился в столицу Удмуртии. К. Бикчентаев уезжал туда со спокойной совестью: на смену себе за год он вместе с другими религиозными деятелями сумел воспитать шесть имамов. В 1985 г. священнослужитель вернулся в Казань и служил имам-хатибом мечети «Марджани». Деятельный по своей натуре человек, Камиль-хазрат решил не останавливаться на достигнутом и усовершенствовать себя в религиозных науках.

В 1989 г. он отправился в Иорданию, где поступил в Королевский университет. Успешно закончив его в 1994 г., К. Бикчентаев приезжает в Казань и сразу включается в религиозную жизнь города. Много сделавший для возвращения Султановской мечети мусульманам, Камиль-хазрат становится в ней имам-хатибом.

Мусульманская община Усмановской мечети принимает самое деятельное участие в религиозной жизни Казани. Небольшое медресе готовит будущие кадры духовенства, самих служителей постоянно приглашают на различные светские мероприятия. При мечети работает мусульманская столовая, где в месяц рамазан можно отведать различные блюда мусульманской кухни. Большое внимание уделяется распространению религиозной литературы.

Особую заботу мусульманской общины всегда составляли дети. Для них устраиваются различные конкурсы на знание Корана с вручением ценных подарков и благотворительные акции. Мечта Камиль-хазрата — школа-интернат для детей-сирот. Пока это дело не сдвигается с мертвой точки, так как здесь озабочены послешкольным устройством молодежи (определение в вуз, обеспечение жильем), которое нельзя решить без крупной спонсорской или государственной поддержки.

В 2001 г. под редакцией К. Бикчентаева вышло коллективное издание — «Балаларга үгет-нәсыйхәт» (Наставления детям). В этой книге на основе произведений Р. Фахретдина и Г. Кая популярным образом изложены правила поведения для детей в повседневной жизни, обязанности их по отношению к родителям, семье, обществу, Родине и т.д. Причем возможность использования этого труда в учебно-воспитательном процессе учреждений образования была рассмотрена Министерством образования РТ с участием Института повышения квалификации учителей и Казанского государственного педагогического университета. Специалистами этих учреждений данная книга получила высокую оценку и была одобрена для использования в школах, гимназиях и т.д.

Как мы уже отмечали, есть у Камил-хазрата заветная мечта — восстановить вековые традиции махалли, завещанные ее благотворителями Зиганшой и Султаном Усмановыми, возродить былую славу медресе «Усмания», продолжить дело мударисов Салиховых. Здесь, безусловно, необходима го-

сударственная поддержка как в передаче общине значимых зданий квартала — дома Салиховых, 1899 г. постройки (ул. Г.Камала, 17), доходного дома Ш.Шамсутдинова (Шакира Солдата) (ул.Г.Тукая, 14), так и в создании детского интерната и других богоугодных заведений. Иначе и не должно быть. Страна, начинающая новую историю, провозглашающая великую ценность человеческой жизни и приоритет гражданских свобод, сегодня нуждается во всеобщем стремлении к милосердию, духовному просвещению и нравственному воспитанию.

§ 9. Короткий век Казаковской мечети

Казаковская мечеть («Двенадцатая соборная» — здание не сохранилось). Многие из современных казанцев не представляют, как выглядел и где находился этот замечательный памятник мусульманской культовой архитектуры, безжалостно уничтоженный в 1975 г. при строительстве помпезного советского проспекта на месте тихих и провинциальных кварталов Старотатарской слободы.

Одна из самых поздних мечетей дореволюционной Казани, располагавшаяся на пересечении современных улиц К.Тинчурина и Татарстан, неразрывно связана с историей нескольких знаменитых купеческих династий, проповеднической и педагогической деятельностью известных священнослужителей и религиозных просветителей. В XVII–XVIII вв., до регулярной планировки города, в этом районе, на окраине старой слободы, существовало древнее мусульманское кладбище, где нашли свой последний приют представители самых старых и уважаемых семейств — Апанаевых, Чукиных, Субаевых, Замановых и других. Однако к середине XVIII столетия, с возникновением Новотатарской слободы, когда мусульманская часть губернского центра расширилась от Плетеней до Булака, в районе современной 5-й городской больницы было открыто новое большое татарское кладбище, именовавшееся в народе «кладбищем между двух слобод». Между тем старый зират обступили многочисленные дома, и он, потеряв свое прежнее предназначение, постепенно превратился в большой пустырь в центре города, который по понятным причинам не мог использоваться в хозяйственных целях.

Такая ситуация, конечно, не устраивала местное духовенство и купечество, которые, тревожась за судьбу священной для казанских мусульман земли, во второй половине XIX в. обратились с просьбой к городским властям о выкупе ее в собственность общины. Главным инициатором этого благородного дела и активным ходатаем стал казанский купец 2-й гильдии, потомок династии Аитовых-Замановых — М.С.Аитов. Он выделялся среди местного купечества своими ярко выраженными интеллектуальными увлечениями — очень любил историю, собирал различные предания и устный материал, касающийся прошлого татарского народа, был другом и единомышленником Ш.Марджани. Много времени предприниматель посвящал и общественной работе, являясь гласным городской думы. Этот неравнодушный и энергичный человек, возглавив общественную кампанию в 1874–1875 гг., сумел

Здание Казаковской мечети. Фото конца XIX – начала XX в.

добиться разрешения на покупку этого участка земли под строительство соборной мечети. После завершения купчей крепости в феврале 1875 г. мусульмане Старотатарской слободы составили приговор о своем согласии с решением потомственного почетного гражданина Мухаметзяна Назировича Казакова построить за свой счет на месте старого татарского кладбища каменную мечеть¹²⁴.

Таким образом, два крупных предпринимателя открыли новую страницу в истории татарской Казани. Огромную помощь в организации строительства купцам оказал Ш.Марджани, горячо поддержавший идею возведения нового храма. Именно он рассчитал для него «кыйблу» — направление на Мекку и благословил начало строительства.

Фундамент мечети был заложен в мае 1875 г. Сам имам впоследствии вспоминал, что первый день был не совсем удачный: несмотря на то, что у мастеров и рабочих было все готово для закладки основания мечети, было решено перенести это событие из-за сильного дождя на следующее утро. В дальнейшем из-за каменисто-песчаной почвы пришлось отступить от перво-

¹²⁴ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.735. — Л.1-7.

начального проекта и выбрать несколько иное положение здания, что привело к некоторой погрешности в «кыйбле». Тем не менее, не испытывая проблем с деньгами, материалами и рабочей силой, мечеть выростала прямо на глазах и к началу осени 1876 г. была полностью готова к богослужению. Хотя в архивах не сохранилось прямых указаний на авторство проекта, по некоторым косвенным сведениям можно предположить, что им являлся известный архитектор П.И.Романов, застроивший в этот период большую часть Старотатарской слободы.

Так в Казани возникла еще одна большая махалля, в которую перешла часть правоверных из приходов Четвертой соборной («Голубой») и Пятой соборной (Галеевской) мечетей. Она по праву получила название Казаковской в честь своего строителя и щедрого попечителя, человека, известного всему татарскому миру России.

М.Н.Казаков (1805–1890) — уроженец дер.Нижние Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии (ныне — Зеленодольский район РТ) происходил из древнего рода татарских мурз Горной стороны, зафиксированного в источниковедческой литературе как шаджаре Ишмухамета. Центральная линия родословной выглядит следующим образом — Мухаметзян бин Назир бин Абдулкарим бин Ямак бин Булат бин Аеш бин Баиш бин Ишмухамет (вариант Ш.Марджани — Мухаметзян бин Назир бин Абдулкарим бин Митри бин Ишбулды).

По сведениям М.И.Ахметзянова, мурзы Баюшевы — выходцы из г.Темникова — поселились в Ширданах в начале XVII в.

Вероятно, к началу XIX в. эта старинная фамилия практически растеряла все свои привилегии и обеднела. Известно, например, что юный Мухаметзян,

*Семья купцов Казаковых.
Фото начала XX в.*

переехавшись из родной деревни в Казань, не гнушался никакой работой, батрачил на многих баев и в конце концов в 30-е гг. XIX столетия открыл собственное дело по продаже чая, рыбы, бакалеи в поволжском регионе. Очевидно, что коммерческие интересы связывали предпринимателя с Астраханью, так как он в 1852 г. состоял во второй гильдии местного купечества. В 1863 г. М.Н.Казаков становится казанским купцом 1-й гильдии, а в 1871 г. зачисляется в потомственное почетное гражданство.

Мухаметзян-бай пользовался большим уважением среди мусульман Казани за неутомимую общественную и благотворительную деятельность, которое еще более укрепилось со строительством мечети. По всей видимости, совершение большого богоугодного дела виделось купцу как завершение своих мирских занятий. Он незадолго до своей кончины в 1890 г. оставил торговое дело, препоручив капиталы сыновьям — Мустафе, Мухаметфаизу (11.09.1844—?) и Мухаметшакиру (8.10.1848—1932). В 1897 г. они вместе с вдовой купца М.Салиховой обратились к казанскому губернатору с просьбой передать принадлежащие им два дома с флигелями на Евангелистовской и Заводской улицах в собственность общины для бесплатных квартир имамов и муэдзинов Казаковской мечети, а также в качестве доходного имущества¹²⁵. Так братья дали ясно понять, что не оставят приход, основанный их отцом, без своей заботы и попечения. Впрочем, в дальнейшем жизненные пути сыновей Мухаметзяна Казакова разошлись окончательно и бесповоротно.

Мустафа рано отделился от семейного капитала и долгое время с успехом занимался торговлей. Он был женат на дочери казанского купца 1-й гильдии Зиганши Усманова — Вибимагруй. У них было семеро детей. Младший сын — Исхак (1876—1939) впоследствии стал известным татарским революционером, государственным деятелем, педагогом и журналистом. Его племянник, сын дочери Мустафы Казакова Уммегульсум — Мулланур Муллазянович Вахитов (1885—1918), родившийся, кстати, в доме своего прадеда на Захарьевской улице в приходе мечети Марджани, также прославился как выдающийся деятель национально-освободительного движения татарского народа.

К сожалению, Мустафа Казаков, не выдержав трудностей торговой жизни, оставил свою большую семью на попечение родственников и фактически растерял репутацию солидного купца.

Средний сын М.Н.Казакова — Мухаметфаиз вместе с женой Бибифатимой Садыковой вплоть до 1900 г. числился то в 1-й, то во 2-й гильдии купечества, пока не был переведен в мещанское сословие.

Коммерческие традиции старинного рода с успехом продолжил Мухаметшакир Мухаметзянович Казаков (1848—1932), который сумел значительно укрепить семейное дело в Астрахани, построив там большую чаеразвесочную фабрику и открыв несколько крупных торговых заведений. Значительные средства предприниматель вкладывал в покупку и строительство доходных домов. В 1906 г. он, например, приобрел у А.Г.Хусаинова здание номеров «Булгар». Продолжая традиции своего отца, Мухаметшакир Казаков серьезно занимался благотворительностью.

¹²⁵ ЦГИА РБ. — Ф.И-295. — Оп.8. — Д.921. — Л.1-5.

Улица Евангелистовская и Казаковская мечеть. Фото конца XIX – начала XX в.

В 1898 г. купец построил в Астрахани большую каменную мечеть, которая и ныне является яркой достопримечательностью этого города. Интересный портрет предпринимателя оставил его внук С.Губайдуллин: «Вспомню его строгий и скромный облик истинного мусульманина. Одевался он по старым татарским обычаям: на голове обязательно каляпуш или тюбетейка, на ногах мягкие кожаные ичиги, на теле длинные белые рубахи, сверху казакин или беешмет. Строго придерживался он норм шариата: пять раз в день совершал намаз и постоянно посещал мечеть. Дед никогда не курил, не употреблял алкоголь, не фотографировался, считая это большим грехом»¹²⁶.

Такой глубоко верующий человек, конечно же, ревностно продолжал опеку свою фамильную мечеть в Казани. Она в начале XX в. объединяла 70 домовладельцев и являлась центром довольно крупного района Старотатарской слободы с населением в 1100 человек. Необходимо отметить, что имам мечети Хабибулла Усманов (20.10.1840–1913) был приглашен на свою должность лично М.Н.Казаковым в 1877 г. — указ № 1879 от 11 апреля 1877 г. Этот священнослужитель, окончивший медресе в дер.Кшкар, славился своими познаниями в области шариата и пользовался огромным уважением сре-

¹²⁶ Губайдуллин С. Казаковы // Эхо веков. — Казань, 2004. — № 2. — С. 210.

ди мусульман города. В 1910 г. ему было присвоено почетное звание ахуна. Несколько ранее, 17 марта 1908 г. (указ № 1523), мулле начал помогать в отправлении обрядов его сын Абдулла (р.9.10.1879), также окончивший кшкарское медресе. Оба священнослужителя слыли принципиальными сторонниками традиционных устоев, не воспринимавшими деятельность казанских джадидистов. Однако их мектебы и медресе также не остались в стороне от воздействия новых идей. Отсутствие общеобразовательных предметов, приоритет богословских дисциплин, но при этом звуковой метод обучения азбуке и преподавание религиозных наук по учебникам и методике Г.Баруди являлись в некотором роде компромиссом, учитывавшим консервативные настроения местного населения и объективную потребность в преобразованиях мусульманской школы.

К сожалению, Казаковской мечети и ее приходу был уготован короткий век. После революции и установления Советской власти махалля распалась, а сам храм и религиозная школа при нем были закрыты. Семейство Казаковых, подвергнувшееся жестким преследованиям, уже ничем не могло помочь своей общине. А.Х.Усманов в 1924 г. добровольно отказался от духовного сана. Поэтому последним имамом Казаковской мечети 10 апреля 1924 г. стал Гаясетдин Сагдетдинович Якупов. Среди муэдзинов махалли следует назвать уроженца дер.Ново Дрожановский Куст Буинского уезда Симбирской губернии Сунгатуллу Хабибулловича Ахтямова (23.01.1844–1912[?]) — указ № 7937 от 26 ноября 1876 г., и его сына — Габдрахима, утвержденного на этой должности 30 августа 1912 г. (указ № 4225).

Печальным уроком истории является то, что мечеть, когда-то построенная для того, чтобы увековечить память предков, захороненных на древнем кладбище, ровно через 100 лет стала первым и единственным полностью разрушенным памятником мусульманской архитектуры в Старотатарской слободе Казани.

§ 10. Мечеть на Старом татарском кладбище

Мечеть на Старом татарском кладбище («Семнадцатая соборная» — здание не сохранилось). Возникновение этой общины имело точно такие же причины, что и появление на карте города Казаковской махалли. С закрытием старого мусульманского зирата (кладбища), находившегося между двух слобод, казанское духовенство и предпринимательство озаботилось укреплением священной земли за правоверными и строительством на ней новой, 17-й по счету, городской мечети. Кроме того, значительно увеличившееся в начале XX в. население Плетеней и Новотатарской слободы явно нуждалось в новом культовом здании. Неудивительно, что учреждаемая махалля охватывала самые глухие улочки, своеобразные «выселки»: Новую стройку, Односторонку Малой Симбирской, Односторонку Плетеневской улиц. В 1906 г. она объединяла 530 мусульман, 542 мусульманки, 63 домовладельца.

Казанское губернское правление разрешило основать приход и построить деревянную мечеть 1 июня 1905 г. Конечно, бедное население окраин не

Мечеть на Старом татарском кладбище. Фото начала XX в.

смогло бы сделать это только своими силами, поэтому на строительство собрали средства богатые купцы и промышленники, проживавшие в других частях Казани. Известно, например, что одним из финансистов этого благотворительного дела был казанский купец 2-й гильдии, меховой торговец Садык Сахипович Хайбуллин (1840–1915). Он даже хотел устроить сюда на место имам-хатиба своего зятя, выпускника медресе «Мухаммадия», известного драматурга Г.Камала. Однако тот категорически отказался, предпочтя карьере духовного деятеля торговлю книгами и канцелярскими товарами.

Мечеть была возведена в течение года и уже в августе 1906 г. здесь проводили богослужения. Ее имам-хатибом стал выходец из дер.Кукеево Лаишевского уезда Казанской губернии Мубаракзян Гарифуллович Мансуров (30.05.1871–25.05.1916), окончивший медресе «Халидия» в Казани — указ № 5131 от 21 августа 1906 г.¹²⁷. Этот мулла являлся человеком прогрессивных взглядов, близким сподвижником Г.Баруди, стремившимся вводить новшества в учебный процесс общинного мектеба. Чуть раньше, 10 июля 1906 г. (указ № 4242), на должность второго имама был избран уроженец дер.Кам-

¹²⁷ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.7540. — Л.19–23.

кино Спасского уезда Казанской губернии Мухамедсафа Тарзиманович Урманчеев (25.04.1858–1921), который 11 марта 1917 г. возглавил приход. До этого с 1887 по 1897 гг. он служил муллой в том же уезде в дер.Новый Балыкуль. Затем из-за болезни М.Урманчеев ушел в отставку и переехал в Казань, где и жил вплоть до избрания священнослужителем при мечети на старом кладбище¹²⁸.

Мектеб прихода, официально открытый 11 ноября 1911 г., имел отдельный русский класс, размещался в специальном здании и получал 500 рублей пособия от городской думы. 120 шакирдам преподавались следующие предметы: турецкий и арабский языки, богослужение, торговое право, хадисы, тафсир, история ислама, правописание, география, арифметика и другие. М.Г.Мансурову в учебном процессе помогал Исхак Муштариев — мугаллим, выпускник медресе «Халидия», уроженец дер.В.Ындырчи Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне — Апастовский район РТ).

В начале 20-х гг. XX в., в период голода и эпидемий махалля осталась без священнослужителей. В 1921 г. духовным наставником местных мусульман стал известный педагог, бывший преподаватель медресе «Мухаммадия» Тагир Ахметзянович Ильясов (Тахир Ильяси), перешедший в 1923 г. на такую же должность в мечеть Марджани.

Новым имамом мечети на Старом татарском кладбище оказался не менее известный человек — Саид Габдельманнанович Вахидов (Саид Вахиди, 1.05.1887–1942), получивший соответствующее свидетельство 29 апреля 1923 г. Он родился в дер.Ташбилге Спасского уезда Казанской губернии в крестьянской семье. Учился у себя на родине и в медресе дер.Иске Раджаб. В 1905–1911 гг. являлся шакирдом казанского медресе «Мухаммадия». Уже в этот период С.Г.Вахидов начал заниматься историческими и археографическими исследованиями. Впоследствии ученый прославился находкой и описанием знаменитого ярлыка Сахиб-Гирей хана. Один из любимых учеников Г.Баруди, он многое сделал для становления новометодного образования. К сожалению, С.Вахиди вынужден был отказаться от сана в 1928 г. В 30-х гг. XX в. он был репрессирован и умер в тюрьме.

Первым муэдзином махалли стал 27 марта 1907 г. (указ № 1872) крестьянин дер.Тюгельбаево Спасского уезда Казанской губернии Киямутдин Камалетдинович Зюльфикаров (4.09.1866–1921)¹²⁹. Затем его сменил на этой должности Мухаметгарей Хайруллин.

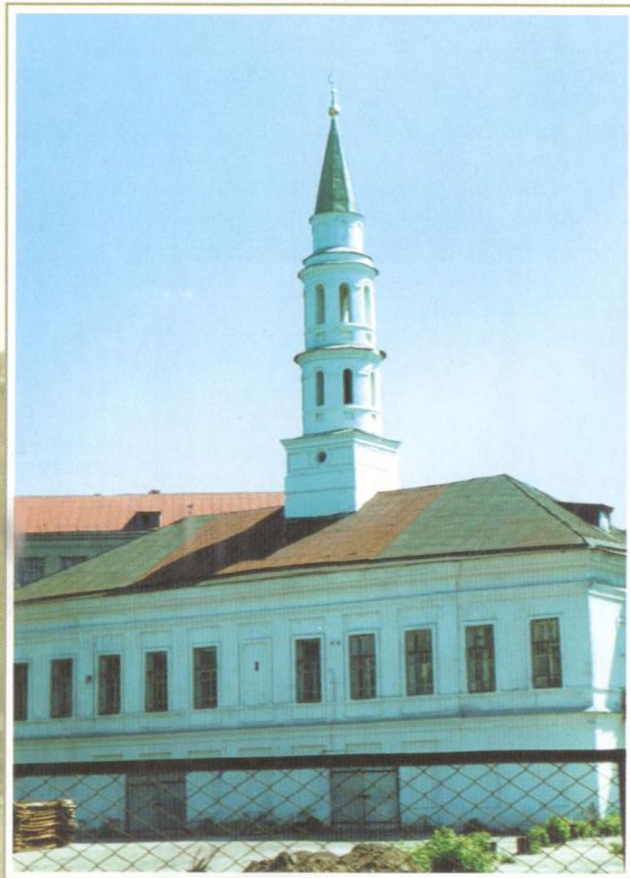
Мечеть на Старом татарском кладбище была закрыта постановлением Секретариата ТатЦИКа от 23 августа 1931 г. Несколько лет спустя здание храма было разобрано.

¹²⁸ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.7565. — Л.6–18.

¹²⁹ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.7526. — Л.18–23.

Глава II

МЕЧЕТИ
НОВОТАТАРСКОЙ
СЛОБОДЫ

§ 1. Большая мечеть маленького прихода

Мечеть «Белая» («Одиннадцатая соборная», «Большая Каменная» — ул. Кызыл Татарстан, 20). Рассказывая об истории возникновения Первой соборной мечети города Казани, мы уже останавливались на особенностях формирования и основных этапах развития Новотатарской слободы. В конце XVIII — начале XX в. ее территориальные границы проходили по красным линиям современных улиц К.Якуба, Татарстан, Меховщиков, Кызыл Татарстан. Необходимо особо подчеркнуть, что этот городской район с момента своего образования имел достаточно высокие темпы демографического и экономического роста. Отдаленность новой слободы от административного центра, относительная дешевизна и доступность земли привлекали сюда многочисленных переселенцев из татарских деревень. Можно сказать, что основное население здесь составляли вчерашние крестьяне, приехавшие в Казань в поисках работы и лучшей жизни. В свою очередь наличие свободной рабочей силы привлекало сюда многих крупных предпринимателей, строивших и основывавших среди слободских кварталов многочисленные промышленные и кустарные предприятия. Уже в конце XVIII — начале XIX в. такие известные торговые династии, как Апанаевы, Аитовы, Замановы и многие другие держали в Новотатарской слободе мыловаренные, козловые, кожевенные заводы, кумачные фабрики. Кроме них в слободе промышляли десятки, а то и сотни мелких торговцев и мастеровых, открывавших в собственных жилых усадьбах хлебно-бакалейные лавки, столовые, постоялые дворы,

мастерские по изготовлению ичигов и каляпущей и др. Все это способствовало складыванию больших и материально обеспеченных мусульманских общин, содержавших культовые здания, знаменитых богословов и проповедников, крупные медресе.

Заселение Новотатарской слободы, начавшееся в середине XVIII в., происходило первоначально в кварталах, ограниченных сегодня улицами М.Гафури, Кызыл Татарстан, Меховщиков и Эш урам. Именно на этой терри-

*Здание Одиннадцатой мечети.
Фото начала XX в.*

тории возникла первая слободская махалля и построена деревянная мечеть. По всей видимости, ранее жители принадлежали к одной из упраздненных миссионерами мусульманских общин Старотатарской слободы. Ш.Марджани утверждает, что в мечети переселенцев — Первая мечеть, или мечеть Иш-кая-муллы, хранилась книга «Гимадель Ислам», пожертвованная храму еще в 1741 г. Вероятно, эта рукопись была подарена какой-то махалле Старотатарской слободы, и мусульмане, переселившись на новое место, взяли ее с собой.

Деревянная мечеть в новой слободе простояла более пятидесяти лет, пока в 1801 г. купец Габдрахим бин Валид бин Мусалим бин Мамяш аль-Урнашбаши (?–1850), известный под прозвищем Ракый-бай, не построил для нее новое двухэтажное кирпичное здание (ул.Кызыл Татарстан, 20), получившее благодаря своим размерам название «Большая каменная мечеть».

Мусульмане, воздвигнувшие в Новотатарской слободе первый каменный храм, приглашали к себе имамами только высокообразованных и авторитетных священнослужителей. Среди духовных деятелей, служивших здесь, Ш.Марджани особо выделял отца и сына Мамяшей. Последний из них — Махмут бин Мухаметэмин Мамяш — основал в приходе медресе и, кроме педагогической деятельности, успешно занимался научными изысканиями. Затем, сменив очередного муллу прихода — Хамита Муртазина, главой махалли стал Абубакир Юсупов — уроженец дер.Зиябаш, воспитанник прославленного бухарского преподавателя и богослова Ниязколыя Туркмени. После кончины Махмута бин Мухаметэмина помощником Абубакира-муллы стал сын старого хазрата Габдельгафур бин Махмут. Сменив своего учителя А.Юсупова на должности имам-хатиба и мударриса, он в 1837 г. пригласил себе в помощники зятя, уроженца дер.Студеный Ключ Казанского уезда (ныне — Высокогорский район РТ) Хуснутдина Гумеровича Сеитова, окончившего курс наук в медресе Габдуллы Чиртуши в дер.Маскара Малмыжского уезда Вятской губернии. Этот священнослужитель пользовался заслуженным авторитетом у мусульман прихода. Из трех его сыновей двое занимались предпринимательством. А Мухамедшакир (25.07.1843–1904), получивший образование в Стамбуле, стал преемником своего отца в 11-м приходе. Он занимал эту должность с 1872 по 1904 гг. — указ № 6695 от 21 августа 1872 г.¹³⁰. Мухамедшакир-хазрат продолжил традиции предшественников, правда, без особого успеха.

В руководимом им Сеитовском медресе применялся старый метод, поэтому с каждым годом число учащихся неуклонно уменьшалось. Так, например, в 1893 г. у М.Сеитова училось всего 20 шакирдов.

В период службы имама в махалле произошли весьма драматичные события. Дело в том, что в это время практически рядом с мечетью по красной линии современной улицы Меховщиков находилось домовладение известного религиозного и общественного деятеля Багаутдина Хамзина-Ваисова. Участок на Большой Симбирской улице он приобрел в 1872 г., затем построил большой двухэтажный деревянный дом. Здесь впоследствии и обосновался «штаб» его секты, или так называемого «божьего полка», члены которой отрицательно относились к официальному духовенству, вели подчеркнuto

¹³⁰ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.265. — Л.2–15.

Одиннадцатая мечеть. Советское время

благочестивый и аскетический образ жизни, а в отношениях с государством пытались использовать некоторые формы гражданского неповиновения. В 1884 г. полиции удалось ворваться в дом Ваисова при поддержке жителей махалли и разогнать мюридов опального ишана, а самого его отправить в психиатрическую лечебницу. Кстати, дом Багаутдина тогда разобрали по бревнышку, чтобы в слободе не осталось даже следа от непонятных и опасных бунтовщиков. Ключевую роль в изгнании сектантов из прихода сыграл указной мулла, не желавший мириться с существованием скандальных оппонентов и всерьез опасавшийся за стабильное и спокойное существование своей общины.

В 1904 г. духовным наставником прихода был избран Кашшафутдин Киямутдинович Тарзиманов (1877–1940) — указ № 3081 от 11 сентября 1904 г.¹³¹. Он родился в дер.Ямкино Спасского уезда Казанской губернии (ныне — Алексеевский район РТ) в семье указного мурлы. Приехав в Казань, он стал одним из ближайших сподвижников Г.Баруди и немедленно реформировал медресе при Одиннадцатой мечети. Результаты не заставили себя долго ждать. В 1910 г. занятия Кашшафа-мурлы посещали уже 60 человек. В годы Советской власти, в период разгула воинствующего атеизма, К.К.Тарзиманов, будучи избранным на должность казия (заседателя) Оренбургского Магометанского Духовного собрания, многое сделал для сохранения и утверждения в общественном сознании вековых нравственных цен-

¹³¹ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.7083. — Л.3–19.

ностей. Этой цели служил редактируемый им ежемесячный религиозно-нравственный и философский журнал «Ислам Мәҗәлләсе» (Мусульманский сборник), который издавался в Уфе в 1924–1926 гг. К.К.Тарзиманов был расстрелян в 1937 г. по обвинению в антисоветской деятельности.

В 20-е гг. XX столетия после отъезда К.Тарзиманова в Уфу имамом общины служил его брат — Ахкам Тарзиманов.

В начале XX в. мечеть на углу Большой Симбирской и Третьей Поперечной в официальных документах именовалась «мечеть № 11». Ее махалля в 1916 г. объединяла 450 мусульман, 464 мусульманки и 75 домовладельцев. По сути это была самая маленькая махалля Новотатарской слободы. Медресе прихода, именовавшееся «Сеитовским», находилось на современной улице Эш Урам.

Усилиями имама и мударриса К.Тарзиманова это учебное заведение стало одним из самых передовых в Казани. Его начальный курс — мектеб состоял из 4 отделений (классов), где изучалось чтение на татарском языке, татарская азбука, чтение Корана, вероучение и священная история, арифметика, диктовка и чистописание. В 3-х классах медресе преподавалось чтение на татарском языке, вероучение, история ислама, арифметика, чистописание, география, изложение на татарском языке, хадис, чтение и грамматика арабского языка, фикх и фараиз. Кроме муллы шакирдов обучали и другие учителя — муэдзин Ш.Ибрагимов, крестьянин дер.Зеленая Хвалынского уезда Саратовской губернии Х.Бикбаев, крестьянин Спасского уезда дер.Ургатары

Здание Одиннадцатой мечети. Современный вид

А.Асадуллин и другие. Среди шакирдов медресе были молодые люди из Казанской, Саратовской, Вятской и Самарской губерний. Всего в 1913 г. здесь насчитывалось 70 шакирдов.

В мечети служила династия муэдзинов. Так 21 августа 1872 г., получив указ № 6703, эту должность занял Мухамедвафа Исхакович Ибрагимов (ум.7.05.1892), затем его сменил сын Ахметзян (16.06.1866–10.05.1909) — указ № 1686 от 10 августа 1893 г. После смерти А.Ибрагимова муэдзином был избран Ш.А.Ибрагимов (р.12.01.1865) — указ № 2991 от 7 июля 1910 г. В 1921 г. он был переведен на аналогичную должность в приход Султановской мечети.

Мечеть прихода была закрыта постановлением Президиума ТатЦИКа от 11 апреля 1929 г.

§ 2. Древние камни новой слободы

Мечеть «Иске-Таш» («Девятая соборная» — ул. М.Гафури, 34а). Почти одновременно с первой махаллей Новотатарской слободы возникла и вторая, объединявшая мусульман, заселявших территорию с левой стороны современной улицы Эш Урам на востоке, ул.К.Якуба на севере, улицы Татарстан на западе и улицы Меховщиков на юге. Здесь также с середины XVIII в.

Мечеть «Иске-Таш». Фото начала XX в.

существовала деревянная мечеть, на месте которой в 1802 г. малмыжский купец 1-й гильдии Габдулла Абдулсалямич Утямышев возвел большой каменный храм, девятый по счету в городе. Новое культовое здание второго новослободского прихода возникло по преданию на месте захоронения мусульман, павших при обороне Казани в 1552 г., на котором имелся старинный камень. Отсюда и название мечети — «Иске-Таш» (Старокаменная). В то же время это могла быть могила татар, погибших при осаде города крестьянским вождем Е.Пугачевым. Не исключена и версия о том, что при закладке здания строители использовали камень от одной из древних разрушенных завоевателями казанских мечетей.

Интересна личность строителя храма. Г.А.Утямышев (?–1832) — родоначальник знаменитой купеческой династии из дер.Маскара Малмыжского уезда Вятской губернии (ныне — Кукморский район РТ) — за свою долгую жизнь возвел несколько десятков мечетей в татарских селениях России. Прославился он и как весьма просвещенный человек, написав несколько книг по вопросам религии. Кстати, жена Г.А.Утямышева была родной сестрой выдающегося богослова-реформатора А.Курсави, который при строительстве мечети «Иске-Таш» показал «кыйблу» — направление на Мекку.

Первым известным имамом махалли был Шамсутдин ахун Мухаметшариф, получивший образование в Дагестане и занимавшийся изучением истории ислама и Волжской Булгарии. Вероятно, именно он значится в архивных документах как Шамсутдин Абдрашитов, служивший при мечети в 1770 г.

Однако первым муллой каменной мечети стал известный богослов, учившийся в Бухаре у прославленного мударриса Н.Туркмени, Фазыл Сайфутдинов (ум. в 1812), прозванный казанскими мусульманами Фазыли-хазрат.

После его кончины в махалле «Иске-Таш» наступила своеобразная «анархия». Так как семья Утямышевых фактически перестала контролировать общину, в ней начали конкурировать между собой две семьи — Уразовых и Шатуновых. Когда первые из них временно поставили «своего» муллу, вторые организовали самое настоящее побоище в мечети, развязав массовую драку, в которой досталось как самому священнослужителю, так и верующим, пришедшим на намаз. Противостояние длилось до тех пор, пока мусульмане не договорились об устраивавшей обе стороны кандидатуре. Таким «компромиссным» имамом стал в 1813 г. Амирхан бин Габдельманнан (1771–1828), уроженец дер.Толкиш (ныне — Чистопольский район РТ), основатель знаменитой фамилии казанских священнослужителей. Он получил прекрасное образование в медресе дер.Сасна и Маскара, а затем в Бухаре. До переезда в Казань проповедовал в ряде сел Казанского уезда. После смерти Амирхана-хазрата главой махалли стал сын Ф.Сайфутдинова — Мухаметвафа (ум. в 1848), который в связи с избранием его казием Оренбургского Магометанского Духовного собрания покинул Казань в 1838 г.

С этого времени, вплоть до 1848 г., должность муллы в мечети «Иске-Таш» занимал Баймурат Мухарямов. Будучи выходцем из семьи купца 3-й гильдии, проживавшего в дер.Большой Менгер (ныне — Атнинский район РТ), Б.Мухарямов успешно совмещал деятельность священнослужителя с за-

нятием коммерцией. При своем доме он имел китаечную фабрику, продукцией которой торговал на Сенной площади. Одновременно Баймурат-мулла содержал большое медресе в приходе, отдавал много времени преподаванию в нем. Его перу принадлежит множество сочинений самого различного характера. Мулла был также известен своим непримиримым отношением к «черным» ишанам, дискредитировавшим своей деятельностью суфийских шейхов.

Новым имам-хатибом мечети, на основе указа № 7798 от 12 мая 1848 г., стал сын Амирхана бин Габдельманнана — Хусаин (1816–1893). Он учился в медресе Чистополя, Казани, Маскары, Бухары и вскоре заявил о себе как талантливый проповедник, ученый. Долгие годы изучая восточные исторические источники, Х.Амирхан написал несколько книг, посвященных истории тюркских народов: «Тэварихе Болгария» (История Булгарии, 1883), «Бөек шәжәрә, яки нәселләр бәяны» (Великое шаджаре, или Изложение родословных, 1884).

В 1889 г. Х.Амирхан оставил должность священнослужителя при мечети «Иске-Таш». С этого времени до революции 1917 г. духовными наставниками махалли были его сыновья — Мухаметназип (1859–1921) и Мухаметзариф Амирхановы (1853–1921). Первый из них вскоре уехал в Чистополь, где стал имамом Первой соборной мечети; второй же, исправно исполняя указ №4274 от 10 июня 1875 г., к концу XIX в. превратился в авторитетного лидера не только своей махалли, но и всей мусульманской части Казани. Кстати, Мухаметзариф-хазрат получил должность второго муллы после смерти имама Мухаметсафы Мухаметвафина (ум.11.09.1869) — внука первого муллы каменной мечети Ф.Сайфутдинова¹³².

М.Х.Амирханов был приверженцем реформ в области образования. Он написал несколько учебников для новометодных медресе. В его семье родился Фатих Амирхан, выдающийся татарский писатель. Помощником хазрата при мечети «Иске-Таш» в 1893 г. был избран почетный потомственный гражданин Мухаметсадык Шагиахметович Иманкулов (20.09.1870–1932), сын имама Десятой соборной мечети, учившийся в 1886–1893 гг. в Бухаре. В Казани же он стал известен как поэт, писавший в основном на религиозные темы, и как ученый-богослов. Муэздином махалли с 1872 г. бессменно служил уроженец дер.Зимница Хвалынского уезда Саратовской губернии Абдулвахит Галеев (р.15.11.1847) — указ № 7943 от 10 октября 1872 г., сменивший на этой должности Камалетдина Мухамадиева (ум. в 1871).

Приход Девятой соборной мечети, объединявший часть Большой и Малой Симбирских улиц, являлся самым крупным в Казани. Здесь в 1916 г. насчитывалось 1200 душ мужского и 1170 душ женского пола при 157 домовладельцах. Медресе махалли, известное под названием «Амирхановское», считалось одним из передовых мусульманских учебных заведений. Ежегодно в нем училось 80 шакирдов. Причем, по данным властей, все учащиеся являлись уроженцами Казанской губернии, преимущественно Казанского и Тетюшского уездов.

¹³² НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.488. — Л.3–26.

Здание мечети «Иске-Таш». Современный вид

Здание мечети «Иске-Таш». Современный вид

Несмотря на нововведения в учебном процессе этого училища, оно оставалось по своему характеру сугубо конфессиональным. Шакирды обучались здесь грамоте, шариату, Корану, истории ислама, татарскому и русскому языкам. Мударрисы активно использовали джадидистские учебники и современные методики преподавания. В этом муллам помогали два учителя: крестьянин дер.Зимница Саратовской губернии Хвалынского уезда Хуснутдин Сайфутдинов, получивший образование при Десятой соборной мечети, и крестьянин дер.Янасала Казанской губернии Тетюшского уезда Абдулла Миннуллин.

В 20–30-х гг. XX столетия духовным наставником прихожан оставался М.Ш.Иманкулов. Однако он был репрессирован, а сама мечеть закрыта указом Президиума Верховного Совета ТАССР от 22 апреля 1939 г.

В настоящее время легендарная мечеть «Иске-Таш» вновь распахнула свои двери для верующих. Но в связи с тем, что Новотатарская слобода как жилой район практически перестала существовать, древняя община крайне слаба и малочисленна.

§ 3. Высокий минарет «Низенькой Бухарской»

Мечеть «Низенькая Бухарская» («Десятая соборная», «Красная» — ул. М.Гафури,67). В 1808 г. купец 1-й гильдии Муса Исмагилович Апанаев (1766–1826) в память о своей покойной дочери Зубайде построил в Новотатарской слободе третью по счету каменную мечеть. Ее прихожанами стали мусульмане, активно заселявшие район старого татарского кладбища, закрытого в конце XVIII в. В официальных документах мечеть называлась «Десятая соборная». Однако чаще всего в народе ее именовали «Низенькая Бухарская» за небольшие размеры и среднеазиатские архитектурные мотивы. Так или иначе, но этот храм с самого начала имел особую романтическую историю, связанную с безмерным горем могущественного и всемогущего отца, который своим благотворительным делом просил Творца о прощении и милосердии. Быть может, поэтому у махалли была довольно счастливая судьба, посылавшая прихожанам в качестве попечителей богатые купеческие династии (Апанаевы, Якуповы, Галеевы, Галикеевы), заботившиеся о материальном благосостоянии общины и приглашавшие на должность имама самых видных богословов и педагогов.

Здание Десятой мечети. Фото начала XX в.

Первым проповедником мечети стал Х.Муртазин, «служилый татарин» из дер.Альдермыш (ныне — Высокогорский район РТ). Он был одним из тех, кто впервые поднял вопрос об учреждении в послеханской Казани профессиональных учебных заведений для мусульман. С 1793 г. Х.Муртазин служил при Одиннадцатой мечети, но, не поладив с ее попечителем Габдрахимом бин Валидом бин Мусалимом бин Мамяшем аль-Урнашбаши, перешел на должность имам-хатиба в Десятую мечеть. Затем, с 1819 по 1834 гг., должность имама занимал сын Х.Муртазина — Мухамет (ум. в 1834). Этот священнослужитель, получивший духовное образование в одном из бухарских медресе, считался очень грамотным богословом, человеком безупречной нравственности и пользовался большой любовью своих прихожан. После его смерти имамом прихода был избран уроженец дер.Мамяш Казанского уезда Шагиахмет Баязитович Иманкулов (1798–1877) — представитель династии богатых и влиятельных предпринимателей, также прошедший курс наук в Бухаре и славившийся серьезными познаниями в фикхе. Ему некоторое время в мечети помогал сын — Абдулгани, который в 1879 г. ушел в отставку. Так, по просьбе мусульман махалли в том же 1879 г. главой прихода стал выходец из дер.Большое Русаково Свяжского уезда Казанской губернии (ныне — Кайбицкий район РТ) Абдулкаюм Абдулбадигов (1838–1906)¹³³. До этого, проучившись в Казани под началом С.Исхакова, он был имамом в дер.Большие Вережи (ныне — Арский район РТ) с 1863 г. А.Абдулбадигов зарекомендовал себя в Казани просвещенным священнослужителем, участвуя во всех значительных начинаниях городского духовенства. Он был среди тех, кто активно противодействовал дискриминационному циркуляру Министерства народного просвещения от 10 июля 1892 г., требовавшему использования в мектебах и медресе только печатных книг, прошедших русскую цензуру, и объявившему о запрете на использование в учебном процессе рукописных книг и пособий. Мулла, наряду с купцами М.И.Галеевым, М.А.Ибрагимовым, М.М.Апанаевым и имамом Г.Баруди, вошел в состав особой депутации татарского предпринимательства и духовенства, которая должна была ходатайствовать в столице «о сохранении и надлежащей неприкосновенности религиозных книг, изучение которых составляет насущную потребность для истинного познания мусульманской веры...».

В результате деятельности депутации и после долгих переговоров в 1894 г. циркуляр Министерства народного просвещения от 10 июля 1892 г. был отменен. Вот что писал впоследствии один из участников этого события Г.Баруди: «В 1894 г. по поводу распоряжения цензурного комитета об изъятии из обращения в школах книг, большей частью в то время рукописных, началось довольно сильное движение и началась было эмиграция в Турцию. Чтобы удержать людей от этого необдуманного поступка и чтобы выяснить высшей власти причины смущения мусульман, видевших в том распоряжении посягательство на свободу своей религии, я в числе других с отцом моим Мухамедзяном Галеевым и муллой Абдулбадиговым был в Петербурге у тогдашнего министра внутренних дел. Результатом данной поездки и данных нам объяснений было разъяснение со стороны министерства, успо-

¹³³ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.1239. — Л.2–25.

Десятая мечеть. Фрагмент ограды минарета

С.М.Галеев — сын М.И.Галеева, видный представитель джадидизма, автор нескольких учебников и книг религиозного характера, развернул активную просветительскую деятельность в Новотатарской слободе. Богатый отец помог ему со строительством большого здания медресе, а родственник и единомышленник, преуспевающий мануфактурный торговец, купец 1-й гильдии М.М.Галикеев выделил средства на полное переустройство старинного здания приходского храма¹³⁶. Таким образом, «Низенькая Бухарская» в 1905–1906 гг. превратилась в большую, просторную мечеть с высоким минаретом. Видимо, в этот период из-за краснокирпичных фасадов она получила у мусульман еще одно название — «Красная мечеть».

Возрастающая активность духовенства и буржуазии в этом мусульманском приходе Казани не осталась без внимания губернских властей, жестко борющихся с любым проявлением вольнодумства и революционности. Основываясь на анонимных доносах и беспочвенно подозревая мулл-новометодистов в развертывании антиправительственной агитации, губернское начальство попыталось решительно пресечь общественную и педагогическую работу джадидистов в городских махаллях.

С.Галеев, будучи фигурантом громкого политического дела, по которому проходили Г.Исхаки, Г.Апанаев, Г.Баруди, Г.Казаков, М.-С.Галикеев, С.Аитов и др., в 1908 г. был выслан в Вологодскую губернию за организацию в приходе Десятой мечети новометодных учительских курсов.

Впрочем, его дело продолжил Мухаметгабдулла Абдулкаюмович Абдулбадигов (13.07.1883–?), занявший место своего покойного отца 24 мая 1907 г. (указ № 2864)¹³⁷. Этот молодой талантливый мулла сумел сохранить все нововведения в подведомственном ему Якуповском медресе, которое считалось одним из самых крупных в Казани. Здесь в 1910 г. училось 90 ша-

ковшее население, и эмиграция прекратилась»¹³⁴. То есть усилиями этих общественных деятелей было приостановлено массовое «мухаджирство» (переселение) мусульман в Турцию из-за опасения массового крещения.

Кстати, вместе с избранным ему в помощники в 1890 г. Салихзяном Мухаметзяновичем Галеевым (1862–1932) — указ № 7873 от 12 декабря 1890 г., он утвердил в приходе новометодное образование¹³⁵.

¹³⁴ НА РТ. — Ф.1. — Оп.6. — Д.710. — Л.7–9.

¹³⁵ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.3995. — Л.4–20.

¹³⁶ НА РТ. — Ф.2. — Оп.7. — Д.1532. — Л.164–166.

¹³⁷ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.7487. — Л.1–24.

Десятая мечеть. Советское время

кирдов из Казанской, Симбирской, Нижегородской и Пензенской губерний.

Среди основных предметов этого учебного заведения значились богословие, толкование Корана, хадис, законоведение, нравоучение, наука о разделе наследства, история арабской грамматики, логика, арифметика, география, риторика. Имаму в учебном процессе помогали три учителя: крестьянин дер.Медина Курмышского уезда Симбирской губернии Абдрахман Кабиров, крестьянин дер.Параньга Уржумского уезда Вятской губернии Хакимулла Фида Мухаметов, крестьянин дер.Малое Мереткозино Тетюшского уезда Казанской губернии Абдулбари Сабирзянов.

В приходе Десятой мечети, объединившем часть Малой Симбирской улицы и ряд прилегающих к ней переулков, насчитывалось в 1916 г. 500 душ мужского и 474 души женского пола при 75 домовладельцах. Возможно, благодаря личности крупного предпринимателя и благотворителя, имевшего кожевенно-сафьяновый завод на Большой Симбирской улице, Якуба Ибрагимовича Козлова махалля часто именовалась Якуповской.

Среди муэдзинов мечети следует упомянуть крестьянина дер.Малые Салтыки Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне — Камско-Устьинский район РТ) Абдулкарима Абдулнагимова, исполнявшего свои обязанности с 31 июля 1864 г. (указ № 5865). Он был преемником своего отца Абдулнаги-ма Абдулзамилова. Муэдзина (азанчи) Абдулкарима сменил 7 декабря 1883 г. (указ № 8127) крестьянин дер.Ишимово Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне — Камско-Устьинский район РТ) Гимадутдин Тухватуллин, который умер 27 мая 1899 г. «от рака в желудке». В том же году новым муэдзином стал его сын, выпускник Якуповского медресе Шигабутдин (13.08.1869—?) — указ № 1937 от 26 августа 1899 г.

Красная мечеть Новотатарской слободы была закрыта постановлением Президиума ТатЦИКа от 22 июля 1931 г. Ее здание было передано построенному в Новотатарской слободе меховому объединению. Тогда же был разобран высокий минарет, построенный купцом Галикеевым. Ныне мечеть вновь находится в руках верующих. Здесь опять, как столетие назад, юные шакирды обучаются исламским наукам. Однако азан с полуразрушенного минарета разносится не над оживленными улочками мусульманского города, как это было в прошлом, а над серой промышленной зоной, в которую превратилась слобода за время советской истории.

§ 4. Мечеть Суконной слободы

«Закабанная» мечеть («Юбилейная», им.1000-летия принятия ислама — ул. Такташа, 26). Первая в истории города мусульманская община за пределами татарских слобод начала формироваться в начале XX в. В нее входили многочисленные сельские переселенцы, оседавшие в небогатых кварталах так называемой Суконки и работавшие на близлежащих промышленных предприятиях. Кроме того, в это время четко обозначилась тенденция к торговой экспансии татарских предпринимателей в традиционные «русские» части города, в которых они открывали многочисленные лавки и магазины.

Интерьер Закабанной мечети

Ввиду отдаленности от основных городских мечетей, местное мусульманское население уже в этот период стремилось организовывать богослужения в частных домах. Причем уже тогда задумывалось строительство большого каменного храма. Об этом свидетельствует разработка проекта мечети архитектором А.Е.Печниковым, начатая в 1914 г. Однако регистрация самостоятельного прихода за озером Кабан стала возможной лишь после революции 1917 г.

В 1919 г. Духовное собрание мусульман России, возглавляемое первым демократически избранным муфтием Г.Баруди, выдало разрешение на создание новой, 18-й по счету, казанской махалли. Эта община объединяла большой район, включавший современные улицы — Академическую, Толстого, Вутлерова, Ульянова, Санкт-Петербургскую, Эсперанто, Х.Такташа и др. На учреждение этого прихода благосклонно смотрело и правительство «национал-коммунистов» К.Мухтарова, проводившее политику по снятию различных национальных ограничений, устранению территориальной замкнутости татарского населения, проявлений этнического и конфессионального неравенства. Именно с согласия республиканского руководства начался сбор средств и подготовка к строительству мечети. Однако осуществить задуманное удалось лишь в 1924–1926 гг., когда наблюдался последний «нэповский»

Здание Закабанной мечети

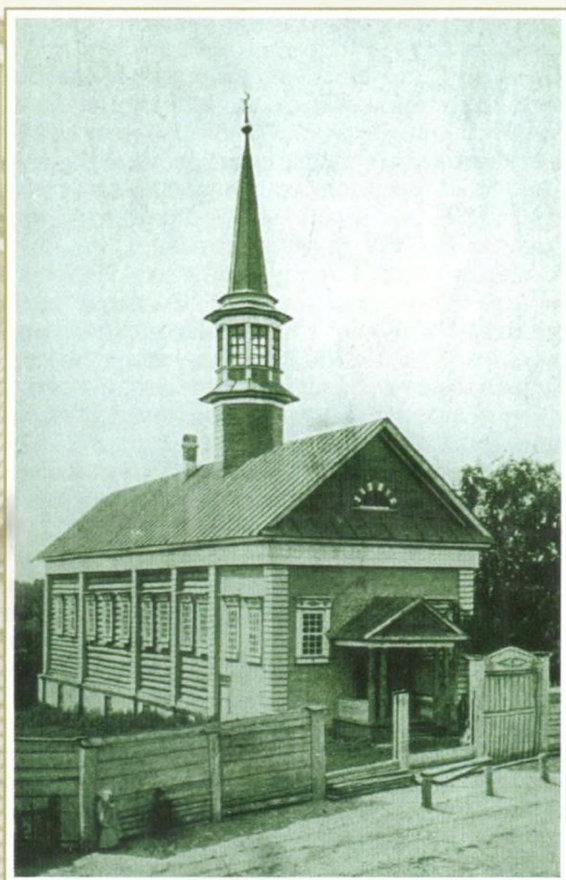
всплеск активности татарского предпринимательства. Новая мечеть, воздвигнутая, по мнению общественности, в честь 1000-летия принятия ислама в Поволжье булгарами, получила название «Юбилейная».

Первым официально утвержденным священнослужителем Закабанной махалли стал муэдзин Мухаметзариф Галиакберов, получивший соответствующее свидетельство 21 августа 1921 г. Имам-хатибом прихода 14 июня 1922 г. мусульмане избрали сына муллы Бурнаевской мечети — Абдулхалика Мухаметшакировича Кулеева (р. в 1885).

К сожалению, им не удалось долго прослужить в общине. Государственная политика быстро менялась, и вот уже вместо привычной поддержки прихожане стали испытывать нешуточное антирелигиозное давление. В результате едва начавшая свою работу мечеть была закрыта постановлением Президиума ТатЦИКа от 6 февраля 1930 г. Вернуть ее себе верующие смогли лишь в 1991 г.

Глава III

МЕЧЕТИ
казанского
Заречья

§ 1. Мечеть Ягодной слободы

Мечеть на Краснококшайской улице. По преданиям на месте современной Ягодной слободы еще во времена ханской Казани существовало мусульманское селение, окруженное густым лесом, славящимся своими ягодными полянами. После завоевания края войсками Ивана Грозного эта земля, как и многие другие окраины и предместья бывшей столицы татарского государства, была освоена русскими переселенцами. Уже в конце XVI в. в лесистой местности за Зилантовой горой существовало село Ягодная Поляна, принадлежавшее Казанской епархии. С XVIII в. оно называлось Ягодным и числилось в составе Паратской волости Казанского уезда. В начале XIX в. Ягодное постепенно вошло в городскую черту и превратилось в Ягодную слободу Казани. Местные жители занимались в основном огородничеством, кустарными промыслами, мелкой торговлей.

Приток татарского населения в этот городской район начался во второй половине XIX в., когда в Заречье получило широкое развитие промышленное производство. Так, мусульмане, заселявшие Ягодную слободу, главным образом трудились на кожевенных заводах и льнопрядильной фабрике «мануфактур-советника» И.И.Алафузова. Именно они составили первый в слободе мусульманский приход, образованный указом Казанского губернского правления 2 октября 1910 г. Владельцем завода под храм было передано здание, построенное в 1897 г., с наименованием его, как свидетельствуют официальные документы, «Пятивременной мечетью».

Муллой прихожане избрали крестьянина дер.Старая Кулатка Хвалынского уезда Саратовской губернии (ныне — Ульяновская область РФ) Хисамутдина Хуснутдиновича Яфарова. Указ КГП о назначении его имамом последовал 14 декабря 1910 г. (№ 5387), по другим сведениям — 16 декабря 1911 г. (№ 5389). Образование священнослужитель получил в Амирхановском медресе при мечети «Иске-Таш» в Новотатарской слободе. Прихожане назначили жалованье мулле в 300 рублей.

В приходском мектебе в 1916 г. обучались по звуковому методу 39 шакирдов. 35 девочек овладевали знаниями по старому методу при помощи абыстай. Это учебное заведение было открыто в 1911 г. в доме Тамбова на Большой Песчаной улице. Четырехлетний курс обучения включал преподавание книг «Бибаят уль Ислам», «Тарих уль Ислам», «Алифба», «Мугаллим уль гибадат», «Мухтасар Гильмухаль» и др. Религиозные уроки вел имам-хатиб, а муэдзин учил детей чтению и письму. Бедные шакирды посещали мектеб бесплатно, а остальные вносили ежегодную плату в размере от 25 копеек до 1 рубля.

Муэджином первые пять лет служил Гимаметдин Хусаинов. В январе 1915 г. прихожане составили приговор, в котором вместо выбывшего «за старостью» Хусаинова был избран крестьянин дер.Казыево Старо-Барышевской волости Тетюшского уезда Нурулислам Идиатуллин (р. 09.07.1882). Он родился в семье священнослужителя, муллы дер. Казыево Идиатуллы Абдуллина.

В 1912 г. Нурулислам завершил курс обучения в медресе при Азимовской мечети. Однако в связи с призывом в апреле 1915 г. на действительную

службу он был зачислен в 90-й пехотный запасной полк, расквартированный в Саратове. Выборные от прихожан, «мусульманских служащих Казанской фабрики торгово-промышленного товарищества Алафузовских фабрик и заводов», в мае того же года обратились с прошением к командующему войсками Казанского военного округа об отзыве Идиатуллина с воинской службы. Они попытались обосновать необходимость утверждения муэдзина наличием большого количества мусульман на фабрике (почти 900 человек), обслуживавших нужды армии. Однако губернские власти ответили отказом¹³⁸.

Новый муэдзин в мечети появился уже в советский период. На должность азанчи 12 июня 1922 г. был определен Нурулла Гарифуллин.

Мечеть была закрыта постановлением Президиума ТатЦИКа от 6 февраля 1930 г.

§ 2. Мечети Пороховой слободы

Первая соборная мечеть («Барудия» — ул. Краснококшайская, не сохранилась). Новая городская слобода на юго-западе Казани за рекой Казанкой начала формироваться в 1786 г., когда по указу правительствующего сената здесь началось строительство порохового завода. Это было одно из крупнейших предприятий региона, снабжавшее своей продукцией воинские части российской армии, расквартированные в самых разных уголках империи. Сооружение производственных корпусов и выпуск первой продукции состоялись в 1788 г. Вероятно, уже тогда новый завод окружали дома его строителей и рабочих. Впрочем, Ш.Марджани отмечал, что ранее всего, еще в 1778 г., на этом месте появилось небольшое мусульманское селение («махалля»), в пределах которого начали обживаться татары-военнослужащие, отставные солдаты, крестьяне из близлежащих деревень Заказанья, без чьих рабочих рук не могло обойтись строительство такого уровня. Кстати, практически сразу же махалля получила название «Барудия», что в переводе с арабского означает «пороховая».

Первая деревянная слободская мечеть здесь была построена, по сведениям Ш.Марджани, в 1805 г. казанским купцом Мусой бин Мунасибом бин Мусаллимом бин Бутаем аль-Менгери (Муса Адамов). К.Насыри считал, что храм был построен в 1809 г. Ведомости о магометанских приходах Казанской губернии дают другую дату строительства — 1811 г. В одном из документов утверждается, что мечеть выстроена казанским мещанином, муллой Адимовым (речь идет скорее всего о купце М.М.Адамове). Далее в нем говорится, что в 1829 г. мечеть была пожертвована в казну. Вероятно, это означает, что приход, в котором основную массу составляли мусульманские военнослужащие, передала под государственную опеку и финансирование. В 1837 г. вместо сгоревшего храма было выстроено новое здание мечети.

Необходимо отметить, что по высочайше утвержденным 14 марта 1867 г. штатам пороховых заводов на Казанском пороховом заводе была предусмотрена должность муллы с жалованьем в 128 рублей 70 копеек в год.

¹³⁸ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.9614.

Здание Первой соборной мечети в Пороховой слободе. Фото начала XX в.

Кроме того, мулла получал квартирные — 42 рубля 85 копеек в год. Однако государственное довольствие мусульманского священнослужителя продолжалось недолго: в 1872 г. были высочайше утверждены новые штаты Казанского порохового завода. В них должность священнослужителя уже не упоминалась и мулла был исключен из ведомостей денежного довольствия. Завод, явно тяготясь содержанием мечети, предпринял все меры для передачи храма из своего ведения сначала городу, а затем и земству. 15 мая 1872 г. городская управа пришла к такому выводу — раз пороховой завод находится вне городской черты, мечеть расположена территориально в Казанском уезде, и, следовательно, не может быть передана городу.

Городская дума, естественно, согласилась с мнением управы. Казанская губернская земская управа 31 мая 1872 г. уведомила все заинтересованные стороны о передаче вопроса на рассмотрение Казанской уездной управе. А та, в свою очередь, 8 июля того же года сообщила, что в ее ведении богослужбных зданий нет и здание мечети на свой баланс она принять не может. В конце концов 22 января 1873 г. губернское правление предложило прихожанам взять все заботы о мечети на себя. 3 марта 1873 г. мусульмане порохового завода дали подписку приставу первого стана Казанского уезда в том, что они дают согласие на переговоры с дирекцией предприятия «о принятии в свое ведение мечети».

К 1874 г. вопрос был окончательно решен¹³⁹. В начале XX столетия в махалле насчитывалось 515 душ мужского и 500 женского пола, проживавших в 100 дворах. В приходском мектебе получали знания 80 мальчиков и 40 девочек.

Мечеть «Барудия» славилась тем, что в первой половине XIX в. ее священнослужителями были весьма авторитетные религиозные деятели, избравшиеся на должность казия Оренбургского Магометанского Духовного собрания.

Одним из первых имамов общины, по сведениям Ш.Марджани, являлся Габдельзаббар бин Габдрахман бин Морадым бин Зиханмухаммед бин Акмухаммед бин Ярмухаммед бин Назир бин Юнус бин Иванай аль-Урнашбаши (?—1829) — представитель древней династии мусульманских священнослужителей, служивших правоверным на протяжении нескольких столетий в дер.Качелино, Серда, Урнашбаш и других селениях Заказанья. Габдельзаббар-хазрат — духовный глава урнашбашской махалли, избранный на трехлетний срок в Духовное собрание, по завершении государственной службы в 1826 г. переехал в Казань, где по просьбе мусульман Пороховой слободы стал имам-хатибом приходской мечети.

После его смерти должность имама занял Амин бин Дамин бин Мухаммедкул бин Баймат бин Ази аль-Жабали аль-Танави (?—1842). Он родился в дер.Танаево Свяжского уезда Казанской губернии. После учебы в сельском и казанском медресе (скорее всего при Четвертой соборной мечети) служил имамом в родной деревне. В 1823 г. муллу, славившегося на всю округу своими глубокими знаниями, высокой нравственностью, добрым характером, избрали на должность казия Оренбургского Магометанского Духовного собрания. Здесь он также проявил себя с самой лучшей стороны и даже некоторое время, после смерти муфтия М.Хусаинова, руководил этим государственным органом. По свидетельствам современников, Амин-кази хорошо владел русским языком и считался самым образованным среди заседающих собрания. В конце 20-х гг. XIX в. священнослужитель переехал в Казань, где несколько лет исполнял обязанности имам-хатиба в Пороховой слободе. Затем он уехал на родину в дер.Танаево.

В 1831 г. Амин-хазрата в слободской мечети сменил уроженец и мулла дер.Барышево Тетюшского уезда, также бывший кази Оренбургского Магометанского Духовного собрания Габденасир бин аль-Мухаммед аль-Жабали аль-Барыши. После избрания его во второй раз заседателем ОМДС и отъезда в Уфу мусульмане Пороховой слободы пригласили к себе в 1835 г. духовным наставником отставного казия ОМДС Шамсутдина бин Башира бин Мурада аль-Казани-хаджи. Родом он был из дер.Новый Кишет Казанского уезда. Служил муллой в дер.Печментай, считался авторитетным и образованным богословом. Однако в Пороховой слободе его проповедническая деятельность не сложилась. Шамсутдин-хазрат совершил противоправный поступок и был отстранен от должности приходского муллы. Какое-то время его замещал сын — Сагдетдин-хаджи, но муфтий Габдессалям Абдрахимов так и не разрешил выдать ему на это официальное свидетельство.

¹³⁹ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.258. — Л.2—36об.

Мусульманам Пороховой слободы пришлось искать нового имама. В результате им стал Абдракип Абдулмукуминов (1801-?), тептярь, уроженец дер. Абдрахманово Бугульминского уезда Самарской (ранее Оренбургской) губернии (ныне — Альметьевский район РТ). Религиозное воспитание он получил в медресе с. Байряка. 11 ноября 1826 г. по указу Оренбургского губернского правления (№ 32452) он был определен муллой в мечеть своей родной деревни. Затем указами Казанского губернского правления от 23 июля 1838 г. (№ 2636) и ОМДС от 18 ноября того же года (№ 1221) Абдулмукуминов был переведен в мечеть Казанского порохового завода. Он прибыл в Казань и приступил к исполнению обязанностей имам-хатиба 29 июля 1838 г.

За 34 года своей добросовестной и энергичной работы Абдракип-хазрат был отмечен многочисленными наградами и поощрениями. В октябре 1842 г. по высочайшему повелению, сообщенному в отношении министра внутренних дел, мулла «за отличное усердие в исправлении своей должности и обучении нижних чинов и детей их магометанского закона грамоте» был исключен из податного сословия «по служению в Казанском пороховом заводе». В марте 1843 г. Абдулмукуминов был награжден серебряной медалью «За усердие» на Аннинской ленте, а в апреле 1862 г. — золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте. Почтенный имам жил с тремя женами: Сахибзямал Иманкуловой, Мяхубзямал Сайдашевой, Бибизюбейдой Забировой. У него было три сына: от первого брака — Абдулгани и Нургали, от второго — Миргали.

В связи с передачей мечети из военного ведомства мулла обратился на высочайшее имя с просьбой об увольнении по состоянию здоровья с определением ему соответствующей пенсии. Престарелый священнослужитель получил ответ от штабс-офицера по хозяйственной части завода, подполковника Эсманта, замещавшего в этот период начальника завода. Подполковник привел массу доводов, по которым мулла не мог получать просимый пенсион. Он писал о том, что, несмотря на выплачиваемое ранее жалованье, должность муллы не была отнесена ни к одному из пенсионных разрядов, приводил мнение Главного штаба о том, что увольнение муллы не зависит от военного ведомства, «ибо мулла Мукменев был определен к мечети при Казанском пороховом заводе не распоряжением военного ведомства, а указами Казанского губернского ведомства и Оренбургского магометанского духовного собрания». Однако главной являлась следующая причина: в «уставе о пенсиях» не имеется пенсий духовным лицам нехристианских исповеданий. Таким образом, несмотря на все свои награды, священнослужитель так и не смог добиться пенсионного содержания.

Новым главой прихода стал старший сын бывшего муллы — Нургали Абдулмукуминов (р. 10.03.1838). 10 августа 1873 г. КГП выдало ему соответствующий указ (№ 6742)¹⁴⁰. На протяжении 20 лет он являлся образцом мыслящего и исполнительного священнослужителя.

В ноябре 1888 г. Оренбургское Магометанское Духовное собрание обратилось в Казанское губернское правление с ходатайством об утверждении хазрата в звании ахуна. В своем рапорте Собрание отмечало, что «имам порохового завода г. Казани Нургалий Абдракипов (Нургали Абдулмукуминов. — Авт.)

¹⁴⁰ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.335. — Л.2-9.

при хорошей и надежной нравственности, доброго поведения отличается ревностным исполнением возложенных на него начальством поручений». 24 декабря того же года он утверждается в этом почетном звании.

В мае 1894 г. прихожане по просьбе Н.Абдулмукуминов направили в правление приговор, в котором просили в помощь мулле «по обширности прихода» утвердить имамом его родного сына, казанского мещанина Ахметзяна Нургалеевича Абдулмукуминова (12.11.1871–29.06.1912)¹⁴¹. Каких-либо препятствий это ходатайство не вызвало, и 29 июля того же года увидел свет указ (№ 1882) о его назначении. После смерти имам-хатиба руководство махаллей перешло к его племяннику Абдулбарею Абдулмукуминову¹⁴².

Имена первых приходских муэдзинов пока неизвестны. 10 августа 1854 г. (указ № 7471) на должность азанчи мечети при Казанском пороховом заводе был избран тептярь из дер.Абдрахманово Бугульминского уезда Самарской губернии Абдулгани Абдракипович Абдулмукуминов, сын главы махалли. Прослужив почти 30 лет, 20 апреля 1882 г. он скончался. 19 октября 1882 г. (указ № 7523) его место занял родной сын — Абдулбарей Абдулмукуминов. 16 июня 1912 г. по указу КГП (№ 3362) он был перемещен на должность имам-хатиба той же махалли. Со слов члена ОМДС Кашшафа Тарджиманова, А.Абдулмукуминов умер в 1920 г.

Новым азанчи 8 ноября 1912 г. (указ № 5328) избирается Исхак Хусаинович Габдуллин, перешедший впоследствии на должность имам-хатиба в дер.Каргали Спасского уезда. Последним известным нам муэдзином первого прихода стал бывший мулла дер.Старый Баран Спасского уезда — указ № 5205 от 30 ноября 1909 г., Габдуллазян Ахметсавинович Мансуров (1880–?), назначенный муэдзином 8 декабря 1914 г. (указ № 11356). В сентябре 1914 г. он обратился к прихожанам Пороховой мечети с просьбой разрешить ему перевестись в эту махаллю из-за бедности своего бывшего прихода. КГП предложило Мансурову занять вакансию муэдзина, и тот ответил согласием. После смерти А.Абдулмукуминова 11 января 1921 г. Мансуров становится имам-хатибом Первой соборной мечети.

Этому священнослужителю пришлось пережить все мытарства, связанные с закрытием мечети в советское время. В эти годы он проживал вместе со своей женой Банат (1885–?), детьми Хаввой (1909–?), Лябибой (1912–?), Саидой (1914–?), Мухамметом (1916–?), Сакиной (1918–?), Ахметом (1924–?), Муниром (1926–?) в собственном доме (ул.Караваяевская, 129).

Давление властей на общину началось в 1929 г., когда были инспирированы так называемые «конференции» рабочих завода № 40 (17.11.1929), текстильной фабрики им. В.И.Ленина (29.11.1929), швейных фабрик № 5 и 6 (21.12.1929), требовавших закрытия культовых зданий в Заречье. В то время подобные просьбы и заявления трудящихся рассматривались весьма оперативно.

Уже 6 февраля состоялось заседание Президиума ЦИК ТАССР, на котором слушалось «представление Заречного райсовета о закрытии мечети в слободе Восстания». В постановлении заседания говорилось следующее: «Учитывая ходатайства ряда рабочих организаций о закрытии мечети № 15 и

¹⁴¹ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.4897. — Л.2–15.

¹⁴² НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.8987. — Л.2–12.

принимая во внимание: а) что мечеть находится в рабочем районе, б) что вблизи означенной мечети находится большая мечеть, могущая обслужить всех верующих Заречья, в) что в заречном районе ощущается острый кризис в помещениях для культурных нужд, президиум ЦИК постановляет: 1) договор с общиной верующих № 15 в слободе Восстания расторгнуть и мечеть закрыть с передачей здания Заречному райсовету для использования под культурные нужды Заречья»¹⁴³.

Буквально через месяц, 11 марта 1930 г., органы власти выполнили постановление ЦИКа, закрыв мечеть и передав в государственный фонд все ее имущество: 7 ковров, 19 половиков, настенные часы с гириями, 3 лампы, 3 бра, 1 маленькую люстру и 1 «амвон». Мусульмане махалли, возмущенные таким развитием событий, обратились 11 апреля 1930 г. с заявлением в Наркомат внутренних дел республики. Этот документ, подписанный председателем общины М.Рахимовым от имени 206 рабочих, приводил свои справедливые доводы: «...в нашем приходе религиозный дом «мечеть» была взята не по постановлению подавляющего большинства. Поэтому просим перед председателем Наркомвнудела о возврате мечети. О чем прилагаются на сим заявлении подписи прихожан названной мечети № 15, работающие на заводах и фабриках в качестве рабочих и служащих, которым неизвестно было собрание, где якобы голосованием постановили закрыть мечеть № 15 слободы Восстания. Если и было такое постановление приведено к исполнению, то насколько нам видно, подписались те лица, которые сегодня здесь, а завтра где-либо в деревне по месту их постоянного жительства, словом, люди, кочующие... те, которые были против мечети, не участвовали в платеже налога земельного и на строение»¹⁴⁴.

Далее мусульмане просили вернуть им культовое здание, отнятое на основании незаконных документов. Но в стране, где вершили дела исходя из принципа революционной целесообразности, ссылки на законность не принимались в расчет. ЦИК на своем заседании 13 июля 1931 г. отклонил ходатайство верующих. Мечеть переоборудовали под детскую площадку, выделив на это из бюджета 6000 рублей. Так завершилась история одной из старейших мусульманских общин казанского Заречья.

Вторая соборная мечеть (ул.Новомечетная, не сохранилась). Новый самостоятельный приход в Пороховой слободе образовался в 1898 г. В 1899 г. строительство Второй соборной мечети было завершено. В начале XX столетия махалля состояла из 520 душ мужского и 490 женского полов, проживавших в 180 дворах. В приходском мектебе обучались грамоте 70 шакирдов.

Главой прихода 17 января 1900 г. (указ № 121) стал Салихзян Мукминов (р.12.05.1875 г.).

На должность муэдзина 1 февраля 1902 г. (указ № 390) был избран башкир дер.Кагазитамаково Мишкинской волости Бирского уезда Уфимской губернии Иргали Негаметзянович Бабичев, выпускник Второго городского татарского начального училища¹⁴⁵. Иргали-азанчи являлся близким родст-

¹⁴³ НА РТ. — Ф.732. — Оп.6. — Д.31. — Л.43.

¹⁴⁴ Там же. — Л.43.

¹⁴⁵ Там же. — Л.44-45.

Вторая соборная мечеть в Пороховой слободе. Фото начала XX в.

венником известного татаро-башкирского поэта Шаехзаде Бабича. С 1901 г. будущий муэдзин жил в Пороховой слободе на Караваевской улице в медресе Ахметзяна Абдулмукминова.

Его избранию предшествовали 2 года различных проволочек. Первый приговор о назначении его во вновь построенную вторую мечеть был отвергнут Казанским губернским правлением из-за неточностей в оформлении. Во втором приговоре в июне 1900 г. общество просило определить его имамом, но ОМДС посчитало, что определение его вторым муллой «*по малочисленности душ в приходе и бедности прихожан представляется нежелательным*».

Свою роль в отказе сыграло противодействие муллы С.Мукминова. Хазрат настоял на определении Бабичева не муллой, а всего лишь азанчи. Прихожане писали, что С.Мукминов «*отклоняет утверждение азанчя Иргалея Бабичева в виду личных своих интересов*» и нанимает исправлять должность азанчи по своему произволу — кого захочет. Со слов прихожан, мулла грозился принять меры в случае избрания Бабичева: «*то меня не будет, или я его убью*».

Приход действительно был не самым зажиточным. Так, в первую после строительства зиму не было средств на отопление мечети и случайно разбитые оконные стекла долго не менялись. Противоречия между священнослужителями, слабая материальная база приходской школы вынудили мусульман махалли объединить свои усилия и создать в 1914 г. попечительство второго прихода Пороховой слободы. На сходе мусульман 2 ноября 1914 г., на котором присутствовал 71 домовладелец, был составлен приговор, в котором, в частности, отмечалось: «*Ввиду того, что построенное в нашем приходе медресе со стороны духовенства почему-то приходит в упадок, средств для его существования нет, а так как в этом медресе обучаются наши дети до 60 человек и закрыть для нас медресе крайне не желательно, ввиду того, что при благоприятном исходе мы считаем себя самостоятельными и содержать на наши средства медресе, а равно нанять сторожа, а равно в помощь азанчю Бабичеву и еще учителя*»¹⁴⁶. Для достижения этих целей планировался сбор средств с каждого шакирда в размере 1 рубля. От оплаты обучения освобождались лишь ученики из бедных семей и дети военнослужащих, находящихся на действительной службе. В состав попечительства были избраны домовладельцы второй махалли: мещанин Назмутдин Абдулов (Мещанская улица), крестьянин дер.Ямбухтино Спасского уезда Зиганша Хусаинов (Мещанская улица), крестьянин дер.Мендюш Казанского уезда Набиулла Мухамедгалимов (улица Грязнушка), крестьянин дер.Бурнашево Тетюшского уезда Ахметкарим Садыков — будущий имам мечети (улица Вторая Грязнушка), мещанин Сиразетдин Мазитов (Караваевская улица), мещанин Фаизрахман Нигматуллин (Караваевская улица), мещанин Камалетдин Зайнашев (Караваевская улица), мещанин Халиулла Хасанов (Караваевская улица), крестьянин дер.Эбалаково Тетюшского уезда Абдрахман Аюпов (улица Н-Песочная), крестьянин дер.Чулпич Мамадышского уезда Абдрахман Яхьин (Караваевская улица), крестьянин дер. «*по речке Домбе*» Казанского уезда Назмутдин Бадрутдинов (Караваевская улица), крестьянин

¹⁴⁶ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.6421. — Л.2-16.

дер. Нижние Аты Казанского уезда Салимзян Ибрагимов (Караваневская улица).

После революции в 1921 г. Иргали Бабичев отказался от духовного звания. Новым муэдзином стал крестьянин дер. Бурнашево Тетюшского уезда (ныне — Апастовский район РТ) Ахметкарим Мухаметсадыков (1873—?), утвержденный 4 октября 1921 г. Он находился на этой должности вплоть до 1929 г., т.е. до самого закрытия мечети. Затем долгие годы оставался неформальным главой мусульман бывшей второй махалли Пороховой слободы. Известно, что еще в 1939 г. он помогал местным жителям отправлять мусульманские обряды.

Вторая соборная мечеть была закрыта в начале 30-х гг. XX в. Здание было разобрано.

§ 3. Мечети Адмиралтейской слободы

Первая соборная мечеть (ул. Большая, не сохранилась). Татарское селение Бишбалта, что в переводе с татарского языка означает «пять топоров», было основано у устья Казанки еще в болгарский период. Лесистые берега Идели (Волги), удобная глубокая бухта — все это способствовало развитию не просто плотницкого промысла, но и целой судостроительной отрасли. В Бишбалте жили искусные мастера своего дела, заготавливавшие добротный лес как для местных нужд, так и на продажу, строившие военные и торговые суда для ханского флота.

После присоединения края к Русскому государству традиции лесного промысла и мастерства по дереву не угасли. Поэтому не случайно, что именно в Бишбалте в 1718 г. было образовано адмиралтейство.

Первая зарегистрированная государством махалла в Адмиралтейской слободе (Бишбалте) возникла, по официальным сведениям, в начале XIX в. Ряд ведомостей о магометанских приходах г. Казани временем создания мусульманской общины и строительства первой слободской деревянной мечети указывают 1803 г.

Ш. Марджани в своей книге «Мустафадел-ахбар...» приводит данные о том, что мечеть в Бишбалте была построена в 1805 г. на средства казанского купца Юсуфа Муртазина по прозвищу Шатун (казанский купец 2-й гильдии Ю. М. Шатунов). Мечеть неоднократно ремонтировалась и перестраивалась, в том числе с помощью казанского купца 1-й гильдии И. Г. Юнусова. Некоторые источники датой строительства храма называют 1835 г., хотя, на наш взгляд, в это время он, скорее всего, просто подвергся капитальному ремонту или реконструкции.

Одним из первых священнослужителей слободской мечети был Абдулсалям-мулла, которого 27 октября 1843 г. (указ № 6324) сменил его сын — казанский мещанин Хуснутдин Абдулсалямов. Прослужив в приходе двадцать пять лет, он все же не сумел стать духовным руководителем прихожан. Более того, из-за своего жесткого характера и допущенных при службе проступков Х. Абдулсалямов подвергся обструкции со стороны не только общины, но и казанских властей. В середине 60-х гг. XIX в. по жалобе его жены

Здание Первой соборной мечети в Адмиралтейской слободе. Фото начала XX в.

Бибигайши-Зямалы Хуснутдиновой проводилось дознание по делу о жестоким обращении. В ходе разбирательства Абдулсаламов умудрился оскорбить полицейского пристава 5-й части Весновского. В итоге по решению Казанского уездного суда, вынесенному в августе 1867 г. и подтвержденному постановлением головной палаты, в 1868 г. он был заключен в смиренный дом на 4 месяца. Не помогли мулле и ссылки на собственную добросовестность и исполнительность, а также на то, что в апреле 1857 г. в «Казанских губернских ведомостях» ему была выражена признательность «за исполнение поручений по должности переводчика и увещателя при производстве дел о татарах».

В ходе следствия выяснилось, что мулла незаконно сочетался браком с несовершеннолетней Бибигайшой. Все это переполнило чашу терпения прихожан, и они в январе 1869 г. обратились в ОМДС с просьбой о снятии Абдулсаламова с должности. Новым муллой они предложили избрать крестьянина дер.Казыево Ключищинской волости Тетюшского уезда (ныне — Камско-Устьинский район РТ) Билялетдина Габитова (20.05.1841 — не позднее 1920). Однако этот приговор, как и последующие, был положен до поры до времени под сукно.

Целых пять лет длилось противостояние священнослужителя и махалли. Тем не менее многочисленные жалобы прихожан на своего муллу заставили Казанское губернское правление в феврале 1874 г. предложить Оренбургскому Магометанскому Духовному собранию снять Абдулсаламова с должности как человека, опороченного судом и находящегося под следствием по делу о венчании с несовершеннолетней. Духовное собрание согласилось с решением правления, и 26 апреля 1874 г. мулле было объявлено о его отстранении от выполнения обязанностей имам-хатиба бишбалтинской мечети¹⁴⁷.

Абдулсаламов попытался обжаловать решение губернских властей в правительствующем сенате, но ему не удалось добиться пересмотра дела. К тому же он не смог подать апелляцию в определенный законодательством месячный срок. Он предпринимал попытки вернуть себе духовное звание около двух лет, но в 1876 г. его просьба было оставлена без удовлетворения. В 1878 г. Абдулсаламов вновь пытается определиться в приход, но выборные от прихожан, подав прошение на имя казанского губернатора, просили оградить их от настойчивости бывшего муллы. 4 апреля 1878 г. губернское правление предписало казанскому полицмейстеру наблюдение за действиями Х.Абдулсаламова «как беспокоящего приход своими происками»¹⁴⁸. Даже по прошествии 10 лет с момента увольнения он пытается уговорить своих бывших прихожан назначить его хотя бы вторым муллой. В июне 1884 г. такой приговор от имени поверенных даже поступает в губернское правление, но оно по-прежнему непреклонно¹⁴⁹.

Через год правительствующий сенат жалобу Абдулсаламова вновь оставляет без последствий. Неугомонный правоборец в 1888 г. начинает все

¹⁴⁷ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.862. — Л.1-2.

¹⁴⁸ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.144. — Л.1-6.

¹⁴⁹ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.2825. — Л.1-98.

сначала, пока в 1889 г. из сената не приходит окончательный отказ в определении его на должность имама¹⁵⁰.

Новым муллой по желанию прихожан стал Билялетдин Габитов (указ № 3143 от 4 мая 1874 г.), получивший образование в Айтугановском медресе при Четвертой соборной мечети.

1 декабря 1892 г. прихожане составили приговор о назначении ему в помощь вторым муллой крестьянина Костромской губернии, уроженца Подгорной татарской слободы Шарафутдина Хисамутдиновича Абызова (21.11.1859—8.04.1911). Он получил религиозное образование в Казани и к моменту избрания состоял преподавателем мусульманского вероучения при Уфимской мужской гимназии.

Казанское губернское правление утвердило его в должности имама 22 мая 1893 г. (указ № 1032)¹⁵¹. Ум и знания Абызова способствовали быстрому росту его авторитета в среде казанских и уфимских священнослужителей. Шарафутдин-хазрат принимал активное участие в общественной жизни мусульман губернского центра. Он был сторонником разумных преобразований в образовательной сфере, много и энергично трудился в правлении Общества пособия бедным мусульманам. Профессионализм и добропорядочность имама по достоинству оценили государственные ведомства. Так в 1902 г. Оренбургское Магометанское Духовное собрание обращается с рапортом в Казанское губернское правление, в котором ходатайствует об утверждении Абызова ахуном, и 22 мая 1902 г. он был возведен в это почетное звание. Одновременно было подтверждено, что он является первым муллой-хатибом слободской мечети. Однако в возрасте 52 лет Ш.Абызов скоропостижно скончался, и приход вновь вынужден был возглавить Б.Габитов.

В апреле 1912 г. прихожане составили приговор, и вторым муллой в помощь престарелому отцу был избран его сын — Исмагил Билялетдинович Габитов (р.8.08.1891). Он получил образование в Айтугановском медресе у мударриса Ибрагима Закировича Халитова, завершив курс обучения в 1910 г. Исмагил Габитов был яркой личностью, представителем нового поколения религиозных деятелей, человеком передовых взглядов, сторонником реформирования системы национального просвещения. Он считался товарищем и единомышленником многих представителей татарской демократической интеллигенции.

Часть прихожан, недовольная этим выбором, направила анонимное письмо казанскому губернатору. В нем, в частности, говорилось, что большая часть домовладельцев прихода считает приговор общества неверным, так как подписи под ним поставили лишь «квартиранты», а главное заключается в том, что личность нового муллы вызывала у них сомнения в благонадежности, так как *«он среди нас не жил два года, учился в Бухаре, потом два года в Турции. В последней учился с хаджийским паспортом; как только он приехал из Турции, отец его своими угрозами заставляет нас избрать сына муллой, которого мы не желаем. Просим Ваше превосходительство избавить нас от такого негодяя»*. Однако канцелярия губернатора не увидела

¹⁵⁰ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.3572. — Л.1-18.

¹⁵¹ НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.4646. — Л.1-51.

препятствия к определению Габитова. Его назначению помешал возраст претендента, не достигший к моменту подачи ходатайства узаконенных 22 лет. Лишь 19 января 1914 г. Казанское губернское правление выдало И.Габитову соответствующий указ (№ 428) на утверждение в должности имама. В 1916 г. он и его отец получали жалованье в 300 рублей в год.

Приходским муэдзином долгое время служил Ибрагим Шагимарданович Сейфуллин (ум. в декабре 1873). С 12 апреля 1874 г. (указ № 2435) вакантную должность занял крестьянин дер.Сатмыш Свияжского уезда Казанской губернии Юсуп Абдулзямилов (р.13.10.1847). Он обладал правом исполнять должность имама в отсутствие остальных священнослужителей. В 1906 г. Ю.Абдулзямилов скончался, и должность муэдзина занял Шакир Мирхайдаров (р.6.11.1873) — крестьянин дер.Мусеевка Ставропольского уезда Самарской губернии, учившийся в Апанаевском медресе Казани и получивший соответствующий указ (№ 3535) 10 июля 1907 г. К 1916 г., после возникновения второго прихода, в махалле насчитывалось 540 мужчин, 520 женщин, проживавших в 77 дворах.

Приходское медресе было основано 1 февраля 1878 г. Для его открытия община собрала 600 рублей. В 1916 г. в нем обучалось 40 шакирдов. Преподавали в медресе имам И.Габитов, а также азанчи и учитель Гали Мухаметкаримов — крестьянин дер.Малый Горелый Куюк Казанского уезда, получивший образование в Галеевском медресе («Мухаммадия»). В качестве жалованья приход выплачивал ему 20 рублей в месяц. Существенную поддержку молодому педагогу оказывала стипендия из вакуфного фонда Ахмедбая Хусаинова. Жены муллы и азанчи обучали грамоте девочек (49 учеников) на дому. Несмотря на то, что в официальных документах способом преподавания в медресе назывался старый метод, реально здесь царила реформаторская, джадидистская атмосфера. Шакирды в течение четырехлетнего курса получали не только прекрасное духовное образование, но и знания по арифметике, истории, географии, татарскому языку и литературе.

Кроме медресе, в Адмиралтейской слободе существовало и городское мусульманское приходское училище, содержавшееся на городские средства. В нем преподавал выпускник Татарской учительской школы Абдрахман Валеевич Рафиков, а вероучителем являлся приходской мулла. Город выплачивал обоим жалованье: Рафикову — 400 рублей, мулле — 300 рублей в год.

Община Первой соборной мечети до конца 30-х гг. XX столетия оставалась единственной официально существующей махаллей в Заречье. В 1926–1936 гг. имам-хатибом служил уроженец дер.Абызово Тетюшского уезда (ныне — Камско-Устьинский район РТ) Саидбаттал Кагиров (1862–?).

В 1938 г. он добровольно отказался от исполнения своих обязанностей, и новым муллой мечети стал крестьянин дер.Большие Буртасы Камско-Устьинского района ТАССР Кашшаф Сафиуллин (1871–?). В конце 20-х — начале 30-х гг. он был имамом в дер.Багишево Кайбицкого района ТАССР, затем (1932–1938) работал охранником и чернорабочим в различных учреждениях и организациях Казани.

Первая соборная мечеть Адмиралтейской слободы была закрыта указом Президиума Верховного Совета ТАССР от 2 июня 1939 г.

Вторая соборная мечеть (ул. Большая, не сохранилась). Вторая махалля в слободе была образована в конце XIX в. Казанское губернское правление 18 февраля (по другим сведениям, 7 февраля) 1898 г. разрешило жителям Бишбалты строительство Второй соборной мечети. Средства на ее возведение выделил крупный предприниматель, казанский купец 1-й гильдии Сулейман Аитов. К ноябрю того же года постройка храма была завершена. В махаллю, состоявшую в 1916 г. из 410 душ мужского, 412 женского пола, проживавших в 48 дворах, вошли части улиц Большая Заверниха, Тулуновка, Тимофеевка, Пенза, Солдатская, часть Жировки и Устья. В приходе Первой мечети остались части улиц Большая Красная, Жировка и близлежащие окрестности, в том числе Ягодная слобода.

Строитель мечети С.М.Аитов (1.02.1862–1922) происходил из древнего татарского рода мурз и крупных предпринимателей. В 1892 г. он продолжил семейное дело по торговле сырьем и пушниной в Казани, Сибири, Средней Азии. Ежегодный валовой доход одного только казанского коммерческого предприятия С.М.Аитова превышал 1 миллион рублей. Соответственно высоким было и общественное положение предпринимателя. Он с начала 90-х гг. XIX в. вплоть до 1917 г. избирался гласным городской думы, состоял почетным членом Казанского губернского попечительства детских приютов (1897–1917) и т.д. Неутомимая общественная деятельность купца неоднократно поощрялась властями. 30 января 1897 г. за содействие в проведении всеобщей переписи у татар его наградили темно-бронзовой медалью и 9 января 1898 г. золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте. 4 июля 1913 г. заслужил благодарность императрицы, за пожертвование в пользу неимущих предприниматель 21 февраля 1913 г. получил право ношения светло-бронзовой медали в честь 300-летия царствования Дома Романовых.

Высокое доверие, которым предприниматель пользовался в торговом обществе, позволило ему активно работать в банковских структурах. Он являлся членом (1898–1917) учетно-ссудного комитета Казанского отделения Государственного банка по торгово-промышленным кредитам (КОГБ). За работу в КОГБ награжден 1 января 1904 г. золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте; 1 января 1908 г. золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте; 1 января 1916 г. золотой медалью «За усердие» на Александровской ленте. Кроме того, он входил в правление Казанского купеческого банка.

С.М.Аитов был женат на Фатихе Абдулвалеевне Яушевой (1866–1942) — дочери троцкого купца-миллионера. Эта женщина известна в истории татарского народа тем, что в 1908 г. создала в Казани первую национальную женскую гимназию. С.М.Аитов специально для этого учебного заведения отстроил прекрасное кирпичное здание и снабдил его всем необходимым. Для своего времени коммерсант придерживался довольно прогрессивных взглядов. Он решительно выступал за реформу татарских медресе, участвовал в создании первой мусульманской политической партии в России «Союз мусульман», старался по мере возможности финансировать все передовые начинания в жизни нации. С.М.Аитов являлся также крупным благотворителем, не жалевшим денег на богоугодные дела. Поэтому он откликнулся на просьбу слободских мусульман о строительстве Второй соборной мечети.

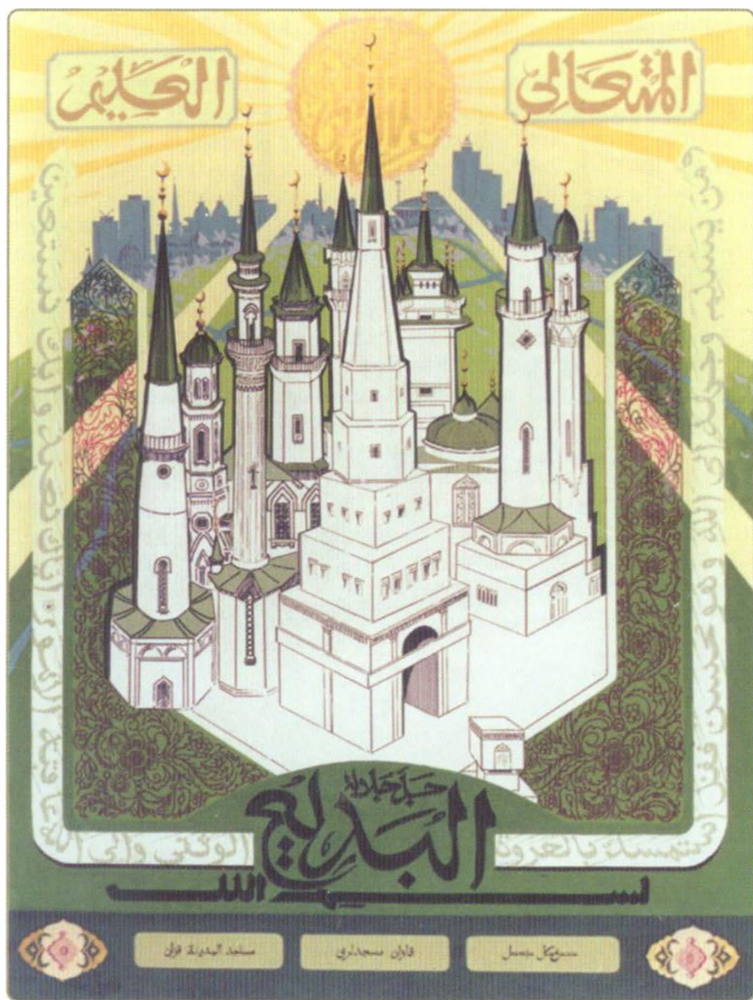

Вторая соборная мечеть в Адмиралтейской слободе. Фото начала XX в.

Главой прихода с 9 декабря 1898 г. (указ № 3152) стал имам-хатиб дер. Малый Альдермыш Студеноключищенской волости Казанского уезда Абдулла Насретдинович Амирханов. Он родился в дер. Дюсюм в семье священнослужителя. Его отец — Насретдин Сагадудинов являлся указным муллой этой деревни с 7 сентября 1864 г. Родоначальником династии был Рахметулла Амирханов, дед А. Амирханова, утвержденный в духовном звании 15 октября 1799 г.¹⁵²

А. Амирханов, окончивший Апанаевское медресе, жил в стенах своего учебного заведения с 1894 г., дожидаясь вакансии городского муллы.

¹⁵² НА РТ. — Ф.2. — Оп.2. — Д.5779. — Л.5-32.

Шамаль «Мечети Казани». Худ. Владимир Попов. Из книги Р. Шамсутова «Слово и образ в татарском шамале». 2003. Цветной вкладыш, ил. 58

Обязанности муэдзина (указ № 3153 от 9 декабря 1898 г.) с правами имама исполнял крестьянин дер. Студеные Ключи Казанского уезда Шигабутдин Ибрагимович Сайфуллин (р. 1.09.1861). Оба священнослужителя получили образование в Апанаевском медресе. В 1916 г. мулла второго прихода получал жалованье в 300 рублей, а муэдзин в 240 рублей в год.

В приходском мектебе обучались грамоте 45 шакирдов. Помимо муллы и азанчи, преподавание по звуковому методу вел мугаллим И. Ш. Валеев, с оплатой в 20 рублей ежемесячно. Сам Валеев являлся воспитанником медресе второго прихода г. Чистополя.

Мечеть была закрыта постановлением Президиума ТатЦИКа от 11 сентября 1929 г. Впоследствии разобрана.

Мечеть Кий Шариф в XVI в. Худ. Рушан Шамсутдинов

Резюме

Книга Р.Р.Салихова, Р.Р.Хайрутдинова «Исторические мечети Казани» посвящена прошлому мусульманских общин города и их культовых зданий, возведенных во второй половине XVIII — начале XX вв. Она написана на основе документальных архивных материалов с опорой на труды известных татарских дореволюционных историков Х.Амирхана, Ш.Марджани, Р.Фахретдинова, К.Насыри и др. Работа состоит из отдельных очерков, рассказывающих о строительстве мечетей, духовных деятелях, профессиональной приходской школе, крупных предпринимателях-благотворителях, важных исторических событиях, происходивших в ее махалле и многом другом.

В первой главе описываются мусульманские культовые памятники Старотатарской слободы Казани. Большое место здесь занимает очерк о старейшей каменной мечети города — мечети Марджани, построенной по личному разрешению императрицы Екатерины II. В советский период она оставалась единственным религиозным учреждением Казани и потому отражает непростую историю татарского ислама в условиях воинствующего атеизма. Кроме этого, в главе уделяется достаточно большое внимание старинным общинам Апанаевской, Галеевской, Голубой и многих других мечетей.

Во второй главе рассматриваются махаллы другого исторического мусульманского района Казани — Новотатарской слободы, где существовали три знаменитые мечети: «Иске-Таш», «Одиннадцатая соборная» и «Десятая соборная», в которых служили имамами выдающиеся религиозные и общественные деятели.

Третья глава книги повествует о мечетях мусульманских общин казанского Заречья — Адмиралтейской, Пороховой и Ягодной слобод, объединявших татарское население, работавшее на местных промышленных предприятиях.

Об авторах: Салихов Радик Римович, старший научный сотрудник Института истории им.Ш.Марджани, кандидат исторических наук, заместитель директора АНО «Институт культурного наследия»; Хайрутдинов Рамиль Равилович, заместитель директора Института истории им.Ш.Марджани, кандидат исторических наук, директор АНО «Институт культурного наследия».

Summary

The book by R.R.Salikhov and R.R.Khairoutdinov «Historical Mosques of Kazan» is dedicated to the past of city muslim communities and their cult buildings that were erected in a time period lasting from the second half of XVIII century to the beginning of XX century. It is based on archive documents and makes use of works created by Tatar famous pre-Revolutionary historians, such as H.Amirkhan, S.Marjani, R.Fahretdinov, K.Nasyri and so on. The work is made up of separate articles that tell about the construction of the mosques, their spiritual figures, confessional parish school, significant philanthropic entrepreneurs, important historical events that happened within mosque's makhalla and many other things.

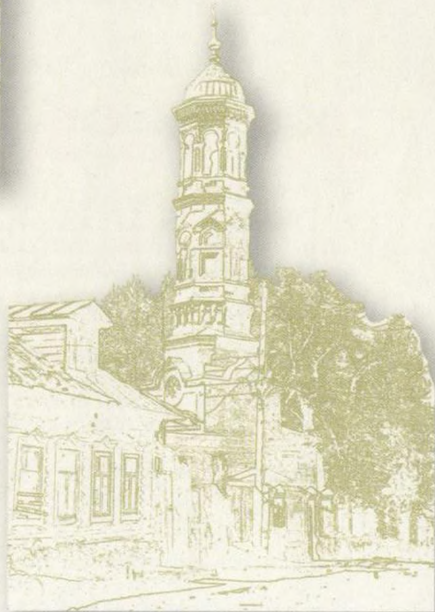
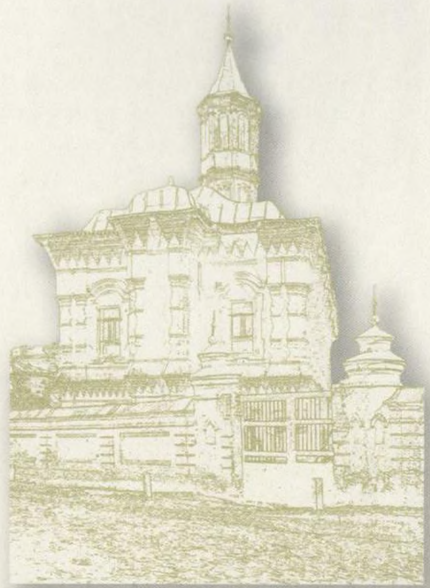
The first chapter describes muslim cult buidings throughout the Old Tatar District of Kazan. The article about the oldest stone mosque of the city, the Marjani Mosque, that was built after Impress Catherine' II personal permission, has a great place in this book. It remained the only religious institute of Kazan during the Soviet reign, therefore it reflects sophisticated history of Tatar Islam that was opposed by militant atheism. Apart from that, a great attention is paid to the communities of Apanayev, Galejev, Blue and many other mosques.

The second chapter takes up makhallas of another historical Muslim district — New Tatar District, where well-known mosques existed, named «Iske-Tash», «10th Cathedral» and «11th Cathedral». A lot of outstanding public and religious figures were imams of those mosques.

The third chapter recounts about mosques possessed by muslim communities of Kazan Zarechye — Admiralteyskaya, Porokhovaya, Yagodnaya districts. Those mosques united Tatar people who worked for local industry.

Authors: Salikhov Radik Rimovich, Marjani Institute's of History Senior Staff Scientist, candidate of historical sciences, Deputy Director of the ANO «Institute of Culture Heritage»; Khairutdinov Ramil Ravilovich, Marjani Institute's of History Deputy Director, candidate of historical sciences, Director of the ANO «Institute of Culture Heritage».

*В книге использованы фотографии Зуфара Баширова, Виталия Булатова,
Рустема Забирова, Владимира Смирнова, Рушана Шамсутдинова и др.*

Научно-популярное издание

Радик Салихов, Рамиль Хайрутдинов

Исторические мечети Казани

(на русском языке)

Редактор *И.Ф.Сафин*

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Т.В.Гредюшко*

Корректоры *А.Г.Хамитова, Н.И.Максимова*

Лицензия на издательскую деятельность № 04184 от 6 марта 2001 года.

Оригинал-макет подписан в печать 31.08.2005. Формат 70×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура «School Book». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,04. Усл. кр.-отт. 48,63. Уч.-изд.л. 14,15.

Тираж 3000 экз. Заказ А-618.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://www.tatarstan.ru/books/>

E-mail: tki@books.kazan.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО «Идел-Пресс». 420066. Казань, ул.Декабристов, 2.

